

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА и ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

- Концепция правовой политики
- Приоритеты правовой политики
- Правовая жизнь общества
- Право и политика в их взаимосвязи
- Федеральная и региональная правовая политика

САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

*Журнал включен ВАК Минобрнауки России
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук*

1 (62) • 2016

САРАТОВ • МОСКВА

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), д.ю.н., профессор; В.В. Нырк (зам. главного редактора), к.ю.н., доцент; О.Л. Солдаткина (ответственный секретарь), к.ю.н.; В.А. Абалдуев, к.ю.н., доцент; С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор; С.В. Ворошилова, д.ю.н., доцент; Н.А. Власенко, д.ю.н., профессор; О.С. Вырлеева-Балаева, к.ю.н.; А.В. Голикова, к.ю.н., доцент; М.В. Данилов, к.п.н., доцент; А.Н. Иванов, к.ю.н., доцент; Н.В. Исаков, д.ю.н., профессор; Е.В. Кобзева, к.ю.н., доцент; Н.Н. Ковалева, д.ю.н., доцент; А.В. Колесников, к.ю.н., доцент; И.П. Кожакарь, к.ю.н., доцент; Е.В. Колесников, д.ю.н., профессор; Г.Н. Комкова, д.ю.н., профессор; И.Н. Коновалов, д.и.н., профессор; Д.А. Липинский, д.ю.н., профессор; В.А. Пономаренков, к.ю.н., доцент; В.В. Попов, д.ю.н., доцент; В.А. Рудковский, д.ю.н., профессор; А.Ю. Саломатин, д.ю.н., д.и.н., профессор; А.Ю. Соколов, д.ю.н., доцент; В.В. Субочев, д.ю.н., доцент; Н.И. Сухова, к.ю.н., доцент; Л.А. Тимофеев, д.ю.н., профессор; В.Д. Холоденко, к.ю.н., доцент; Е.Ю. Чмыхало, к.ю.н., доцент; Р.З. Юсупов, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель), д.ю.н., профессор; С.А. Белоусов, к.ю.н., доцент; Е.В. Вавилин, д.ю.н., профессор; А.И. Демидов, д.ф.н., профессор; И.А. Иванников, д.ю.н., профессор; С.А. Комаров, д.ю.н., профессор; А.Г. Лисицын-Светланов, д.ю.н., профессор, академик РАН; Н.И. Михайлов, д.ю.н., профессор; С.Б. Суровов, д.с.н., профессор; С.Н. Туманов, к.ю.н., доцент; Ю.Л. Шульженко, д.ю.н., профессор; Р.С. Байниязов, д.ю.н., профессор; Ю.А. Волошин, д.ю.н., профессор (Украина); Г.А. Василевич, д.ю.н., профессор (Республика Беларусь); Г. Робберс, доктор наук, профессор (Германия); Я. Зелински, доктор наук, профессор (Польша); С. Лю, д.ю.н., профессор (Китай).

Editorial board:

A.V. Malko (editor-in-chief), Doctor of Law, Professor; V.V. Nyrkov (deputy of editor-in-chief), Candidate of Law, Associate Professor; O.L. Soldatkina (executive secretary), Candidate of Law; V.A. Abalduiev, Candidate of Law, Associate Professor; S.F. Afanasiev, Doctor of Law, Professor; N.A. Vlasenko, Doctor of Law, Professor; S.V. Voroshilova, Doctor of Law, Associate Professor; O.S. Vyrlieva-Balaeva, Candidate of Law, Associate Professor; A.V. Golikova, Candidate of Law, Associate Professor; M.V. Danilov, Candidate of Political Science, Associate Professor; A.N. Ivanov, Candidate of Law, Associate Professor; N.V. Isakov, Doctor of Law, Professor; E.V. Kobzeva, Candidate of Law, Associate Professor; N.N. Kovaleva, Doctor of Law, Associate Professor; I.P. Kojakar, Candidate of Law, Associate Professor; A.V. Kolesnikov, Candidate of Law, Associate Professor; E.V. Kolesnikov, Doctor of Law, Professor; G.N. Komkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; I.N. Konovalov, Doctor of History, Professor; D.A. Lipinskiy, Doctor of Law, Professor; V.A. Ponomarenkov, Candidate of Law, Associate Professor; V.V. Popov, Doctor of Law, Associate Professor; V.A. Rudkovskiy, Doctor of Law, Associate Professor; A.Y. Salomatin, Doctor of Law, Doctor of History, Professor; A.Ju. Sokolov, Doctor of Law, Associate Professor; V.V. Subochev, Doctor of Law, Associate Professor; N.I. Sukhova, Candidate of Law, Associate Professor; L.A. Timofeev, Doctor of Law, Professor; V.D. Holodenko, Candidate of Law, Associate Professor; E.Y. Chmyhalo, Candidate of Law, Associate Professor; R.Z. Yusupov, Candidate of Law, Associate Professor.

Editorial council:

N.I. Matuzov (chief), Doctor of Law, Professor; S.A. Belousov, Candidate of Law, Associate Professor; E.V. Vavilin, Doctor of Law, Professor; A.I. Demidov, Doctor of Philosophy, Professor; I.A. Ivannikov, Doctor of Law, Professor; S.A. Komarov, Doctor of Law, Professor; A.G. Lisitsin-Svetlanov, Doctor of Law, Professor; N.A. Mihajlov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Starilov, Doctor of Law, Professor; S.B. Surovov, Doctor of Sociology, Professor; S.N. Tumanov, Candidate of Law, Associate Professor; Ju.L. Shul'zhenko, Doctor of Law, Professor; R.S. Bayniyazov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Volishin, Doctor of Law, Professor (Ukraine); G.A. Vasilevich, Doctor of Law, Professor (The Republic of Belarus); G. Robbers, DR, Professor (Germany); J. Zielinski, Dr hab, Professor (Poland); S. Lyu, Doctor of Law, Professor (China).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ОБЩЕСТВА

<i>Автономов А.С. (г. Москва), Малько А.В. (г. Саратов), Немченко С.Б. (г. Санкт-Петербург)</i>	
Правовая политика современной России в Арктическом регионе	8
<i>Зелински Я. (г. Седльце, Польша)</i>	
О новой польской правовой политике после парламентских выборов 25 октября 2015 г.	17
<i>Мордовец А.С., Рагузина О.В. (г. Саратов)</i>	
Уважение как принцип и ценностное явление правовой политики	22
<i>Тихонова С.В. (г. Саратов)</i>	
Формирование коммуникационной правовой политики как основа построения информационного общества	28
<i>Хижняк Д.С. (г. Саратов)</i>	
Юридическая стратегия как элемент механизма реализации государственной правовой политики и методологии криминалистических исследований (на материале стратегий борьбы с транснациональными преступлениями)	33

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Гуляков А.Д. (г. Пенза)</i>	
Множественность моделей федерализма и использование компаративистского подхода в их исследовании	37
<i>Бабаков В.А. (г. Саратов)</i>	
К вопросу об объеме правоспособности государства как участника гражданско-правовых отношений	41
<i>Ананьева А.А. (г. Саратов)</i>	
О теоретических и практических юридических конструкциях	45
<i>Липкина Н.Н. (г. Саратов)</i>	
Принцип европейского консенсуса в практике Европейского суда по правам человека	49
<i>Темникова А.И. (г. Сургут)</i>	
Регистрация домашних животных как эффективный метод правового регулирования проблемы безнадзорности животных	55

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ — САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

<i>Пономаренков В.А.</i>	
Правовые акты и правоотношения как формы выражения правовой жизни общества	60
<i>Черевиченко Т.С.</i>	
Нормативно-правовое регулирование организации финансового контроля	67
<i>Болгова В.В., Новопавловская Е.Е.</i>	
Формирование основ экономической правовой политики в интерпретационной практике Конституционного Суда Российской Федерации	71

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Трофимов М.С., Диреганова А.В., Гварамия Д.В.

Общая характеристика правового регулирования формирования
и развития образовательных комплексов Республики Абхазия
и Республики Южная Осетия 77

Мухачёв И.В.

Временное ограничение пассивного избирательного права и права
участвовать в осуществлении избирательных действий граждан
Российской Федерации,
страдающих опасными инфекционными заболеваниями 85

Терещенко А.Н.

Понятие и признаки самовольной постройки в новой редакции
статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации 90

Мельникова М.П., Комаревцева И.А.

К вопросу о наследственных правах супругов 96

Мельникова В.А.

Мониторинг прямых иностранных инвестиций, осуществляемый
органами государственной власти: финансово-правовая специфика . . . 101

Трибуна молодых ученых

Донцова К.Б. (Саратов)

К вопросу о необходимости разграничения в общей теории права
понятий «юридический процесс» и «юридическая процедура» 107

Архипова Е.Ю. (г. Саратов)

Роль неюрисдикционного процесса в правовой жизни
российского общества 110

Балаев С.А. (г. Астрахань)

Общетеоретическая модель механизма реализации
функции налогообложения Российского государства:
понятие и основные элементы 114

Храмушин В.В. (г. Саратов)

Теоретико-правовые основы юрисдикционной
формы защиты конституционных прав граждан
в арбитражном процессе 118

Татаринова Е.П. (г. Вятка)

О правах женщин «обязываться актами» в России XVIII века 121

Желонкин А.Д. (г. Саратов)

К вопросу о понятии и классификации функций
современного Российского государства 124

Обзоры и рецензии

Методологический семинар в форме круглого стола на тему:

«Гражданская самозащита как актуальная проблема

российской юридической науки и практики»

(17 ноября 2015 г., г. Саратов)

Уздимаева Н.И. (г. Саранск)

Гражданская самозащита как актуальная
проблема российской юридической науки и практики 129

Выступления	
<i>Афанасьев С.Ф. (г. Саратов)</i>	
Самозащита как актуальное политико-правовое явление	134
<i>Цыбулевская О.И. (г. Саратов)</i>	
К вопросу о методологических основаниях правовых исследований . . .	135
<i>Милушева Т.В. (г. Саратов)</i>	
Гражданская самозащита: антропологическое измерение	137
<i>Сулейманов Б.Б. (г. Махачкала)</i>	
Самозащита (некоторые вопросы теории и методологии)	138
<i>Давыдов П.А. (г. Астрахань)</i>	
К вопросу о разработке механизмов ограничения самозащиты	139
<i>Елистратова В.В. (г. Саратов)</i>	
Использование методологического инструментария в исследовании категории гражданской самозащиты	140
<i>Палагин Д.Н. (г. Саратов)</i>	
Проблемы реализации права на самозащиту	141
<i>Хохлова Е.М. (г. Саранск)</i>	
Субъективное право и право на самозащиту	143
<i>Зрячкин А.Н., Яроховец О.В. (г. Саратов)</i>	
К вопросу о понятии самозащиты российских граждан	144
<i>Касаева Т.В. (г. Саратов)</i>	
Защита прав и свобод человека органами власти	145
<i>Мельников С.А. (г. Саратов)</i>	
Самозащита как индивидуальная форма реализации права	146
<i>Колесников Е.В., Ермолаева Ю.В. (г. Саратов)</i>	
Рецензия на монографию: Остапович, И.Ю. Конституционный Совет Республики Казахстан: вопросы теории и практики : монография. — 2-е изд., доп. и перераб. — Усть-Каменогорск, 2015. — 259 с.	148

CONTENT

LEGAL POLICY OF SOCIETY

<i>Avtonomov A.S. (Moscow), Malko A.V. (Saratov), Nemchenko S.B. (Saint Petersburg)</i>	
Modern Russia legal policy in the Arctic	8
<i>J. Zielinski (Siedlce, Poland)</i>	
About the new Polish legal policy after the parliamentary elections of 25 October 2015	17
<i>Mordovets A.S., Raguzina O.V. (Saratov)</i>	
Respect as the principle and value phenomenon of legal policy	22
<i>Tikhonova S.V. (Saratov)</i>	
The formation of communication legal policy as the basis for building the information society	28
<i>Khizhnyak D.S. (Saratov)</i>	
Legal strategy as an element of the mechanism of realization of state legal policy and methodology of forensic studies (with the example of the strategies to combat transnational crimes)	33

BRANCH PROBLEMS OF LEGAL POLICY

<i>Gulyakov A.D. (Penza)</i>	
Multiplicity of Federative Models and Using Comparative Approaches toward Its Students	37
<i>Babakov V.A. (Saratov)</i>	
To the question about the volume capacity of the state as a party in civil law relations	41
<i>Ananieva A.A. (Saratov)</i>	
About the theoretical and practical legal structures	45
<i>Lipkina N.N. (Saratov)</i>	
European consensus principle in the practice of the European Court of Human Rights	49
<i>Temnikova A.I. (Surgut)</i>	
Registered Pets as an effective method of legal regulation in addressing neglect animals	55

PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION — SAMARA STATE ECONOMIC UNIVERSITY

<i>Ponomarenkov V.A.</i>	
Legal acts and legal relations as a form of expression of legal life of society	60
<i>Cherevichenko T.S.</i>	
Normatively-legal adjusting organizations of financial control	67
<i>Bolgova V.V., Novopavlovskaja E.E.</i>	
Formation of legal bases of economic policy in the interpretive practice of the Constitutional Court of the Russian Federation	71

PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION — LAW INSTITUTE OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY

<i>Trofimov M.S., Direganova A.V., Gvaramija D.V.</i>	
General characteristics of legal regulation of education and development of educational systems of the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia	77
<i>Muhachev I.V.</i>	
Temporary restriction of eligibility, rights to participate in the implementation of electoral actions of Russian Federation citizens suffering from dangerous infectious diseases	85
<i>Tereshhenko A.N.</i>	
The concept and signs of unauthorized construction of new article's edition number 222 of the Civil code of the Russian Federation	90
<i>Mel'nikova M.P., Komarevceva I.A.</i>	
On the question of inheritance rights of spouses	96
<i>Mel'nikova V.A.</i>	
Financial and legal specifics of the monitoring of foreign direct investment undertaken by the public authorities	101

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Doncova K.B. (Saratov)</i>	
To the question about the necessity of differentiation in the general theory of law concepts of "legal process" and "legal procedure"	107

<i>Arhipova E.Ju. (Saratov)</i>	The role of non jurisdictional process in legal life of Russian society	110
<i>Balaev S.A. (Astrahan')</i>	The general theoretical model of mechanism of realization of the functions of taxation of the Russian state: the concept and basic elements	114
<i>Hramushin V.V. (Saratov)</i>	The theoretical and legal basis of the jurisdictional form of protection of citizens constitutional rights in the arbitration process	118
<i>Tatarinova E.P. (Vjatka)</i>	On women's rights "incur liability acts" in Russia in the 18th century	121
<i>Zhelonkin A.D. (Saratov)</i>	On the question of definition and classification of the functions of the modern Russian state	124

SURVEYS AND REVIEW

	Methodological seminar in the form of a round table on the topic "Civil self-defense as an urgent problem of the Russian legal science and practice" (November 17, 2015, Saratov)	
<i>Uzdimaeva N.I. (Saransk)</i>	Civic self-defense as an actual problem of the russian legal science and practice . .	129

Speeches

<i>Afanas'ev S.F. (Saratov)</i>	Self-defense as the current political and legal phenomenon	134
<i>Cybulevskaja O.I. (Saratov)</i>	On the question of methodological grounds of legal research	135
<i>Milusheva T.V. (Saratov)</i>	Civic self-defense: the anthropological aspect	137
<i>Sulejmanov B.B. (Mahachkala)</i>	Self-defense (some questions of the theory and methodology)	138
<i>Davydov P.A. (Astrahan')</i>	On the question of the development to limit of self-defense mechanisms . . .	139
<i>Elistratova V.V. (Saratov)</i>	The use of methodological tools in the study of the category of civil self-defense . .	140
<i>Palagin D.N. (Saratov)</i>	Problems of realization of the right to self-defense	141
<i>Hohlova E.M. (Saransk)</i>	Subjective right and the right to defend itself	143
<i>Zrjachkin A.N., Jarohovec O.V. (Saratov)</i>	To the question about the concept of self-defense of Russian citizens	144
<i>Kasaeva T.V. (Saratov)</i>	Protection of human rights and freedoms by the authorities	145
<i>Mel'nikov S.A. (Saratov)</i>	Self-defense as an individual form of law implementation	146
<i>Kolesnikov E.V., Ermolaeva Ju.V. (Saratov)</i>	Review of the monograph: Ostapovich, IY The Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan: problems of theory and practice: a monograph. — 2 nd ed., Ext. and rev. — Ust-Kamenogorsk, 2015. — 259 p.	148

• ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ОБЩЕСТВА •

А.С. Автономов,

*доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права РАН*

А.В. Малько,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН*

С.Б. Немченко,

*кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории и
истории государства и права Санкт-
Петербургского университета ГПС
МЧС России*

A.S. Avtonomov,

*Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Institute of state and law RAS,
a.s.avtonomov@yandex.ru*

A.V. Malko,

*Doctor of Law, Professor, Honored worker
of science of Russian Federation, Director,
Saratov Branch of the Institute of state and
law RAS,
i_gp@ssla.ru*

S.B. Nemchenko,

*candidate of law science, associate professor,
head of the chair of theory
and history of state and law,
Saint-Petersburg university of State fire service
of Ministry of Emergency Situations of Russia
nemchenko-st@mail.ru*

Правовая политика современной России в Арктическом регионе

Аннотация: в статье утверждается, что для эффективного освоения Арктики требуется проведение системной научно обоснованной правовой политики. Между тем остро ощущается недостаточность комплексных правовых исследований Арктики, объективно и исторически требующей большего внимания со стороны юридического научного сообщества. Авторами анализируются основные проблемы правового регулирования Арктического региона, поддерживаются идеи ученых и специалистов-практиков, высказанные на круглом столе «Правовая политика в сфере обеспечения безопасности в Арктике» (26 ноября 2014 г., г. Мурманск). Подчеркивается необходимость, во-первых, «инвентаризации» многочисленных нормативных правовых актов, посвященных Арктике, во-вторых, принятия Федеральных законов «Об Арктической зоне Российской Федерации» и «О государственном регулировании социально-экономического развития Арктики». Делается акцент на необходимости международного сотрудничества арктических государств, обосновывается важность традиционного секторального подхода к Арктике. Предлагается особый правовой режим экономической деятельности в Арктике, обеспечения экологической безопасности, поддержки и развития коренных малочисленных народов, социальной защиты населения Арктики и правовых стимулов для привлечения кадров. Формулируется вывод об особой востребованности в Арктическом регионе функции государства по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Обосновывается значимость скорейшей разработки Концепции правовой политики к Арктике до 2030 г. как доктринального документа, рассчитанного на долгосрочный период, содержащего стратегию развития специального правового режима Арктической зоны. Предлагается разработка специального юридического Арктического словаря-справочника.

Ключевые слова: Арктика, правовая политика в Арктике, стимулирование и ограничение как средства правовой политики, юридический механизм обеспечения безопасности в Арктике, функция государства по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, Концепция правовой политики в Арктике до 2030 г.

Modern Russia legal policy in the Arctic

Abstract: the article argues the statement that effective development of the Arctic requires a systematic science-based legal policy. Insufficiency is acute of a comprehensive legal study of the Arctic that fairly and historically requires more attention from the legal academic community. The authors evaluate the

main problems of Arctic region legal regulation, support academic and practical concepts expressed at the round table “Legal policy of ensuring safety in the Arctic” (November, 26, 2014, Murmansk). The need is emphasized first for “inventory” of the numerous legal acts regulating the Arctic, secondly, the need of Federal laws enactment “On the Arctic Zone of the Russian Federation”, “On State Regulation of Social and Economic Development of the Arctic”. It focuses on the necessity of international cooperation of the Arctic states, substantiates the essence of the traditional sectoral approach in the Arctic. Special legal regime of economic activities in the Arctic, environmental security, support and development of indigenous peoples, social protection of the Arctic and legal incentives to attract personnel, legal security mechanism in the region are proposed. A conclusion is stated of a special demand of emergency situations public function in the Arctic. The authors substantiate the need for the urgent development of the Concept of Legal Policy in the Arctic until 2030 — scientifically grounded doctrinal document, which is designed for long-term strategy and includes the improvement and development of the special legal status of the Arctic zone. It is proposed to develop special legal vocabulary Arctic terms.

Keywords: Arctic, Arctic legal policy, the promotion and limitation as a means of legal policy, legal security in the Arctic, emergency situations public function, Conception of legal policy in the Arctic 2030.

Арктика имеет особое стратегическое значение как для Российской Федерации, так и для всего мира. Она исторически была традиционной сферой интересов России. Еще в древности наше государство вышло в Арктический регион, во времена, когда раннефеодальные государства скандинавов (будущие Швеция и Норвегия) были ориентированы в большей степени на юг, восток и запад (Исландия, южная часть Гренландии), Русь в лице ее подданных из числа славянских и финно-угорских народов уже прочно стояла на берегах Белого, а чуть позже Баренцева и Карского морей [1, с. 146–149, 290–291].

На протяжении всей последующей истории Россия осваивала все новые арктические пространства. Несмотря на то, что активные исследования Арктики начались в конце XIX — начале XX столетий, сколь-нибудь проработанной арктической политики у царского правительства не было.

Советское правительство с первых дней своего существования рассматривало Арктику как один из важнейших регионов для страны. И на первых порах пришлось потратить довольно много сил для изгнания интервентов из северных регионов. Но уже вскоре после окончания гражданской войны советское правительство, несмотря на ограниченность ресурсов, приступило к усилению позиций государства в Арктике, в том числе и правовыми средствами. Так, 15 апреля 1926 г. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) СССР принял Постановление, в котором территорией СССР провозглашались все, как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане до Северного полюса в пределах между меридианами 32 градуса 4 минуты 35 секунд восточной долготы и 168 градусов 49 минут 35 секунд западной долготы [2].

Исключение было сделано для восточных островов архипелага Шпицберген, лежащих между 32 и 35 градусами восточной долготы. СССР позже закрепил свой особый статус на Шпицбергене. В 1935 г. СССР присоединился к Парижскому Договору о статусе Шпицбергена 1920 г. [3, с. 53–61], а в резолюции Стортинга (парламента) Норвегии от 15 февраля 1947 г. признано, что СССР, наряду с Норвегией, имеет на Шпицбергене особые экономические интересы. На Шпицбергене существовали принадлежавшие Советскому Союзу

шахты по добыче угля, поселения шахтеров и работников, занимающихся жизнеобеспечением поселений. В 1990-е гг. добыча угля прекратилась, поселения почти опустели. Последующее возобновление деятельности России на Шпицбергене в 2011 г. (в частности, было решено установить на территории, находящейся в ведении российской компании «Арктикуголь», антенну спутниковой связи), что удивительно, уже натолкнулось на противодействие Норвегии, которое усилилось после начала антироссийской санкционной кампании в 2014–2015 гг.

Для современной России значение Арктического региона трудно переоценить, и совершенно обоснованно, что в последние годы ему уделяется повышенное внимание. Развитие Арктики в XXI в. — приоритетное направление внутренней и внешней политики Российской Федерации. Перед Россией сегодня стоит принципиально важная задача — вернуть себе лидирующую роль в освоении Крайнего Севера, что требует проведения особой правовой политики.

В связи с этим в первоочередном порядке нужно усовершенствовать существующую правовую основу развития Арктической зоны РФ. Указанные вопросы уже становятся предметом исследования правоведов [4–10], отдельные их аспекты обсуждаются на конференциях и круглых столах. В зарубежной литературе также имеется ряд трудов, посвященных актуальным аспектам установления особого правового режима Арктики. Большинство иностранных исследователей интересуются проблемой международно-правового регулирования взаимодействия государств по использованию арктических природных ресурсов, мореплаванию, экологии в данном регионе [11–14].

Для эффективного освоения Арктической зоны РФ, на наш взгляд, требуются комплексные научные исследования. Нужен системный подход к анализу правового статуса Арктики, специального режима социальной защиты населения, юридического механизма обеспечения безопасности в регионе, льготного правового режима по стимулированию экономического развития территорий Крайнего Севера, развития международно-правового сотрудничества по вопросам совместного освоения ресурсов Арктической зоны с другими государствами.

Первые шаги в этом направлении уже делаются. В частности, на круглом столе журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Право и современные государства» на тему: «Правовая политика в сфере обеспечения безопасности в Арктике», прошедшем 26 ноября 2014 г. в г. Мурманске, указанные вопросы поднимались, были высказаны конкретные предложения по совершенствованию законодательства с учетом приоритетного действия механизма обеспечения безопасности в регионе в экономическом, социальном, внешнеполитическом и юридическом аспектах [15].

Проблемы нахождения баланса частных и публичных, внутринациональных и международных интересов, а также между потребностями промышленного развития региона и социальной защитой населения относятся к числу чрезвычайно болезненных проблем юриспруденции.

Вызывает беспокойство и состояние правового регулирования Арктического региона. В течение ряда лет в нормотворческой деятельности отчетливо наблюдается тенденция по принятию комплекса нормативных

правовых актов (преимущественно программного характера), призванных обособленно регулировать общественные отношения в Арктической зоне РФ, или включению соответствующих специальных установлений в другие нормативные правовые акты. По предварительной оценке, вопросы Арктики в той или иной мере сейчас затрагивают более 30 указов Президента РФ и распоряжений Правительства РФ, актов министерств и ведомств, из них более 10 программных документов.

Отрадно, что после почти двадцатилетнего забвения Россия активизировала свою политику в данном регионе в начале XXI в. Так, в 2008–2013 гг. были приняты акты стратегического характера «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» [16], «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» [17], в 2014 году была утверждена государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» [18].

Несмотря на то что названные документы действуют с недавнего времени, определенные результаты уже достигнуты, поэтому можно и нужно подвести первоначальные промежуточные итоги по реализации их норм и провести мониторинг о достаточности принятых мер и осуществленных действий. Например, с 2015 г. в структуре Правительства РФ действует Государственная комиссия по вопросам развития Арктики, рассматривается вопрос о создании министерства по делам Арктики, изменениями от 2012 г. Северный морской путь определяется как исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация [19] и т. д.

Указанные документы нуждаются в глубоком анализе, важно задуматься о необходимости корректировок, совершенствования (в формулировках, в недоучете тех или иных факторов), внесения изменений и устранения пробелов и коллизий для эффективного правового регулирования Арктического региона и осуществления действенной правовой политики.

Необходимо также более четкое увязывание между собой многочисленных нормативных правовых актов, посвященных регулированию Арктического региона. Требуется «инвентаризация» разноуровневых законов и подзаконных актов, унификация соответствующих терминов и понятий.

Сегодня активизировалась дискуссия по вопросу о разработке отдельного закона об Арктической зоне РФ. Правовая политика Российского государства в Арктике требует комплексного подхода с опорой на продуманную систему законодательства, отвечающую современным требованиям. Однако такого систематизированного законодательства в данной области пока нет. Необходимо ускорить процесс обсуждения и принятия проекта федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации». Вместе с тем ясно, что эффективность реализации такого комплексного федерального закона будет зависеть от системности обновления иного, сопряженного с ним законодательства, своевременного и гармоничного принятия развивающих отдельные его положения федеральных законов и актов органов исполнительной власти. Все это должно быть продумано и спланировано параллельно с доработкой и принятием указанного проекта федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации».

Кроме того, отсутствует единый акт, регулирующий вопросы, связанные с деятельностью в российском Арктическом регионе. Подготовленные различными ведомствами проекты подобного законодательного акта были заморожены на стадии их обсуждения. Важнейшим нормативным правовым актом, обеспечивающим реализацию Стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, мог бы стать закон «О государственном регулировании социально-экономического развития Арктики», который должен быть направлен на создание материально-финансовой базы развития этого региона, в том числе на основе формирования траст-фондов, действующих аналогично в других приарктических государствах.

Скорейшего решения требует проблема изменения принципов и критериев отнесения территорий к Арктической зоне РФ, иначе это не позволит составить исчерпывающий перечень входящих в нее административных или муниципальных образований. Это, в свою очередь, препятствует разработке и осуществлению необходимых мероприятий, направленных на социально-экономическое развитие Арктики как особого объекта правового регулирования, затрудняет ведение единой соответствующей политики.

Ждет своего совершенствования система государственного управления Северным морским путем как главной судоходной магистрали на Российском Севере.

Актуальна проблема международно-правового регулирования промышленной разработки ресурсов арктического шельфа. Между государствами Арктической зоны отсутствуют международные соглашения, четко определяющие делимитацию арктических пространств и разработку шельфовых ресурсов. Исключением выступает российско-норвежское Соглашение о делимитации морских пространств 2010 г. [20], хотя и оно не решило всех спорных вопросов во взаимоотношениях двух стран в деле хозяйственного освоения ресурсов в некоторых регионах Баренцева моря. В арктических странах нет также единства на доктринальном уровне по поводу международно-правового режима Арктики.

Нужно обозначить ориентиры правовой политики в области международного сотрудничества с приарктическими государствами в сфере эффективного освоения природных ресурсов, сохранения окружающей природной среды в Арктике, действенного использования транзитных и кроссполярных воздушных маршрутов, а также Северного морского пути для международного судоходства. Становится все более востребованной эффективная правовая регламентация делимитации морских пространств и осуществления ресурсодобывающей деятельности в Арктическом регионе, учитывающая физические свойства береговой линии и возможности установления особых правовых условий для обеспечения районов промышленной деятельности и безопасности судоходства.

Притязания на арктические ресурсы со стороны неприарктических стран требуют создания международно-правового режима Арктики, отвечающего, прежде всего, интересам приарктических государств. Уже сейчас существуют все предпосылки для обсуждения перспектив принятия рамочной конвенции

по Арктике, в дополнительных протоколах к которой целесообразно урегулировать многие спорные вопросы и закрепить особенности международного сотрудничества в обозначенной сфере.

Требуется решение одного из ключевых дискуссионных вопросов в правовом статусе Арктического региона — секторального подхода в определении особых преимущественных прав приарктических государств при освоении вышеназванной зоны. Дискуссионность обусловлена тем, что пределы таких секторов не являются границами государств. Заметим, что не все страны согласились с выделением в 20-х гг. XX в. сектора СССР в Арктике. Некоторые государства, например США, и сегодня выступают против установления секторов в Арктике. Канада, наоборот, установила свой сектор (даже чуть раньше СССР), который является вторым по величине после российского. Кстати, сектор США, если бы было объявлено о его создании, оказался бы сравнительно небольшим.

СССР своими действиями постоянно подтверждал свое присутствие в Арктике: исследовательские дрейфующие станции, освоение Северного морского пути, метеостанции во многих пунктах, добыча полезных ископаемых на материке и островах, рыбная ловля, полеты полярной авиации, пограничные заставы, походы надводных и подводных кораблей и т. п. Существование сектора в Арктике обеспечивало интересы страны в данном регионе на протяжении более 84 лет. В 2010 г. Россия и Норвегия подписали договор о разграничении морских вод в Баренцевом море, в результате чего Россия согласилась передвинуть границу восточнее меридиана, по которому была установлена граница советского сектора Постановлением ЦИК СССР 1926 г.

Одним из генеральных направлений правовой политики современной России в Арктическом регионе, по нашему мнению, должно стать настойчивое продолжение традиций, заложенных в 20-х гг. XX в. Россия как продолжатель СССР (именно в таком качестве она участвует в работе Совета Безопасности и других органов ООН) вправе и должна настаивать на принадлежности ей арктического сектора, установленного Постановлением ЦИК СССР 1926 г., пусть и с некоторой корректировкой границы в Баренцевом море, подтверждая принадлежность своим присутствием и деятельностью, в том числе подачей заявки в Комиссию ООН по границам континентального шельфа о расширении российского континентального шельфа в районе хребтов Ломоносова и Менделеева, как это было сделано недавно.

Другим немаловажным направлением развития правовой политики в Арктике должна стать научно-теоретическая разработка особого правового режима экономического деятельности на Крайнем Севере. Необходимо внедрение дополнительных мер стимулирования инвестиционной деятельности, рационального природопользования и охраны окружающей среды, дифференцированного налогообложения, предоставление налоговых и таможенных льгот при внедрении в регионе новых энергоэффективных технологий, развитие государственно-частного партнерства.

Следует учитывать, что Арктический регион исторически является местом проживания ряда коренных малочисленных народов. Правовая политика государства в названном регионе должна обеспечить развитие этих народов,

их культуры, языка, традиционных способов хозяйствования, поскольку любое государство должно способствовать развитию проживающих на его территории народов для обеспечения устойчивости и гармоничности развития самого государства. На это должен быть нацелен Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» [21], вступивший в силу еще в 2001 г., но так и не заработавший в полную силу. Этот и некоторые другие федеральные законы в новых условиях должны быть также изменены и дополнены.

Одним из первоочередных направлений является построение теоретической модели юридического механизма обеспечения безопасности в Арктике, в которой ежегодно происходит около 100 чрезвычайных ситуаций [22, с. 15]. В связи с этим актуален вопрос о спасении людей, предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф. Надо глубоко исследовать понятие, структуру и инструментальное содержание механизма обеспечения безопасности в Арктике, условия и критерии его эффективного функционирования. Необходимо принятие единого нормативного правового акта в сфере обеспечения комплексной безопасности Арктического региона, в котором все более востребована функция государства по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Правовая форма осуществления этой функции, возможно, в первую очередь, в Арктическом регионе докажет свою состоятельность, ибо чрезвычайные ситуации на Крайнем Севере в сложных климатических условиях ликвидировать не просто. Для МЧС России безопасность в подобном регионе является одним из приоритетных направлений деятельности.

Нужны выверенные ориентиры развития законодательства в сфере чрезвычайных ситуаций на 20–30 лет вперед, прогнозирующие риски, с которыми столкнется Россия. В частности, освоение Крайнего Севера потребует гармонизации и сближения законодательства приарктических государств по спасению людей. Встанет вопрос о необходимости многосторонней конвенции о предупреждении и ликвидации бедствий, аварий и катастроф в названном регионе.

К указанной задаче нужно подойти стратегически и изменить существующие подходы: перейти от принципа оперативного реагирования к принципу прогнозирования и предупреждения чрезвычайных ситуаций, управления рисками, уменьшения опасности бедствий.

Вызывает озабоченность экологическая безопасность в Арктике, которая с началом эксплуатации континентального шельфа требует повышенного внимания. Прежде чем активно осваивать арктический шельф, следует в приоритетном порядке заняться вопросами правового регулирования сферы ответственности. Необходима корректировка природоохранного законодательства с учетом передового мирового опыта разработки правовых норм и стандартов в данной области других приарктических государств. Требуется совершенствования система экологического мониторинга и экологического контроля.

Законодателю следует уделять больше внимания гарантиям и компенсациям лицам, работающим и проживающим на Крайнем Севере. Соответствующая правовая политика государства должна учитывать и отражать специфику социальной защиты населения, особенности правового регулирования труда на данной территории и быть направлена на устойчивый приток населения. Нужны процентные надбавки к оплате труда молодежи, районный коэффициент к стипендии, специальные правовые стимулы для привлечения квалифицированных трудовых кадров.

Наличие множества программных документов, посвященных Арктическому региону, с одной стороны, свидетельствует о его важности для будущего развития страны, а с другой — создает ряд трудностей в их использовании, порождает коллизии между ними и несистемное формирование арктической правовой политики. Одним из важнейших шагов в изменении сложившегося положения должна стать разработка доктринального документа — проекта концепции правовой политики РФ в Арктике до 2030 г. Документ будет рассчитан на долгосрочный период, будет содержать стратегию развития специального правового режима Арктической зоны, который в последующем может быть использован на практике органами государственной власти после соответствующего официального утверждения.

В названном документе необходимо предложить систему правовых, организационных, экономических и иных средств реализации соответствующей правовой политики, раскрыть ее содержание по направлениям обеспечения безопасности, освоения природных ресурсов, социальной защиты населения, охраны экологии, предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе, международного сотрудничества, взаимодействия в этой сфере всех «этажей» публичной власти и т. д.

Кроме того, необходимо разработать специальный тематический юридический словарь-справочник, охватывающий основные понятия правовой политики Российского государства в Арктике, который потребуется как практикам (причем не только юристам), работающим по разрешению разнообразных проблем, так и ученым, занимающимся арктическими исследованиями.

Таким образом, для эффективного освоения Арктики требуется соответствующая правовая политика, которая позволит организовать имеющиеся ресурсы и направить их на достижение целей, стоящих перед современным Российским государством. Подобная политика будет способствовать активизации международного сотрудничества в глобальном Арктическом регионе, увеличению объема инвестиций в экономику Арктики при одновременном улучшении показателей качества жизни населения (в том числе коренных малочисленных народов), а также будет содействовать снижению рисков возникновения кризисов социального и экономического воспроизводства.

Список литературы:

1. Похлебкин, В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Вып. 2. Кн. 1: Войны и мирные договоры / В.В. Похлебкин. — М.: Междунар. отношения, 1995. — 782 с.
2. Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане : постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. // Собр. законодательства СССР. — 1926. — № 32, ст. 203.

-
3. Договор о Шпицбергене (Париж, 1920 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — Вып. 9. — М.: НКВД, 1938. — 507 с.
 4. Кукушкина, А.В. Арктика: охрана окружающей среды при добыче углеводородов: Международно-правовые аспекты / А.В. Кукушкина, В.Н. Шишкин. — М.: Африка, 2010. — 180 с.
 5. Арктика: пространство сотрудничества и общей безопасности / сост. и науч. ред. А.В. Загорский. — М.: ИМЭМО РАН, 2010. — 41 с.
 6. Данюк, Н.С. Арктика в системе координат энергетической политики РФ и КНР как основа устойчивого развития российско-китайских отношений / Н.С. Данюк, М.Р. Рамазанов // Международное публичное и частное право. — 2014. — № 2. — С. 15–22.
 7. Игнатьева, И.А. Устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации: проблемы правового обеспечения // Экологическое право. — 2013. — № 3. — С. 20–26.
 8. Малеев, Ю.Н. Арктика: очень осторожные правовые прогнозы // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 3. — С. 29–31.
 9. Российская Арктика — территория права : альманах / Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин, В.П. Емельянцева и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; администрация Ямало-Ненецкого автономного округа. — Салехард: ИД «Юриспруденция», 2014. — 280 с.
 10. Транин, А.А. Вопросы экологической безопасности хозяйственной деятельности в арктической зоне России и традиционное природопользование коренных малочисленных народов // Государство и право. — 2011. — № 2. — С. 63–71.
 11. Battle for the Arctic heats up [online] // CBC News. — Canada, 2009.
 12. Brubaker, D. Governing Arctic Shipping: Finding a Role for the Arctic council // Yearbook of polar law. Vol. 2. Leiden: Martinus Nijhoff, 2009.
 13. Byers, M. Who Owns the Arctic? Understanding Sovereignty Disputes in the North. — Vancouver/Toronto/Berkeley: Douglas McIntyre, 2010. — 192 s.
 14. Watts, A. International Law and the Antarctic Treaty System. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — 483 s.
 15. Правовая политика в сфере обеспечения безопасности в Арктике : материалы круглого стола (Мурманск, 26 ноября 2014 г.) / под общ. ред. Э.Н. Чижикова, А.В. Малько, С.Б. Немченко; сост. А.А. Смирнова, Н.И. Уткин. — СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2015. — 252 с.
 16. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу : утв. Президентом РФ 18 сентября 2008 г. № Пр-1969. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119442/ (дата обращения: 30.11.2015).
 17. Стратегия развития и обеспечения национальной безопасности Арктической зоны на период до 2020 г. — URL: <http://government.ru/search> (дата обращения: 30.11.2015)
 18. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» : постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — №18, ч. 4, ст. 2207.
 19. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути : федеральный закон РФ от 28 июля 2012 г. № 132-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 31, ст. 4321.
-

20. О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане : постановление Правительства РФ от 11 сентября 2010 г. № 710 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 38, ст. 4847.

21. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока : федеральный закон РФ от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001, ст. 1972.

22. Проблемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и создание комплексных аварийно-спасательных центров в Арктике : материалы Междунар. науч.-практ. конференции / МЧС России. — М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2012.

Я. Зелински,
доктор гуманитарных наук,
профессор Естественно-гуманитарного
университета
г. Седльце, Польша

J. Zelinski
Doctor of Humanities,
Professor of Natural Humanities University
Siedlce, Poland
uczelniajz@tlen.pl

О новой польской правовой политике после парламентских выборов 25 октября 2015 года

Аннотация: в статье анализируются законодательные новеллы, направленные на существенное изменение статуса Конституционного суда Польши, ограничение его полномочий. Критикуется попытка взятия под контроль конституционного правосудия со стороны вновь сформированных органов исполнительной власти. Данные политические действия оцениваются как нарушение принципа разделения властей и потенциальная угроза для реализации прав и свобод человека и гражданина. Предлагаются меры по коррекции правовой политики Польской Республики. Делается вывод о ведущей роли Конституционного суда в обеспечении верховенства Конституции, в разделии властей и защите прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: право, Конституция, Конституционный суд, правовая политика, независимость судей.

About the new Polish legal policy after the parliamentary elections of 25 October 2015

Abstract: the article analyses the legislative novelties aimed at a substantial change in the status of the constitutional court of Poland, at the limitation of its powers. It criticizes an attempt to take control of constitutional justice by the newly formed executive bodies. These political actions are a fundamental breach of the principle of separation of powers and the potential threat to human and civil rights and freedoms. The Author proposes several measures for the correction of the Polish legal policy. He concludes that the constitutional court plays a leading role in ensuring the supremacy of the Constitution, separation of powers and the protection of human and civil rights and freedoms.

Key words: law, Constitution, constitutional court, legal policy, judicial independence.

Любая политическая сила после прихода к власти обычно начинает с изменений в сферах, имеющих большое значение для будущего ее правления. Их определение официальной властью позволяет говорить о ее действительных намерениях, влияющих на формы и методы осуществления правовой политики государства. Данная проблема актуальна также в связи с

политикой наиболее полного обеспечения прав человека, в том числе с помощью независимой судебной власти.

Основным инструментом государственной политики выступает право, призванное выражать общественный интерес [1, с. 16]. Ведущую роль в правовой жизни страны играет Конституция, а также принятые в ее развитие иные нормативные акты. Демократический политический режим осуществляется на основе принципов равенства, всеобщности, непосредственности, тайного голосования, гарантированности прав граждан, свободной политической борьбы и равных возможностей СМИ. Избранные народные представители наделены прерогативой формирования законодательных норм. Главными политическими институтами выступают политические партии, обеспечивающие возможность баллотироваться в парламент и выражать общественный интерес в праве, что придает ему политическую окраску.

В этих условиях важнейшими средствами ограничения произвола со стороны политических сил являются принятая народом конституция, а также Конституционный суд (далее — КС)*.

Согласно польскому основному закону (ст. 2) [2] Польша — демократическое правовое государство. В этом аспекте важно определить объем мандата власти применительно к формированию права и правовой политики.

Правовая политика есть последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования и цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности [3, с. 42]. Эффективность действий власти оценивается с помощью ее способности выражать общественные потребности, в том числе в сфере безопасности и гарантирования прав и свобод человека и гражданина.

В современной Польше ключевую роль в обеспечении верховенства Конституции и права играют два органа: Конституционный суд, как гарант соответствия законов Конституции Польши и Президент как гарант Конституции. Поэтому определение степени эффективности деятельности новой государственной власти в области соблюдения Конституции и прав граждан следует увязывать с ее первыми шагами в этом направлении.

КС был образован после внесения 26 марта 1982 г. изменений в Конституцию Польской Народной Республики [4]. Однако закон о нем был принят 29 апреля 1985 г. [5]. Первоначально слабой стороной деятельности КС было утверждение парламентом изданных им постановлений. Правовой статус КС изменился после принятия Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г. [6] и введения в действие закона о КС от 1 августа 1997 г. [7].

25 июня 2015 г. был принят новый закон [8], который и является исходным пунктом нашего анализа.

* Определенные модификации связаны с пропорциональной системой разделения мандатов, которая может привести к необходимости создания коалиции большинства (коалиционного правительства), и тогда в конце концов право получит партийно-ведомственный характер, но институты, ограничивающие свободу правотворчества, остаются теми же самыми.

Согласно статьям 188 и 189 Конституции Польши КС рассматривает дела: 1) о соответствии законов и международных договоров Конституции; 2) о соответствии законов ратифицированным международным договорам, ратификация которых требовала по закону предварительного согласия; 3) о соответствии предписаний нормативных правовых актов, издаваемых центральными государственными органами, Конституции, ратифицированным международным договорам и законам; 4) о соответствии Конституции целей и (или) деятельности политических партий; 5) о конституционной жалобе, о которой речь идет в ч. 1 ст. 79 Конституции*; 6) по спорам о компетенции между центральными конституционными органами государства.

Решения суда имеют общеобязательную силу, являются окончательными, подлежат безотлагательному опубликованию и вступают в силу в день опубликования.

КС состоит из 15 судей, избираемых парламентом на один 9-летний срок. Кандидатов выдвигает Президиум Сейма или группа из 50 депутатов. В подобном порядке прослеживается влияние политического фактора на формирование КС, которое ограничивается сроком полномочий судей и частичной их сменяемостью, а также запретом занимать пост судьи более одного раза.

В ноябре—декабре 2015 г. было избрано пять судей, но наделение их полномочиями сопровождалось воздействием на этот процесс ряда политических сил, в том числе изменением закона о КС. Принятые законодателем новеллы усиливают влияние органов исполнительной власти на суд и судей, ввиду чего данный Закон был обжалован группой депутатов Сейма [9]. Учитывая, что изменения должны вступить в силу (и вступили) 5 декабря 2015 г., парламент решил избрать новых судей, используя положения старого закона. Одновременно были внесены изменения в Регламент Сейма, в соответствии с которыми Маршал парламента наделен правом решать вопрос о времени выдвижения кандидатов в судьи. В то же время Президент выступил на стороне парламентарного большинства и отказался от принятия присяги у судей, избранных парламентом прошлого созыва.

КС обратился в парламент с предложением воздержаться от выбора очередных судей до принятия им постановления о законности выбора судей парламентом предыдущего созыва, ставя ее под сомнение. Несмотря на просьбу КС к парламенту воздержаться от выборов очередных судей, 2 декабря 2015 г. Сейм избрал 5 судей, а Президент у четырех из них в срочном порядке принял присягу 3 декабря 2015 г. [10] При этом до сих пор кандидатами в судьи были профессора права и опытные юристы, теперь же их место заняли политики.

В сложившейся ситуации среди юристов нет единого мнения, особенно в отношении двух вопросов: во-первых, имел ли КС право обратиться в парламент с просьбой воздержаться от вышеуказанных действий, и, во-вторых,

* «Каждый, чьи конституционные свободы или права были нарушены, имеет право на определенных законом принципах обратиться с жалобой в Конституционный Трибунал по вопросу о соответствии Конституции закона или иного нормативного акта, на основании которого суд или орган публичной администрации вынес окончательное решение о его свободах и правах либо о его обязанностях, определенных Конституцией». URL: <http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/rosyjski/kon1.htm> (дата обращения: 15.12.2015).

имел ли парламент право своим постановлением отменить решение парламента предыдущего созыва.

3 декабря 2015 г. КС принял постановление о законности выбора судей парламентом предыдущего созыва [11]. Суд признал законным избрание только трех судей из пяти. В обоснование этого суд указал, что парламент вправе избирать судей только на должности, которые освобождаются во время его полномочий. Президент же, согласно Конституции, обязан незамедлительно принять у них присягу. При этом судья считается законно избранным, даже если Президент не принял у него присяги, т. к. право выбора принадлежит парламенту, а не Президенту.

В формально-правовом смысле отказ от принятия присяги у трех судей, избранных предыдущим парламентом, не повлиял на деятельность КС. В его составе было девять законно избранных судей, у которых Президент принял присягу. Однако возникает проблема практического плана: 1) стороны при рассмотрении их дела КС будут требовать исключения вышеназванных трех судей из состава суда, опасаясь признания юридически недействительными постановлений, изданных с их участием; 2) избрание судей на основе политической симпатии создаст угрозу превращения КС в третью палату парламента.

Несколькими днями позже (9 декабря 2015 г.) КС приступил к рассмотрению дела о внесении изменений в закон о КС, принятых нынешней властью. Представитель парламента отметил, что их введение связано с «заботой об охране конституционных ценностей, а не с охраной интересов судей КС или лиц, обжаловающих эти изменения» [12]. КС не подтвердил нарушений порядка принятия закона, но указал на нарушение Регламента парламента. Обращено внимание на то, что законодатель изменениями закона прекращает существование института, который сам вводит (речь идет о сроках полномочий председателя КС). Не соответствует также Конституции положение, связывающее момент вступления в должность судьи с принятием у него присяги Президентом. Согласно Конституции именно парламент избирает судей, а Президент обязан безотлагательно принять у них присягу. Если Президент имеет какие-то сомнения в отношении законности избрания судей, то он должен обратиться в КС [13].

Очередным шагом к коррекции правовой политики Польского государства в отношении КС и Конституции выступает новый проект изменений в закон о КС от 15 декабря 2015 г., который появился на интернет-страницах парламента [14]. Изменения касались: а) исключения из ст. 16 закона положений о независимости судей КС; б) положения о необходимости принятия решений судом в полном составе, т. е. в том числе судьями, у которых Президент принял присягу; в) правила о том, что 2/3 голосов всего состава суда будет влиять на эффективность судопроизводства; г) установления правила о возможности пересмотра дела, если в производстве не участвовало установленное число судей; д) введения возможности осуществления полномочий два срока подряд, что создает условия для более жесткой связи судей с политической властью.

Закон был принят 22 декабря 2015 г. [15], согласно которому заседания КС осуществляются в полном составе, а решения принимаются 2/3 голосов*. Рассмотрение дел производится не ранее 6 месяцев после уведомления заинтересованных сторон. При обращении Президента в КС, председатель вправе сократить

* В состав Конституционного суда Польши входит 13 судей.

срок наполовину. На практике это ведет к тому, что наиболее важные дела могут быть отложены. К тому же Президент и министр юстиции наделяются правом требовать возбуждения дисциплинарного производства в отношении судей КС.

Новая власть всегда вводит определенные изменения в правовую систему и старается повысить качество правовой жизни общества. Однако надо отличать стремление к выражению общественного интереса в правовой политике от ее модификации во имя партикулярно понимаемого интереса большинства.

Любая страна должна иметь государственные ценности, не зависящие от партийных приоритетов и планов. Конституционный порядок ограничивает осуществление власти, что может не устраивать правящее большинство. Однако без данного ограничения невозможно решение государственных задач и достижение целей стратегического характера. Иначе говоря, политика без права не имеет прочных основ. «Размывание» установленного правового порядка ведет к параличу самой власти. Конституционный порядок ограничивает государственную власть, но одновременно выступает гарантом прочности принимаемых ею решений.

Таким образом, главная роль в этом процессе принадлежит Конституционному суду и всей независимой судебной системе. Она служит тому, чтобы власть, понимаемая как арифметическое большинство, не могла произвольно изменять нормы демократического государства. Конституционный Суд обеспечивает верховенство Конституции, разделение властей и защиту прав человека и гражданина, гарантирует общественную безопасность. Таковы правила демократии, от которых не следует отступать и в современной правовой политике Польши.

Список литературы:

1. Панченко, В.Ю. Правовая жизнь и правовые взаимодействия: взаимосвязи и функции категорий // Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты / под ред. А.В. Малько. — М.: Юрлитинформ, 2016. — С. 9–30.
2. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r., Dz. U., 1997.
3. Малько, А.В. Теория правовой политики. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 328 с.
4. Ustawa z dnia 26 marca 1982 r. o zmianie Konstytucji Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej, DzU., 1982.
5. Ustawa z dnia 29 kwietnia 1985 r. o Trybunale Konstytucyjnym, Dz U., 1985.
6. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r., Dz U., 1997.
7. Ustawa z dnia 1 sierpnia 1997 r. o Trybunale Konstytucyjnym, Dz U., 1997.
8. Ustawa z dnia 25 czerwca 2015 r. o Trybunale Konstytucyjnym, DzU., 2015.
9. Ustawa z dnia 19 listopada 2015 r. o zmianie ustawy o Trybunale Konstytucyjnym, Dz. U., 2015.
10. Gazeta Wyborcza. — 2015. — 4 дек.
11. URL: www.trybunal.gov.pl/rozprawy (дата обращения: 15.12.2015).
12. Siedlecka E. Zmiany PiS niekonstytucyjne // Gazeta Wyborcza. — 2015. — 10 дек.
13. Wyrok Trybunau Konstytucyjnego z dnia 9 XII 2015 r., sygn akt. K 35/15, Dz. U. 2015.
14. URL: www.sejm.gov.pl. (дата обращения: 15.12.2015).
15. Ustawa z dnia 22 XII 2015 r. o zmianie ustawy o Trybunale Konstytucyjnym, Dz. U., 2015.

А.С. Мордовец,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин Поволжского
института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

О.В. Рагузина,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-
правовых дисциплин Поволжского
института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

A.S. Mordovets,
Doctor of Law, Professor,
Volga Institute (branch)
of All-Russian State University of Justice
(RPA Russian Ministry of Justice) i
n the city of Saratov

O.V. Raguzina,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Volga Institute
(branch) Of All-Russian State University
of Justice (RPA Russian Ministry of Justice)
in the city of Saratov

Уважение как принцип и ценностное явление правовой политики

Аннотация: в статье отмечается недостаточность исследования, небесспорность вопросов правовой политики, ее ценностных основ, а также уважения как принципа правовой политики. Авторы пытаются обосновать специфику сущности, содержания и форм проявления уважения и в качестве принципа, и в плане ценности правовой политики. При анализе понятия «правовая политика» целесообразно исходить из содержательного и функционального ее аспектов. При этом реализация уважения как принципа правовой политики обуславливается целями и задачами правовой политики, переориентацией правоприменения на необходимость соблюдения и охраны прав и свобод личности как безусловных ценностей.

В статье рассматриваются ряд характерные черты уважения как принципа и ценности правовой политики. Утверждается, что уважение как ценность правовой политики способствует совершенствованию правовой государственности, институтов гражданского общества. В работе показаны теоретическое и практическое значение уважения в правовой жизни российского общества, проанализированы проекты концепций различных видов правовой политики, подчеркнуто значение уважения в качестве средства духовного формообразования, соответствия определенным общественным потребностям, образцам, меркам, идеалам, сформулированы дефиниции уважения как принципа и ценности правовой политики.

Ключевые слова: правовая политика, концепция, уважение, достоинство, права человека, принцип, ценность.

Respect as the principle and value phenomenon of legal policy

Abstract: the article mentions no investigations or no undisputed of the issues of legal policy, its values, principles, and also respect as the principle of legal policy are mentioned in the article. The authors try to substantiate the specificity of the nature, content and forms of respect and as a principle, and in terms of the values of legal policy. They believe that the analysis of the concept of "legal policy", it should be considered meaningful and functional aspects. At the same time believe that the implementation of respect, as a principle of legal policy, driven by the goals and objectives of legal policy, refocusing enforcement on the need to respect and protect the rights and freedoms of the individual as absolute values.

The article discusses a number of features that characterize the respect in terms of principle and values of legal policy. It is argued that respect for the value of legal policy contributes to the improvement of a legal state, civil society institution. The work shows theoretical and practical significance of respect in the legal life of Russian society, analyzes the projects of concepts of different types of legal policy, stressed the importance of respect as a means of spiritual formation, meet certain public needs, patterns, standards, ideals, formulated the definition of respect as a principle and values of legal policy.

Keywords: *legal policy, concept, respect, dignity, human rights, the principle, value.*

Тематика уважения как принципа, ценностной основы правовой политики, ее видов в научной юридической литературе практически не затрагивается. Более того, термин «уважение» в качестве такового при разработке видовых концепций правовой политики используется не прямо, а косвенно. В частности, через характеристику принципа учета нравственно-правовых устоев и культурных традиций общества. Правда, уважение, гуманизм и справедливость сами выступают в аспекте основных, отправных идей названного принципа [1, с. 26]. Вероятно, в связи с этим можно предположить, что уважение, гуманизм и справедливость при характеристике принципа учета нравственно-правовых устоев и культурных традиций общества можно рассматривать, во-первых, в качестве его содержания; во-вторых, формы его сущностного проявления; в-третьих, самостоятельно функционирующих, но неразрывно связанных с принципом учета нравственно-правовых устоев и культурных традиций общества отправных идей, т. е. принципов. Задачи исследования, следовательно, заключаются в том, чтобы выявить специфику сущности, содержания, форм проявления, целей и задач уважения как принципа и ценности правовой политики, определяемых основными ее направлениями и другими факторами.

Не углубляясь в дискуссию, отметим, что само понятие «правовая» политика, по меньшей мере, уже не одно столетие в большей или в меньшей степени вполне осознанно используется и в теории и на практике. Однако, как заметили современные исследователи, теория правовой политики начала формироваться лишь в XIX в. [2, с. 6], а уже в XXI в. стала занимать одно из ведущих мест в юридической науке [3, с. 34].

«Правовая политика» — довольно объемное понятие. При ее научном анализе привлекают внимание, по меньшей мере, два момента, на которые обратил внимание Н.Н. Вопленко. Имеется в виду содержательная сторона правовой политики (обоснована Н.И. Матузовым) и ее деятельная сторона (обоснована А.В. Малько). По справедливому утверждению Н.Н. Вопленко, названные стороны правовой политики не противоречат друг другу. Более того, они создают полное представление о ней как о целостном явлении. В частности, «с точки зрения содержания правовой политики создание и реализация норм права дополняются и обслуживаются систематической работой по охране права от нарушений, интерпретацией его смысла, правоспитанием и прочими видами политико-юридической деятельности, сопровождающими бытие права в общественной жизни» [4, с. 18]. Развивая эту мысль ученого, логично предположить, что уважение как принцип и ценностное явление правовой политики и в содержательном, и в функциональном аспектах может отчетливо проявить себя с точки зрения субъектов правотворчества, правоприменения, воспитания, толкования, охраны, защиты, самозащиты, восстановления прав, свобод и законных интересов человека и гражданина и т. д. И, соответственно, во внутренней и внешней сферах функционирования институтов гражданского общества и институтов государства. В

определенной мере обозначенный подход имеет место в проектах концепций различных видов правовой политики. Так, в проекте Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации содержательная сторона уважения выступает в следующих качествах: проявления нравственно-ценностных устоев и социально-культурных традиций общества; ценностей и традиций всех народов России и мирового сообщества; принципов институтов гражданского общества; принципа национально-культурного равноправия [5, с. 12]. Из пяти функций, изложенных в проекте Концепции правовой политики Президента, уважение наиболее отчетливо проявляет себя через ценностно-ориентирующую функцию, которая направлена на формирование развитого правосознания населения, духовно-нравственное возрождение общества [1, с. 96].

Сущность, содержание, формы проявления, функциональная направленность нравственно-правового регулирования и реализации уважения как принципа правовой политики применительно к предмету исследования, с одной стороны, обусловлены целями, задачами правовой политики. С другой стороны, сама идея уважения служит фактором, условием развития правотворческой и правореализационной практики. Например, в правотворческой политике в плане формирования эффективных механизмов возмещения государством морального вреда и потерь, причиненных незаконными действиями (бездействием) судебных и правоохранительных органов; гармонизации следствия и правосудия за счет смягчения мер пресечения, улучшения условий содержания в местах лишения свободы. Разумеется, эффективность и обоснованность принятия более совершенного законодательства в обозначенном направлении правотворческой политики должны основываться на прочном научном фундаменте. И такие исследования имеют место, причем на концептуальном уровне. Достаточно обратиться к докторской диссертации С.М. Воробьева, где обосновывается политико-правовая сущность морального вреда, ее объективное отражение и реализация в стратегически ориентированной правовой политике государства, составной частью которой является гармонизация общественных отношений, установление приоритета социальной справедливости, неукоснительное соблюдение прав человека и гражданина. Кроме того, автором вносится ряд заслуживающих внимания предложений, способствующих совершенствованию механизмов защиты граждан в вопросах возмещения морального вреда. В частности, дополнение ст. 150 ГК РФ следующего содержания: «Лицо, в отношении которого был причинен моральный вред, имеет право определения способа его возмещения: в виде денежной компенсации, извинения, опровержения примирения, реабилитации» [7, с. 13–17].

В сфере правореализационной практики идеи уважения связаны с переориентацией правоприменения на необходимость соблюдения и охраны прав и свобод личности как безусловной ценности, совершенствованием механизмов ответственности субъектов, занимающихся реализацией и применением правовых предписаний в правовой жизни. Достаточно четко, на наш взгляд, обозначенная мысль выражена в диссертации А.М. Репьевой, где не только раскрывается реализация уважения прав человека в уголовно-исполнительной политике, но и формулируется научное определение данного понятия, формы проявления при реализации наказания, а также требования

принципа уважения к должностным лицам, применяющим его посредством юридической деятельности. В частности, автор полагает, что уважение — это не только запрет на незаконное вмешательство пенитенциарных органов в сферу человеческого достоинства, но и их обязанность обеспечить с помощью властных мер уважение личной сферы гражданина и защиту от вмешательства со стороны третьих лиц [8, с. 8–9]. Необходимость знания и соблюдения должностными лицами уголовно-исполнительной системы названных требований очевидна. К примеру, лишь 22,8 % осужденных считают отношение сотрудников воспитательных колоний к ним уважительным [8, с. 21].

В плане сказанного напрашивается вывод о том, что уважение в качестве принципа и ценности правовой политики распространяется на субъекты ее формирования и реализации; характеризуется их правомерным поведением; составляет нравственно-правовую предпосылку осуществления субъектами своих прав и обязанностей; обладает спецификой содержания, форм выражения и реализации, а также функциональной направленности, обусловленных предметом правового регулирования; предполагает сочетание следующих способов правового регулирования: обвязывания, дозволения и запрета.

Уважение — это нравственно-правовая ценность, характеризующая духовную составляющую общества. Более того, уважение в качестве нравственно-правовой ценности служит средством духовного формообразования, соответствия определенным общественным потребностям, образцам, меркам, идеалам. Уважение как ценность правовой политики есть одно из важнейших явлений, способствующих формированию, функционированию и развитию правового государства. Это «индикатор» его нравственной оценки, непредвзятости и беспристрастности, критерий его измерения с позиции истины, добра, гуманности, достоинства, справедливости и т. д. Закономерно, что уважение как максимально почтительное отношение к индивиду в информационно-воспитательной и культурно-нравственной сферах правовой политики реализуется в формировании позитивного восприятия обществом правовых ценностей и мотивации к сознательному правомерному поведению; организации государственного мониторинга динамики социальной жизни, направленного на выявление наиболее актуальных проблем, требующих творческих решений, и др.

Уважение как любой феномен имеет множество аспектов проявления. Поэтому важно иметь четкие представления о пределах его реализации в правовой политике, что позволит избежать нечеткости правового предписания и возникновения спорных ситуаций при его использовании. В связи с этим необходимо определить его типичные признаки в соответствующей сфере правового регулирования. Вероятно, так и поступает российский законодатель. В уголовно-процессуальном праве России, например, уважение выступает в качестве запрета, содержащего типичные признаки правомерного поведения должностного лица при исполнении своих обязанностей. В ч. 1 ст. 9 УПК РФ установлено: «В ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья». Одновременно с этим

содержащиеся в запрете предписания служат культурно-нравственным фактором формирования у должностных лиц и граждан позитивных моральных качеств, установок и ценностей.

Известно, что идеи уважения и достоинства личности неразрывно связаны. Они находятся в одном нравственно-правовом пространстве и являются важнейшими категориями правовой политики. В числе первых эту мысль на концептуальном уровне более трех десятилетий назад выразил известный теоретик права Н.А. Придворов. По его справедливому утверждению, реализация принципа уважения права тесно связана с реализацией принципа достоинства личности как морально-правовой ценности и проявляется в отраслях законодательства, в правоприменительной деятельности [11, с. 317]. Основываясь на приведенной точке зрения, в ее развитие отметим, что уважение и достоинство как понятия правовой политики, средства правового регулирования и реализации содержат в себе огромный социальный ценностный потенциал, который еще не использован ни в науке, ни на практике. Это потенциал регулятивно-охранительный, правозащитный, поощрительный, воспитательный.

Уважение наряду с гуманизмом, справедливостью и другими принципами правовой политики — явления объективные. В них преломляется и конкретизируется фундаментальная цель правовой политики — защита прав и свобод человека, охрана интересов гражданского общества и государства, а также закономерности правового развития, его предназначения и направленности. Следовательно, отмеченные закономерности распространяются не только на процесс правотворчества и правоприменения, но и на иные стороны правовой жизни: воспитание, стимулирование, поощрение, ограничение, государственные гарантии и т. д. Так, вопрос реализации уважения в правовой политике России может быть выражен через воспитательные средства, например, убеждение и принуждение, которые в конечном итоге способствуют формированию такой ценности, как уважение к правам и свободам человека и гражданина, достоинству личности. По справедливому мнению О.В. Власовой, достоинство — это идея-ценность, исключительная ценность, неотделимая от гуманизма и уважения [12, с. 290–296].

Отметим, что О.И. Цыбулевская полагает целесообразным выделять ценности права и ценности в праве. К первым относятся ценности, присущие самому праву: свобода, равенство, справедливость, уважение и др. Ко вторым — ценности, выходящие за пределы права. Это может быть здоровье, достоинство, безопасность, информация, деньги [13, с. 432]. Такой подход к пониманию ценностей следует считать перспективным, поскольку он позволяет полнее раскрыть и гуманистический потенциал демократического общества, и ценность человеческой личности, уважения к ней, соответственно, более глубоко проникнуть в содержание правовой политики.

Уважение как принцип и ценность правовой политики отчетливо проявляется во внешней стороне, в частности, в правомерном поведении представителей власти. Сущность уважения применительно к деятельности государственных органов и должностных лиц заключается в том, чтобы его требования исполнялись должностными лицами независимо от чувств и эмоций и не оказывали влияния на поведенческую сферу. Именно под воздействием внешних факторов начался процесс преобразований в России.

Поскольку уровень социального неравенства в обществе достиг критического предела [14], власть начала принимать меры. В частности, разработаны программные тезисы, предполагающие, что в любых действиях государство будет ориентироваться на человека как главную ценность. Поставлена задача создать систему ценностей, которая могла бы объединить людей. Речь идет о вере, свободе, справедливости, уважении человеческого достоинства [15].

Сказанное означает, что происходит смена мировоззренческих установок власти, она начинает уделять большее внимание не материальным, а духовным ценностям, правам и свободам человека и гражданина, что в значительной мере повышает качество духовного измерения. Ведь и правосознание, и правовая культура развиваются и оказывают воздействие на окружающих под влиянием духовных факторов, которые, в свою очередь, цементируют путь к уважению закона, права и достоинства личности. Уважение прав означает свободу, недопустимость произвола государственных органов и должностных лиц; приоритет закона; гарантии неприкосновенности личности, ее имущества; равенство перед законом; справедливость; гуманность.

В заключение отметим, что уважение — одно из нравственно-юридических условий формирования институтов гражданского общества, государства, органов местного самоуправления, неотъемлемый принцип и ценность правовой политики. Там, где реализуется уважение, там имеет место правомерное поведение, там в действии правовая культура прав человека, граждане окружены заботой государства. Уважение проявляется там, где существует самоуважение, реализуется справедливость, признается достоинство личности.

Уважение как принцип правовой политики — это основополагающая идея, требование максимально почтительного отношения субъектов ее формирования и реализации, способствующие становлению и развитию правового государства, институтов гражданского общества, обеспечению прав, свобод и интересов человека и гражданина, чести и достоинства личности, высокого уровня правосознания и правовой культуры, а также учету нравственно-ценностных устоев и социокультурных традиций общества.

Уважение как ценность правовой политики — это явление духовного формообразования, выступающее критерием оценки правотворческой, правореализационной, воспитательной и иной деятельности ее субъектов, связанной со строительством, функционированием и развитием правового государства. Это «индикатор» нравственно-правового отношения к личности с позиции непредвзятости и беспристрастности, критерий измерения отношений государства и общества с позиции истины, добра, гуманности, достоинства и справедливости.

Список литературы:

1. Правовая политика. Словарь и проект концепции. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2010. — 274 с.
2. Малько, А.В. Теория правовой политики / А.В. Малько. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 325 с.
3. Пузиков, Р.В. Правовая политика современной России: инструментальный подход // Правовая политика и правовая жизнь. — 2011. — № 3. — С. 34–38.

4. Вопленко, Н.Н. Правоприменительная политика и справедливость // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. — 2014. — № 1. — С. 137–143.
5. Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А.В. Малько. — Саратов: Саратовская государственная академия права, 2012. — 31 с.
6. Воробьев, С.М. Эволюция института компенсации морального вреда в Российском праве (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.М. Воробьев. — М., 2014. — 57 с.
7. Репьева, А.М. Реализация общеправовых принципов в процессе исполнения наказания в воспитательных колониях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Репьева. — Саратов, 2014. — 26 с.
8. Общая теория государства и права. Академический курс : в 2 т. : учебник для вузов / отв. ред. М.Н. Марченко. — Т. 1. — М.: Зерцало, 1981. — 408 с.
9. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — Саратов: Саратовская государственная академия права, 2010. — 702 с.
10. Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2010. — 560 с.
11. Путин В. С нами правда // Российская газета. — 2011. — 1 дек.
12. Петров В. Пятница в клубе // Российская газета. — 2011. — 26 дек.

С.В. Тихонова,
доктор философских наук,
профессор кафедры истории
государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

S.V. Tikhonova,
Doctor of Philosophy, Professor,
Saratov State Law Academy
segedasv@yandex.ru

Формирование коммуникационной правовой политики как основа построения информационного общества

Аннотация: актуальность статьи определяется необходимостью оптимизации перехода к информационному обществу, требующей продуманной и эффективной правовой политики. Цель статьи: проанализировать теоретико-правовые подходы к концептуализации правовой политики в информационной сфере и теоретически обосновать выделение ее нового вида — коммуникационной правовой политики. Автор опирался на общенаучные (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучные (формально-юридический, коммуникационный подход) методы при решении поставленных задач. Рассмотрены определения терминов «государственная информационная политика», «правовая политика в информационной сфере», «информационная правовая политика», установлены логические отношения между ними. Автор приходит к выводу, что цели и задачи правовой политики в информационной сфере неоднородны, а ее объект гетерогенен. В его рамках специализируется особая группа однородных общественных отношений, связанных с правовым регулированием построения информационного общества. Ее спецификой является инфраструктурный, транзакционный, коммуникационный характер, а содержанием — установление новых видов связи между гражданами и государством. Таким образом, методологически оправданно автономное рассмотрение коммуникационной правовой политики как самостоятельного вида.

Ключевые слова: правовая политика, правовая политика в информационной сфере, информационная правовая политика, коммуникационная правовая политика.

The formation of communication legal policy as the basis for building the information society

Abstract: topicality of the article bases on the importance the necessity of optimization of the transition to the information society, requiring thoughtful and effective legal policy. The purpose of this article is to analyze the theoretical and legal approaches to the conceptualization of the legal policy in the information sphere and theoretically justify the release of its new form — communication legal policy. The implementation of the research objectives was achieved with the help of general scientific (dialectical method, analysis, synthesis) and special scientific methods (formal-legal method and communicative approach). The author considered the definitions of «state information policy», «legal policy in the information sphere», “informational legal policy”, set the logical relations between them. She comes to the conclusion that the goals and objectives of legal policy in the information sphere are heterogeneous, and its object is heterogeneous. The special group of homogenous social relations is specialized. This relations are connected with the legal regulation of construction of information societies; its peculiarity consists in infrastructure, transactional, communication character, and content consists in the establishment of new forms of communication between citizens and the state. Thus, autonomous review of communication legal policy as an independent methodologically justified.

Keywords: legal policy, legal policy in the information sphere, informational legal policy, communication legal policy.

Переход к информационному обществу детерминирует актуальность формирования научно обоснованной правовой политики в коммуникационном пространстве. Сегодня в юридической науке заметен устойчивый интерес к этой проблеме, но ее артикуляция далека от единых оснований. Для отечественной научной литературы характерна традиция рассматривать правовую политику в этой сфере с помощью категории «информация», оперируя понятиями «информационная политика государства», «правовая политика в информационной сфере», «информационная правовая политика».

Информационная политика государства рассматривается в узком и широком смысле. А.В. Шевченко считает, что в широком смысле «государственная информационная политика» — это система идей, целей, установок, методов и средств, с помощью которых государство осуществляет регулирование отношений между гражданским обществом и информационной системой государства [1, с. 57]. В узком, утилитарном смысле информационную политику интерпретируют как то, чего и как хочет добиться власть, используя СМИ как связующее звено между целями субъекта политики и линией поведения, выбранных для их достижения [2]. В целом информационную политику можно рассматривать и как управление информационными ресурсами страны, и как обеспечение удовлетворения информационных потребностей граждан, и как деятельность по оптимизации взаимодействия государства и граждан.

Значимость информационной сферы для государственного развития детерминирует применение правового регулирования к складывающимся в ее рамках общественным отношениям, следовательно, необходимо формирование специфической правовой политики — информационной правовой политики.

А.В. Карягина определяет информационную правовую политику как комплекс политических, правовых, экономических, социально-культурных и организационных мероприятий государства, направленных на обеспечение конституционного права граждан на доступ и распространение информации в

соответствии с п. 4 ст. 29 Конституции РФ [3, с. 34]. К объектам государственной информационной политики автор относит печатные СМИ, рекламную деятельность, электронные СМИ, средства связи, информационное право, информационную безопасность, а к ее долгосрочной цели — построение информационного общества.

Отметим, однако, широкий неоднородный спектр задач, который относится к этому виду правовой политики. Часть их связана с регулированием определенного информационного содержания, часть носит инфраструктурный характер, связанный с изменением характера транзакций. Важно учитывать, что данное различие актуально только для общества с развитой и многоуровневой информационной системой, включающей не только вертикальные коммуникационные каналы средств массовой информации, но и каналы горизонтальные, аккумулирующие восходящие потоки и интеракции. Классическим образцом таких каналов является транснациональный Интернет, хотя в истории XX в. есть и другие национальные примеры — например, французская абонентская сеть «Минитель». Появление и распространение основанных на горизонтальных каналах коммуникации электронных сетей общества связано с конкретным уровнем научно-технического прогресса и цивилизационного развития, и именно оно является субстратом построения информационного общества.

Наряду с этим право на информацию является основой реализации многих конституционных прав и свобод (свободы слова, свободы массовой информации, свободы мировоззренческого выбора, избирательного права и т. д.), потенциально реализуемых в условиях любого (по техническим характеристикам) коммуникационного пространства. Налицо гетерогенность современной информационной сферы, порождаемой эволюцией коммуникационного пространства. Это качество не может не отражаться на системности правовой политики в информационной сфере. Закономерной представляется дифференциация ее объекта на две относительно автономные области. Полагаем, что в современных условиях целесообразно выделение двух самостоятельных направлений правовой политики — информационной правовой политики и коммуникационной правовой политики. Обе они являются видовыми понятиями по отношению к родовому — правовой политике в информационной сфере. Информационная правовая политика решает вопросы селекции информации в коммуникационном пространстве (например, правовые институты цензуры, защиты детей от вредоносной информации). Коммуникационная правовая политика направлена на создание правовых основ построения информационного общества, т. е. развитие коммуникационного пространства, управление его встраиванием в социальный ландшафт и, таким образом, контроль социального прогресса.

Центральными проблемами современной информационной правовой политики являются: 1) проблема усложнения права на информацию; 2) проблема правового статуса цензуры; 3) проблема правового регулирования новых видов коммуникационной деятельности (различных видов PR-технологий).

Центральными проблемами коммуникационной правовой политики выступают: 1) обеспечение развития информационно-коммуникационной инфраструктуры; 2) построение электронного государства; 3) развитие электронных структур гражданского общества. Их решение фактически будет означать построение информационного общества.

В политико-правовой сфере концепция «информационного общества»¹ начала свое формирование в середине 1990-х гг. Ю. Хохлов отмечает, что в это время в США командой Б. Клинтона и А. Гора была сформулирована идея создания сначала национальной, а затем глобальной информационной инфраструктуры, позволяющей использовать преимущества телекоммуникаций с целью сокращения расстояний и передачи огромных объемов данных в кратчайшее время в любую точку планеты (в докладе «Agenda for Action») [4, с. 6]. Этой идее был противопоставлен европейский подход (М. Бангеманн), предполагающий развитие не только телекоммуникаций, но и информационных технологий и контента; все три компонента рассматривались как единое целое, под которым и понималось «информационное общество» (в докладе «Europe's Way to Information Society. An Action Plan»).

В государственной политике различных стран в области телекоммуникаций и связи началось формирование соответствующих концепций, фиксирующих в качестве стратегических целей той или иной версии «информационного общества». Как отмечает Е.В. Шигонцева, основные цели национальных программ развития информационного общества в западных европейских странах были связаны с достижением лидирующих позиций в экономическом и социальном развитии; социально-экономическая направленность этих программ имеет антропологическую направленность и ориентирована на человеческие ценности; важным их элементом является повышение доверия людей к информационно-коммуникационным технологиям [5, с. 217]. Азиатский подход к построению информационного общества отличался от европейского: при сохранении традиционных ценностей информационные технологии используются как основа связи государства и рынка.

В нашей стране процесс построения информационного общества проходил на понятийной основе, близкой к европейскому подходу. Начался он с разработки и принятия Доктрины информационной безопасности РФ от 9 сентября 2000 г. [6], зафиксировавшей большое значение информационной сферы для государственных интересов. Кроме того, среди проблемных зон информационной безопасности было отмечено отсутствие четкой государственной политики в области формирования российского информационного пространства.

Инициированная глобализацией популяризация идей информационного общества привела к тому, что 22 июля 2000 г. в Окинаве восемь ведущих мировых держав подписали Хартию глобального информационного общества. Окинавская Хартия не содержит определения информационного общества, но перечисляет его основные черты, связанные с новыми возможностями, открываемыми информационными технологиями.

¹ Безусловно, содержательно куда более узкая и конкретная, нежели парадигма информационного общества, сформированная на базе трудов Д. Белла, О. Тоффлера, М. Кастельса в социальной философии и, шире, в социогуманитарном знании.

Задачи, выдвигаемые Хартией, требуют эффективного политического и правового сотрудничества стран — участниц. Для их решения Хартия предписывает «изыскивать пути к принятию конкретных мер», в том числе в области формирования политического, нормативного и сетевого обеспечения, причем нормативное обеспечение рассматривается как требующее поддержки политического консультирования и укрепления местного потенциала (ст. 19).

На реализацию положений Окинавской Хартии глобального информационного общества направлена Стратегия развития информационного общества в России от 25 июля 2007 г. В ней информационное общество характеризуется «высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти» [7].

Правовые подходы к разработке понятия информационного общества также сводятся к перечислению признаков и задач такого общества. Юридическое понятие «информационное общество», вытекающее из теории права и информационного права, пока находится в стадии концептуализации.

Переход к информационному обществу невозможен без построения его фундамента — интегрированной совокупности информационно-коммуникационной инфраструктуры, обслуживающей функционирование электронной коммерции, электронного государства, образования, науки, здравоохранения и т. д. Для этого необходимо: формирование единого информационного пространства страны и его интеграция в мировое информационное пространство; переход к инновационной экономике знания; повышение эффективности государственного управления посредством внедрения информационно-коммуникационных технологий в государственное строительство; повышение доступности информационно-коммуникационных технологий и преодоление цифрового разрыва; повышение качества работы социальной сферы (здравоохранения, обслуживания, транспорта и т. п.) на основе применения информационно-коммуникационных технологий; развитие науки и системы образования; обеспечение правопорядка и противодействие преступности.

Решение этих задач носит преимущественно коммуникационный характер, поскольку предполагает установление и поддержку связей между отдельными сегментами общества, при обязательном наличии обратной связи. Обеспечение их эффективного правового регулирования и составляет содержание коммуникационной правовой политики — самостоятельного вида современной правовой политики в информационной сфере.

Список литературы:

1. Шевченко, А.В. Информационное пространство мегаполиса — метамодель коммуникативных отношений // Управление мегаполисом. — 2008. — № 1. — С. 55–68.
2. Карасева, Е.В. Информационная политика органов исполнительной власти современного мегаполиса: особенности ее формирования и реализации (на примере деятельности правительства Москвы) : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е.В. Карасева. — М., 2004. — 26 с.
3. Карягина, А.В. Современная информационная правовая политика в РФ: Теоретико-правовой аспект // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2012. — № 2. — С. 34–35.

4. Ершова, Т. Вперед к информационному обществу 2.0! Беседа с председателем редакционного совета журнала «Информационное общество», председателем Совета директоров Института развития информационного общества Ю.Е. Хохловым в связи с 15-летием института // Информационное общество. — 2013. — № 5. — С. 4–15.

5. Шигонцева, Е.В. Генезис концепции информационного общества: теоретико-правовой аспект // Гуманитарные исследования. — 2012. — № 4. — С. 213–221.

6. Доктрина информационной безопасности РФ от 9 сентября 2000 г. // СПС «ГАРАНТ».

7. Стратегия развития информационного общества в России от 25 июля 2007 г. // СПС «ГАРАНТ».

Д.С. Хижняк,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры криминалистики Саратовской
государственной юридической академии*

D.S. Khizhnyak,

*Candidate of Law, Associate Professor of
the Forensic Science Department Saratov
State Law Academy
denis_khizhnyak@mail.ru*

Юридическая стратегия как элемент механизма реализации государственной правовой политики и методологии криминалистических исследований (на материале стратегий борьбы с транснациональными преступлениями)

Аннотация: цель статьи — рассмотрение понятия стратегии применительно к правовой науке в качестве элемента механизма правовой политики, а также одной из методологических предпосылок развития теории и практики борьбы с преступлениями. В последние десятилетия как на международном, так и на национальных уровнях принимаются стратегические документы, поэтому одна из задач юридической науки — выявление структурных особенностей таких стратегий, их положения в системе теоретического знания. Стратегические проблемы современной науки и практики способствуют развитию стратегического метода, представляющего собой систему методов и приемов, с помощью которых достигается объективное познание действительности, направленное на решение задач как в настоящем, так и в будущем. Специфика применения стратегического метода должна основываться на учете элементов стратегии; последним в статье уделено особое внимание.

Ключевые слова: методология, стратегия, элементы стратегии, транснациональные преступления.

Legal strategy as an element of the mechanism of realization of state legal policy and methodology of forensic studies (with the example of the strategies to combat transnational crimes)

33

Abstract: the aim of this article is to consider the concept of strategy as applied to legal theory and the mechanism of legal policy, as well as one of the methodological prerequisites for the development of the theory and practice of combating crimes. In recent decades documents on various legal and political issues have been accepted both on international and national levels. So one of the tasks of legal theory is to identify the structural features of such strategies, their position in the system of theoretical knowledge. Strategic problems of contemporary science and practice contribute to the development of the strategic method - a system of methods and techniques helping to achieve the objective cognition of reality aimed at solving problems both in the present and in the future. The specifics of the application of strategic methods should be based on the consideration of the elements of the strategy, which are given attention to in the article.

Keywords: methodology, strategy, elements of strategy, transnational crimes.

Юридическая стратегия в теоретическом плане иногда рассматривается как свойство законодательной базы. Стратегия в праве часто разрабатывается на основе концепций развития определенной сферы жизни общества и соответствующих законов. Содержательной и нормативно-правовой основой юридических стратегий могут быть: международные документы, общепризнанные принципы и нормы международного права; правовые доктрины; указы Президента РФ; послания Президента РФ; федеральные законы; концепции; другие стратегии; государственные программы развития различных сфер жизни страны. Структура документов с родовым названием «стратегия» может различаться, но в каждом из таких документов явно выделяются общие для всех или для большинства стратегий содержательные части. Как правило, в стратегиях указываются: 1) взаимосвязи с законами и подзаконными актами Российской Федерации; 2) связи с международными документами; 3) взаимоотношение с иными нормативными правовыми актами (например, с постановлениями Правительства РФ); 4) политико-правовые основы стратегии; 5) современное состояние проблем или результатов предшествующего периода развития сферы жизни и деятельности либо необходимость в разработке стратегии (например: состояние статистического учета средств и материально-технической базы, уровень развития отрасли и др.); 6) основные риски и угрозы стратегии (например: экстремальные условия, сложные территориальные и региональные условия, неразвитость инфраструктуры и др.); 7) цели (реализация национальных интересов и государственной политики, совершенствование системы государственных гарантий конституционных прав человека и др.); 8) принципы (использование определенной системы мер, стабильность основных элементов системы мер, конкретизация положений законов и др.); 9) задачи (выработка мер противодействия, обеспечение контроля, создание государственной системы профилактики и др.); 10) субъекты деятельности (государственные комитеты, профильные комиссии в субъектах Федерации и муниципальных образованиях, Федеральные службы, министерства и др.); 11) объекты деятельности (например: государство, общество, все население страны или его отдельные категории, личность, организации и учреждения); 12) приоритетные направления развития сферы (обеспечение национальной безопасности, развитие международного сотрудничества и др.); 13) направления реализации стратегии, связанные с совершенствованием, развитием или реформированием отдельных сопредельных подсистем сферы; системы мер, необходимых для совершенствования, развития, реализации или реформирования этой сферы (особенности планирования и координации деятельности, развитие технологий, создание информационной и телекоммуникационной структур и др.); 14) механизмы реализации стратегий (разработка государственных программ и подпрограмм, совершенствование нормативно-правовой базы, исполнение бюджетных обязательств и др.); 15) этапы стратегии или ее временные рамки; 16) ожидаемые результаты (разработка частных стратегических планов,

создание условий для роста экономики и др.); 17) условия осуществления контроля за реализацией стратегии (определение круга федеральных органов исполнительной власти и исполнительной власти субъектов Российской Федерации для обеспечения системного мониторинга и анализа реализации государственной политики и др.).

Следовательно, можно сказать, что юридическая стратегия — это система приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной политики, зафиксированная в виде плана на долгосрочную перспективу для достижения конкретного результата, основанная на предшествующем и текущем состоянии проблемы с учетом современных рисков и угроз, предусматривающая пути решения и контроль ее поэтапной реализации, основанная на других нормативных правовых актах государства и (или) международно-правовых документах и включающая в себя субъектно-объектные и временные константы. Криминалистическую стратегию можно определить как искусство руководства процессом расследования преступлений, т. е. криминалистической деятельностью, осуществляемой несколькими субъектами и направленной на достижение системы целей (общих, конкретных, специфических, частных), состоящей из нескольких этапов с последовательным изменением имеющейся информации (следственной ситуации), а также целей и задач от момента возбуждения уголовного дела до его рассмотрения в суде, основанной на научно-практических методах. Именно стратегия структурирует и оптимизирует криминалистическую деятельность.

В России нет отдельного стратегического документа по борьбе с транснациональными преступлениями, но это не значит, что не существует такой стратегии. Ее можно выявить на основе анализа других стратегических и нормативных правовых документов Российской Федерации. В числе российских нормативных правовых актов, составляющих основу стратегии расследования транснациональных преступлений, необходимо назвать Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, а также федеральные законы и указы Президента РФ [1–4 и др.]. Например, Уголовно-процессуальный кодекс РФ в гл. 53 закрепляет основные положения о порядке взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств, а также международными организациями. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет возможность международного сотрудничества с правоохранительными органами и международными организациями (ст. 2), а также принципы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации (ст. 4). Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» устанавливает направления деятельности ФСБ (ст. 8) среди которых выделяются: борьба с терроризмом (ст. 9.1), борьба с преступностью (ст. 10), пограничная деятельность (ст. 11.1). Все эти направления соответствуют стратегии борьбы с транснациональной преступностью. Ст. 6 Федерального закона «О международных договорах» закрепляет варианты стратегических решений выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора: подписание договора; обмен документами, обременяющими договор; ратификацию договора; утверждение договора; принятие

договора; присоединение к договору. «Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» устанавливает принципы координации, основные направления координационной деятельности (совместный анализ состояния преступности, ее структуры и динамики, прогнозирование тенденций развития, изучение практики выявления, расследования, раскрытия, предупреждения и пресечения преступлений и др.), формы координационной деятельности (обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью; совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью, изучения и распространения положительного опыта; создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений; проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений и др.).

Таким образом, стратегия как элемент механизма реализации государственной политики и методологии криминалистических исследований тесно взаимосвязаны и реализуются в узкоспециальных сферах законотворческой и правоприменительной деятельности, в том числе и в сфере борьбы с транснациональными преступлениями.

Список литературы:

1. О Прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 2 апреля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 47, ст. 4472; 2014. — № 52, ч. 1, ст. 7538.
2. О Федеральной службе безопасности : федеральный закон РФ от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 15, ст. 1269; 2014. — № 19, ст. 2335.
3. О международных договорах Российской Федерации : федеральный закон РФ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 29, ст. 2757.
4. О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, касающихся взаимной правовой помощи : Указ Президента РФ от 26 октября 2004 г. № 1362 (в ред. от 3 ноября 2004 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 44, ст. 4327; 2004. — № 45, ст. 4413.

• ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ •

А.Д. Гуляков,
кандидат юридических наук, доцент,
ректор Пензенского государственного
университета

A.D. Gulyakov,
PhD, Associate Professor,
Rector of Penza State University
rector@pnzgu.ru

Множественность моделей федерализма и использование компаративистского подхода в их исследовании

Аннотация: среди множества классификаций моделей федерализма в данной статье рассматриваются наиболее полные — с точки зрения генезиса федерализма и его историко-региональной типологии. Федерализм формировался тремя способами: «снизу», «сверху» и «смешанным» путем (США, Германия и Канада являются их конкретными примерами). Выделяют также различные историко-региональные типы федерализма: пионерский (США, Канада и Австралия), общинный (Швейцария), латиноамериканский (Бразилия, Аргентина, Мексика), имперский (Германия и Австрия), советский и постсоветский, постколониальный (Индия и Нигерия). Наиболее значимые федеративные модели следует изучать, используя сравнительное государствоведение, сравнительную политологию и сравнительное правоведение.

Сравнительное государствоведение включает исследования особенностей геополитической и исторической ситуации в различных странах, социальных сил, заинтересованных в федерализации, внешних факторов и основных стадий федеративного развития. Сравнительный политический анализ затрагивает исследования типов партийных систем в различных странах, отношение общественного мнения к федерализму и т. д. Сравнительное правоведение помогает сопоставлять различные правовые федеративные нормы, что невозможно без изучения государств и политической экспертизы в сравнительном ключе.

Ключевые слова: федерализм, классификация федерализма с позиции генезиса, исторические и региональные типы федерализма, государствоведческое изучение федерализма, федерализм и сравнительная политология, федерализм и сравнительное правоведение.

Multiplicity of Federative Models and Using Comparative Approaches toward Its Students

Abstract: there are many models of federalism. Every federative state is unique but we may classify them in different groups. Sometimes they say about symmetrical and non-symmetrical federations, sometimes about treaty and constitutional ones. We suggest that more useful classifications may be made from the two angles- genesis of federalism and historical and regional typology. We consider that federalism was formed by three ways- from the grass roots, from the top and mixed way (USA, Germany and Canada being concrete examples). Simultaneously it's useful to keep in mind different historical and regional types of federalism: Pioneering (in USA, Canada and Australia), Community (in Switzerland), Latin American (in Brazil, Argentine, Mexico), Empire (in Germany and Austria), Soviet and Post-Soviet, Post-Colonial (in India and Nigeria). The most outstanding models is necessary to study using Comparative State Studying, Comparative Political Science and Comparative Law.

Comparative State Studying includes research of peculiarities of geopolitic and historical situations in different countries, social forces favouring federalization, external factors, main stages in the federative development. Comparative Political analysis touches study of the type of party system in this or that country, the attitude public opinion toward federalism, etc. Comparative Law helps to compare different legal federative norms but this comparison is useless without comparative state studying and comparative political expertise.

Keywords: *Federalism; Classification of Federalism from the point of view of its genesis; Historical and Regional Types of Federalism; Comparative State Studying of Federalism; Federalism and Comparative Political Science; Federalism and Comparative Law.*

Современный мир сложен и многообразен, при этом не существует каких-либо единых рецептов его развития. В рамках общих закономерностей каждое государство проходит свой особенный путь, свойственный только ему. Это относится и к федеративным отношениям.

Существует немало классификаций федеративных государств, но «нет единой, признанной классификации федераций» [1, с. 156]. Например, В.Е. Чиркин выделяет симметричные и асимметричные, централизованные и децентрализованные, договорные, конституционные, конституционно-договорные федерации [2]. Однако симметричность или однопорядковость структурных единиц для федеративного государства большого значения не имеет, поскольку к сути, духу, функционированию государства этот признак никакого отношения не имеет. Так, в США кроме штатов есть еще и федеральный округ Колумбия, однако для государственного механизма это никаких серьезных последствий не влечет. Еще менее удачна классификация в соответствии с юридическими способами создания федеративного государства. Более удачным можно считать выделение среди федераций централизованных и децентрализованных государственных образований, поскольку этот подход обозначает их наиболее сущностную сторону, степень их устойчивости. Однако и данная классификация не является достаточно дифференцированной. Возникают вполне закономерные вопросы: насколько централизованным или децентрализованным является то или иное государство; какое место оно занимает по данному признаку среди других государств; как объяснить сложившееся положение?

В западной науке приветствуется деление федераций на «интегративные», или «приходящие к объединению» и «деволюционные», «сохраняющие объединение» [3]. Имеется в виду, что в первом случае независимые государства создают федеративное государство, а во втором случае оно формируется из уже существующего унитарного государства путем его федерализации. Об этих же типах государства (с использованием иной терминологии) пишут и российские авторы [4, с. 13]. Основной недостаток этой классификации — ее слабая дифференцированность. Более того, она не покрывает всех случаев федеративности.

Модели федерализма многообразны. «Каждое федеративное государство уникально, следовательно, используя метод сравнительного анализа, можно выделить ряд так называемых моделей федерализма, каждая из которых отражает историческую, национальную, политическую и иную специфику конкретной федерации, определяя общие и особенные черты организации государственной жизни» [5, с. 28].

Представляется справедливой позиция, согласно которой федерации делятся на «созданные сверху» и «созданные снизу» [6, с. 74]. Наиболее типичными примерами являются Германия и США. Вместе с тем следует выделить еще и класс так называемых «смешанных федераций», образованных в результате встречных движений «сверху» и «снизу» (например, Канада).

Полагаем, что наряду с генезисной классификацией следует использовать историко-региональные типы федерализма, совмещающие особенности исторической эпохи и региона возникновения федерализма. Так, первопоселенческий, или пионерский федерализм охватывает районы заселения англоязычными белыми поселенцами в Западном и Восточном полушариях в XVIII–XIX вв., и его конкретные модели — американская, канадская, австралийская — имеют немало схожих черт [7; 8]. Народный (общинный) федерализм представлен Швейцарией, для него свойственна длительная, многовековая эволюция во враждебном окружении крупных феодальных государств, незначительные масштабы территории и опора на социальные компромиссы, вырабатываемые внутри местных общин. Латиноамериканский федерализм сформировался в XIX в. после завершения войны за независимость испанских колоний и был призван содействовать консолидации раздираемого социальными, этнорасовыми и культурными противоречиями бывшего колониального общества. Он опирался на каудилизм — специфический вариант местного помещичьего вождизма, и ему нередко были присущи авторитарные черты. Имперский федерализм является наследием сложноставных феодальных и околофеодальных империй — Священной Римской империи германской нации и Австро-Венгерской монархии. Здесь федеративная конструкция никак не могла формироваться «снизу», как, например, в первопоселенческих федерациях. Советский и постсоветский федерализм формировался также «сверху» в условиях континентальных евроазиатских пространств и попытался применить идеалистическую схему выстраивания отношений центра с субъектами на основе марксистской идеологии [9, с. 161]. Постколониальный федерализм проявил себя после Второй мировой войны в условиях краха колониальной системы. Он тоже, как правило, формировался «сверху» в достаточно жесткой, централизованной форме и имел различную степень успешности. Например, в Индии данный федеративный тип существовал и существует без особых потрясений, а в Нигерии путь постколониального федерализма был обозначен государственными переворотами, военными диктатурами и гражданской войной.

Задачей исследования федерализма является не только его типологизация, но и сравнительный анализ отдельных, наиболее значимых вариантов его развития, среди которых мы в первую очередь указываем на американскую, швейцарскую, канадскую, германскую, австралийскую, мексиканскую, бразильскую, аргентинскую, советско-российскую, индийскую, нигерийскую модели.

При изучении федеративных отношений целесообразно использовать широкий арсенал исследовательских средств, прежде всего, сравнительно-правовой, сравнительно-государствоведческий и сравнительно-политологический анализ.

В кластере компаративистских дисциплин сравнительное правоведение обладает наибольшей теоретической и фактологической проработанностью. Его генезис связан с использованием сравнительного метода применительно к различным правовым ситуациям, что способствовало впоследствии формированию отраслевого и общего сравнительного правоведения, а в последнее время — и сравнительной правовой политики [10].

Наряду со сравнительным правоведением логично говорить о сравнительном государствоведении [11, с. 35]. «Объектом сравнительного государствоведения является государственность во всех ее проявлениях (генезис, эволюция и упадок), исходя из самого определения этого научного направления — сопоставления институтов государства у различных народов» [12, с. 7]. Начиная со второй половины XIX в. значительное развитие также получила сравнительная политология [13, с. 4].

Проблему федерализма возможно исследовать также при помощи метода исторического сравнения. Например, преимущества американского федерализма проявляются особенно явственно, если сравнить ситуацию с другими моделями первопоселенческого федерализма в Канаде или Австралии. Историко-сравнительный метод целесообразно использовать и в рамках государствоведческого анализа при рассмотрении основных этапов в развитии федерализма.

Сравнительные государствоведческие исследования следует дополнить сравнительным политологическим инструментарием. Для функционирования федерализма крайне важны партийная система государства, роль политических движений, политические мнения по поводу системы. Взаимоотношения между двумя уровнями управления, федеральным и региональным, не могут не зависеть от того, представлены ли на этих уровнях одна партия или разные партии. Федеральная структура управления также влияет на организацию партий, избирательные кампании [14, с. 31]. Сравнительный анализ зарубежного опыта, безусловно, небезынтересен, но он не должен становиться во главу угла в процессе анализа. «...Акцент на сопоставлении преимущественно законов оставляет в тени другие явления правовой жизни. Ведь правоведение не синоним права, оно охватывает все источники права, государственные и иные институты, юридические учреждения, правоприменение, юридическое образование и науку» [15, с. 40]. Правовая констатация без серьезной государствоведческой и политологической экспертизы не объяснит в должной мере ни прошлого, ни настоящего, ни будущего федерализма.

Таким образом, в анализе федеративных отношений целесообразно соблюдать последовательность: от исследования стартовых возможностей федеративной формы государства через описание ее развития к политической основе функционирования и ее нормативному закреплению.

Список литературы:

1. Брезгулевская, Н.В. Виды федерации и модели федерализма // Известия вузов. Сер.: Правоведение. — 2005. — № 3. — С. 150–162.
2. Чиркин, В.Е. Современное федеративное государство / В.Е. Чиркин. — М.: МНИМП, 1997. — 128 с.
3. Lenaerts, K. Constitutionalism and The Many Faces of Federalism // American Journal of Comparative Law. — 1990. — Vol. 38, № 205. — P. 205–263.
4. Проблемы федерализма и федеральной правовой политики в современной России / О.А. Курилкина, А.В. Лабыгина, А.Ю. Мамычев и др. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 168 с.
5. Ившина, И.Н. Создание федеративного государства. Сравнительно-правовое исследование / И.Н. Ившина. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 323 с.

-
6. Фарукшин, М.Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты / М.Х. Фарукшин. — М.: Юрист, 2004. — 527 с.
7. Гуляков, А.Д. Основание федеративного государства в США (историко-государствоведческий очерк) / А.Д. Гуляков, А.Ю. Саломатин // Известия вузов. Поволжский регион. — Общественные науки. — 2015. — № 1. — С. 20–31.
8. Гуляков, А.Д. Пути формирования канадского федерализма (историко-государствоведческое исследование) / А.Д. Гуляков, А.Ю. Саломатин // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. — 2015. — № 2. — С. 5–16.
9. Гуляков, А.Д. Становление и развитие федеративных государств в Северной Америке, Европе и России / А.Д. Гуляков, А.Ю. Саломатин. — Пенза: ПГУ, 2015. — 213 с.
10. Саломатин, А.Ю. Сравнительная правовая политика как сфера исследований и образовательный программ // Правовая политика и правовая жизнь. — 2010. — № 2. — С. 160–163.
11. Чиркин, В.Е. Сравнительное правоведение и сравнительное государственное управление: взаимосвязи, общее, особенное // Ежегодник сравнительного правоведения. — М., 2001. — С. 31–37.
12. Голубева, Л.А. Сравнительное государственное управление / Л.А. Голубева, А.Э. Черноков. — СПб.: Знание, 2009. — 556 с.
13. Сморгун, Л.В. Сравнительная политология : учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Л.В. Сморгун. — СПб.: Питер, 2012. — 448 с.
14. Stein, M. Federal Political Systems and Federal Societies // Canadian Federalism: Myth or Reality? Second edition / Ed. by J.P. Meekison. — Toronto, 1971.
15. Тихомиров, Ю.А. Правовая теория: регулирование и практика / Ю.А. Тихомиров. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — 240 с.

В.А. Бабаков,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского и
международного частного права
Саратовской государственной
юридической академии

V.A. Babakov
Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy
vladbabakov@yandex.ru

К вопросу об объеме правоспособности государства как участника гражданско-правовых отношений

41

Аннотация: статья посвящена исследованию вопросов, связанных с определением правоспособности государства — участника гражданско-правовых отношений как одной из сфер, нуждающихся в совершенствовании правового регулирования. Целью статьи является определение характера правоспособности государства, в том числе с учетом трехзвенной структуры его участия в гражданских отношениях, с позиций выявления объема правомочий, которые может осуществлять данный участник гражданского оборота, и порядка их реализации.

Используемые методы: исторический материализм, формально-логическое толкование права и сравнительно-правовой.

На основе анализа выработанных в цивилистической науке позиций предлагается вывод о целевом (специальном) характере правоспособности государства. Государственно-правовое образование может иметь гражданские права, только соответствующие целям его деятельности, предусмотренным в соответствующих нормативных актах, регламентирующих его статус, и

нести гражданские обязанности, только связанные с этой деятельностью. Рассматриваются последствия выхода за пределы полномочий, в частности, ситуации, когда сделка, совершенная государственно-правовым субъектом в противоречии с целями его деятельности, может быть признана судом недействительной. Предлагается авторская позиция относительно персонификации правосубъектности государства в гражданских правоотношениях, основанная на регламентации случаев правомерного участия государства в таких отношениях. Практически важным представляется отражение соответствующего положения на уровне ГК РФ (гл. 5), не менее значимы с практической точки зрения и выводы относительно возможности ограничения правоспособности применительно к конкретным государственно-правовым образованиям.

Ключевые слова: гражданско-правовая правоспособность государства, объем и характер правоспособности государства.

To the question about the volume capacity of the state as a party in civil law relations

Abstract: the article is devoted to the study of issues related to the definition of legal capacity of the state as a party in civil law relations as one of the areas that needed improvement of legal regulation. The purpose of this article is to determine the nature of the legal capacity of the state, including taking into account three-tier structure of his participation in civil relations, from the standpoint of identifying the amount of action that can make the participant of the civil turnover.

Methods: historical materialism, formal logical interpretation of law and comparative law.

On the basis of the analysis developed in civil law science positions proposed for the conclusion of the task (special) the nature of the legal capacity of the state. Appropriate state and legal education can have civil rights, only the relevant objectives set out in the relevant regulations governing the status, and bear civil responsibilities associated with this activity. The transaction state-legal entity in contradiction with the objectives of its activities, may be declared invalid by the court. The author's position on the personify the personality of the state in civil legal relations, based on the regulation of cases of lawful participation of the state in civil legal relations. Almost crucial is reflected at the level of Civil Code (fifth Chapter), not less important from a practical point of view and conclusions regarding the possible restriction of legal capacity in relation to a particular state and legal entities.

Keywords: civil legal capacity of the state, the scope and nature of the legal capacity of the state.

Проблематика участия государства в гражданских правоотношениях, правосубъектности и ответственности государства не является для правоведения новой. Еще в первой половине XIX в. она подвергалась исследованию философами и правоведами, однако следует признать, что целостной концепции участия государства в гражданско-правовых отношениях, гражданско-правовой ответственности государства на сегодняшний день не создано.

Участие государства в гражданских отношениях невозможно без разработки института его правосубъектности, в отсутствие которого не может образоваться правовая связь между государством и иными участниками гражданского оборота [1, с. 355]. Несмотря на более чем вековую историю существования понятия правосубъектности государства в юридической науке, до настоящего времени не наблюдается единства его трактовки как в цивилистике, так и в юриспруденции в целом. Практическая сторона такого подхода заключена в том, что, только изучая механизм реализации права, можно в конкретике наблюдать действие права и совершенствовать те элементы правовой системы, которые затрудняют либо делают невозможным действительное, эффективное регулирование общественных отношений [2, с. 2].

Характеризуя текущее состояние гражданского законодательства, можно констатировать, что государство в Российской Федерации является особым субъектом гражданского права с недостаточно ясно определенным статусом, правовой режим которого, а также права и обязанности в наиболее общем виде регулируются Гражданским кодексом РФ, а именно ст. 124–127.

Перечисленные особенности породили дискуссию о характере правосубъектности государства, обусловив и несогласованность терминологии в рассматриваемой сфере. Так, например, О.А. Красавчиков говорит об универсальном характере правосубъектности, когда государство может иметь любые права и обязанности, за исключением тех, принадлежность которых государству исключается самой их природой [3, с. 256]. Е.А. Суханов под специальной правосубъектностью понимает то, что государство имеет лишь те гражданские права и обязанности, которые предусмотрены законом [4, с. 361]. А.А. Иванов отстаивает точку зрения о целевом ее характере, когда правосубъектность вытекает из той функции носителя публичной власти, которую в интересах всего общества выполняет государство [5, с. 155].

В.Г. Голубцов полагает, что Российская Федерация (а также субъекты Российской Федерации и муниципальные образования) является самостоятельной разновидностью субъектов гражданских правоотношений наряду с физическими и юридическими лицами, что, как указывает автор, отличает его концепцию от существующих в современной правовой доктрине взглядов, характеризующих государство при его выступлении в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, как разновидность юридического лица или как «квазисубъектное» образование, либо отрицающих его самостоятельную гражданскую правосубъектность или предполагающих «раздвоение» правосубъектности государства [6, с. 10–11].

Далее автор отмечает, что правоспособность Российской Федерации при ее участии в гражданском обороте представляет собой особый вид гражданской правоспособности — «функциональную правоспособность», которая не совпадает с правоспособностью юридических лиц. Вывод об особом характере правоспособности Российской Федерации обусловлен тезисом об ограничении случаев ее выступления в гражданском обороте исключительно необходимостью осуществления публичных функций, в рамках реализации которых полномочия государственных органов на участие в гражданских правоотношениях исчерпывающе определены нормами законодательства, имеющими публично-правовую принадлежность [6, с. 11].

Государство, участвуя в гражданско-правовых отношениях, вправе осуществлять любые виды деятельности, не противоречащие целям деятельности соответствующего субъекта и не запрещенные законом. Очевидно, что такая формулировка вполне сопоставима с той, которая имеется в настоящий момент в ГК РФ применительно к характеристике правосубъектности юридических лиц. Государство способно иметь права, соответствующие целям деятельности (аналогия с подп. 1 п. 1 ст. 49 ГК РФ), при этом такая деятельность может быть любых видов, не запрещенных законом (подп. 2 п. 1 ст. 49 ГК РФ).

Таким образом, виды деятельности (способность иметь права для осуществления этих видов) должны соответствовать определенным целям и быть не запрещенными законом.

Ограничения, касающиеся коммерческой деятельности государства, существуют практически во всех развитых правовых системах. Так, немецкая юридическая доктрина говорит о том, что предпринимательская деятельность государства должна преследовать публичную цель [7, с. 48–49].

К сожалению, действующий ГК РФ фактически обходит вниманием вопрос об объеме правоспособности государства. В настоящей работе делается вывод о ее целевом характере. При этом практически важным представляется отражение соответствующего положения на уровне ГК РФ (гл. 5), не менее значимы с практической точки зрения и ее ограничения применительно к конкретным государственно-правовым образованиям. Иными словами, государственно-правовые образования могут быть не равны в своей правоспособности. Это неравенство имеет несколько аспектов.

Государственно-правовое образование может иметь гражданские права, только соответствующие целям его деятельности, предусмотренным в соответствующих нормативных актах, регламентирующих его статус, и нести гражданские обязанности, только связанные с этой деятельностью. Сделка, совершенная государственно-правовым субъектом в противоречии с целями его деятельности, может быть признана судом недействительной.

Практически важным представляется и решение проблемы персонификации правосубъектности государства в гражданских правоотношениях. Правомерной реализацией целевой правоспособности будет лишь в случае соблюдения соответствующим субъектом (государством), совокупности следующих условий: а) участия в гражданских отношениях не от своего имени, а от имени государства; б) распоряжения государственным или иным имуществом в публично-правовых целях; при этом отметим, что государство может оперировать и чужим имуществом — имуществом физических и юридических лиц, например, в случаях, когда физические лица доверяют государству свои пенсионные накопления (накопительную часть) — это гражданско-правовые отношения, можно привести и иной пример, когда одно государство доверяет другому свои золотовалютные запасы и т. д.; в) соблюдения цели участия — приобретение прав и обязанностей для государства; г) субъектом ответственности в случае ненадлежащего исполнения обязательства должно являться государство.

Таким образом, правосубъектность государства должна быть ограничена нормативным закреплением ее целевого характера. Сказанное тем более актуально, что правовое регулирование гражданского оборота и повышение его эффективности требуют определенности в характеристике правосубъектности государства как основополагающего и на текущий момент наиболее проблемного института в сфере участия государства в гражданско-правовых отношениях.

Список литературы:

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — М. : Юрист, 1997. — 672 с.
2. Вавилин, Е.В. Действие механизма осуществления прав и исполнения обязанностей // Арбитражный и гражданский процесс. — 2009. — № 5. — С. 2–4.

-
3. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова. — Т. 1. — М.: Высшая школа, 1985. — 544 с.
 4. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Е.А. Суханова. — Т. 1. — М.: Бек, 1993. — 382 с.
 5. Гражданское право / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. — Т. 1. — М.: Проспект, 2011. — 780 с. (авт. главы — А.А. Иванов).
 6. Голубцов, В.Г. Участие Российской Федерации в имущественных отношениях, регулируемых гражданским законодательством : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.Г. Голубцов. — М., 2008. — 54 с.
 7. Maurer, H. Allgemeines Verwaltungsrecht. — Munchen : Kartoniert C.H.BECK, 2009. — 759 s.

А.А. Ананьева,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского и
международного частного права
Саратовской государственной
юридической академии

A.A. Ananyeva,
Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy
annaslast@mail.ru

О теоретических и практических юридических конструкциях

Аннотация: статья посвящена изучению вопроса о возможности противопоставления нормативных и теоретических юридических конструкций. Несмотря на всю значимость юридических конструкций для развития права, ряд доктринальных задач, связанных с их изучением, остается нерешенным. Одной из таких задач является разграничение конструкций, основанное на вероятности их отражения в нормативном материале. Решение данной задачи не только будет служить цели систематизации юридических конструкций, но и позволит приблизиться к пониманию их сущности в целом. При решении обозначенного вопроса автор исходит, во-первых, из нетождественности юридической конструкции с правовой нормой или группой норм, во-вторых, из того, что разработанные в теории юридические конструкции могут находить свое выражение в норме права, позволяя достичь при этом максимального соответствия моделируемого объекта и модели, а также из двух вариантов трактовки понятия «теоретическая юридическая конструкция». При первом варианте такой трактовки автор доказывает не только нецелесообразность, но и даже некорректность выделения термина «нормативная конструкция». Вторым же вариантом трактовки позволяет использовать данную терминологию. Делается вывод об ошибочности представления о делении юридических конструкций на теоретические и нормативные. Обосновывается целесообразность разграничения конструкций на теоретические и практические. Нормативные же конструкции предлагается противопоставлять ненормативным. В заключение приводятся некоторые примеры объективации юридических конструкций в ненормативных правовых средствах.

Ключевые слова: юридическая конструкция, теоретическая юридическая конструкция, практическая юридическая конструкция, нормативная юридическая конструкция, ненормативная юридическая конструкция.

About the theoretical and practical legal structures

Abstract: the article deals with the question of the possibility of opposing normative and theoretical legal structures. The author indicates that, despite the significance of the legal structures for the development of the law, a number of doctrinal problems associated with the study themselves, remains unresolved, among them is the problem of delimitation of legal structures based on the probability of their reflection in the normative material. The solution to this problem will serve not only systematization of legal structures,

but also for the purpose of understanding their nature as a whole. The author assumes, firstly, of the legal structure are not identical with the legal rules or group norms, and secondly from the fact that the theory developed legal structures can be expressed in the rule of law, allowing to achieve maximum compliance with the simulated object and models. She notes the two options of interpretation of the term "theoretical legal construction". The author proves that in the first version of this interpretation the selection of the term "regulatory structure" is not only unnecessary, but even incorrect. The second option allows to use this interpretation of terminology. The author comes to the conclusion that the division of legal structures on the theoretical and normative is incorrect. In addition, she proves the expediency to distinct the structures on theoretical and practical. Normative legal structures is proposed to oppose to non-normative. It concludes with some examples of objectification of legal structures in the non-legislative means.

Keywords: legal structure, theoretical legal structure, practical legal structure, normative legal structure, Non-normative legal structure.

Юридические конструкции играют значимую роль в развитии права. Как справедливо отмечают А.В. Малько и М.А. Костенко, их вообще «можно считать формальным показателем качества правовой регуляции ... отражающим уровень развития правовой науки в целом» [1, с. 464]. В то же время приходится с сожалением констатировать, что в настоящее время отсутствуют как единое, всеми признанное понятие юридических конструкций, так и их обоснованная классификация. Нет единого понимания и в вопросе соотношения их с правовыми средствами и правовыми формами.

Особенно рельефно данная проблема проявляется при попытке противопоставить теоретическим конструкциям нормативные. Автором предложенного подхода является А.Ф. Черданцев. Стоит отметить, что сам ученый подходит к рассматриваемой градации юридических конструкций весьма осторожно и взвешенно. Автор обращает внимание на то, что в большинстве случаев нормативные и теоретические юридические конструкции совпадают и в целом можно говорить о различных функциях единой юридической конструкции: гносеологической и нормативной [2, с. 17]. Таким образом, под нормативной юридической конструкцией следует понимать отражение в нормах права созданной в результате абстракции типовой схемы поведения, являющейся моделью правоотношений. Иными словами, в идеале объективно существующий нормативный материал позволяет увидеть тот скелет (несущую конструкцию), на который он нанизан, который и получил название «нормативная юридическая конструкция». Представляется, что подобную точку зрения разделяют и другие авторы. В частности, Г.В. Колодуб применительно к гражданско-правовому обязательству отмечает, что происходит «нанизывание» условных направляющих так называемого модельно обусловленного поведения сторон за счет предъявления законодательных требований к исполнению [3, с. 188].

Данное обстоятельство свидетельствует не о совпадении норм права (их совокупности) с нормативной юридической конструкцией, а о максимальном соответствии моделируемого объекта и модели, являющейся первоосновой, определяющей те реперные точки, в которых мысленно устанавливается ее жесткая связь с нормами объективного права. Такие точки-ориентиры позволяют проследить, насколько содержание, структурная и функциональная взаимосвязь норм (частей нормы) права соответствуют нормативной юридической конструкции, являющейся мысленным прообразом типовой схемы поведения.

Однако мы убеждены в том, что спектр юридических конструкций неоправданно ограничен такими их разновидностями, как теоретические и нормативные. Грань между теорией и практикой довольно тонкая, поскольку одной из форм практики является деятельность по научному познанию мира, в том числе общественных отношений. При этом важно понимать, какой смысл вкладывается в термин «теоретические». Возможны, по крайней мере, две интерпретации данного термина.

Первый вариант трактовки позволяет считать теоретическими все те юридические конструкции, которые созданы в результате деятельности разума при помощи операций абстрагирования, идеализации, обобщения и т. п. При таком подходе и теоретические, и нормативные конструкции являются мысленными образами, а потому нормативные конструкции в этом смысле ничем от теоретических (научных) не отличаются. И если в данном случае имеет смысл выделение нормативных конструкций, то только в качестве разновидности теоретических конструкций. Факт использования либо неиспользования юридической конструкции для построения нормативного материала ее внутреннего содержания, структуры и сущности не меняет. Можно говорить лишь о ее выражении вовне и о той роли (функции), которую в правовой действительности выполняет та или иная разновидность юридических конструкций. Однако к внутренней сути самого явления данная классификация нас не приближает. Представляется, что при таком подходе термин «нормативная конструкция», достаточно условен, если не сказать больше — некорректен. Какой смысл обычно вкладывается в его содержание и значение? Как правило, нормативная юридическая конструкция по отношению к теоретической имеет прикладное значение. И это дает основания для противопоставления теоретических и нормативных конструкций.

На самом деле то, что законодатель построил нормативный материал в соответствии с заданной идеальной схемой, ни в коей мере не свидетельствует о том, что он использовал не теоретическую, а практическую модель. Еще раз отметим, что этот вывод справедлив только в том случае, если единственным критерием разграничения теоретических и практических конструкций считать их идеальную природу, связанную с рациональным уровнем познания. Исходя из этого, конечный результат законотворческой работы можно оценить на предмет соответствия теоретической модели. В самой модели при этом ничего не изменится: она как была теоретической, так и останется в виде идеальных образов, суждений и умозаключений.

При втором варианте трактовки помимо идеальной природы как теоретических, так и практических юридических конструкций следует учитывать, что теория полностью относится к миру сознания, в котором приемлемо все, что не противоречиво (возможные миры), при этом не все являющееся возможным существует в действительности [4]. Это означает, что правовой теорией могут быть созданы умозрительные юридические конструкции, которые неприменимы на практике. И с этой точки зрения классификация юридических конструкций на теоретические и практические является вполне приемлемой. Однако теоретическим юридическим конструкциям должны

противостоять не только нормативные, но и иные конструкции, нашедшие применение в правовой действительности.

Если придерживаться классификационного принципа дихотомии, то парными категориями для теоретических юридических конструкций являются практические конструкции. Нормативным же конструкциям, находящимся на другой, более низкой, ступени классификации, могут противостоять ненормативные конструкции. При этом каждый уровень классификации имеет свой критерий. Как справедливо отмечает О.А. Халабуденко, далеко не всякое гражданское правоотношение предполагает наличие соответствующего нормативного предписания, определяющего в гипотезе основание возникновения прав и обязанностей сторон и их содержание. Отсутствие нормы права в понимании общеобязательного правила поведения в частном праве компенсируется соглашением сторон или обыкновениями, а отсутствие нормы законодательства — обычаями, применением аналогии закона или аналогии права [5, с. 178–179]. Следовательно, теоретическим юридическим конструкциям могут быть противопоставлены не только нормативные, но и ненормативные конструкции. В целом к ненормативным юридическим конструкциям следует отнести те, которые являются моделью типовой схемы поведения и получили свою объективацию не в нормах права, а в ненормативных правовых средствах. Последние являются неотъемлемой частью правовой материи. По справедливому замечанию Ю.Г. Басина, инструментарий правового воздействия «значительно богаче юридических норм и содержит также иные средства регулирования. Все они опираются, разумеется, на нормативно-правовую основу как необходимую исходную базу, но не сливаются с ней» [6, с. 3]. Д.А. Керимов верно указывает, что ненормативные акты выполняют функцию регулирования конкретного отношения [7, с. 10]. Д.С. Кучков полагает, «что ненормативные правовые и неправовые акты, являясь весьма оперативным, мобильным, индивидуально-ситуативным регулятором, приобретают все большее значение в условиях динамично развивающегося общества» [8, с. 7]. Б.И. Пугинский называет ненормативность важным признаком любых правовых средств [9, с. 187].

К числу таких ненормативных регуляторов мы считаем возможным отнести, в частности, гражданско-правовой договор, корпоративные акты, деловые обыкновения, практику взаимных отношений сторон (заведенный порядок). Так, например, юридические конструкции, воплотившиеся в корпоративных актах, к числу нормативных отнести нельзя, поскольку такие акты являются ненормативными. В то же время данные конструкции имеют практическое применение, а потому их нельзя назвать теоретическими в том смысле, который принято, на наш взгляд, неоправданно, вкладывать в слово «теоретические» как антоним слову «практические».

Мы привели лишь некоторые примеры объективации юридических конструкций в ненормативных правовых средствах, обладающих регулятивным потенциалом. Вместе с тем между ненормативными и нормативными юридическими конструкциями нет непроходимых границ. Со временем, доказав свою жизнеспособность, отточенность и обоснованность ненормативные юридические конструкции могут найти воплощение в «ткани» позитивного права.

Список литературы:

1. Малько, А.В. Юридические конструкции как средство правотворческой политики / А.В. Малько, М.А. Костенко // Юридическая техника. — 2013. — № 7. — Ч. 2. — С. 461–464.
2. Черданцев, А.Ф. Юридические конструкции и их роль в науке и практике // Правоведение. — 1972. — № 3. — С. 12–19.
3. Колодуб, Г.В. Исполнение гражданско-правовой обязанности // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. — 2012. — № 2. — С. 187–190.
4. Грачев, М.В. Понятие «практика». Соотношение практики и теории. — URL: http://grach-ucheny.ucoz.ru/publ/75_ponjatie_quot_praktika_quot_sootnoshenie_teorii_i_praktiki/1-1-0-19 (дата обращения: 10.04.2015).
5. Халабуденко, О.А. Некоторые вопросы методологии права: гражданско-правовые прерогативы и юридические конструкции // Вестник Пермского ун-та. — 2013. — № 1. — С. 174–187.
6. Басин, Ю.Г. Хозяйственный механизм и борьба с гражданскими правонарушениями // Совершенствование правовых средств борьбы с гражданскими правонарушениями. — Алма-Ата, 1984. — С. 3–7.
7. Керимов, Д.А. Теория права: признаки закона // Право и образование. — 2003. — № 3. — С. 4–14.
8. Кучков, Д.С. Право в ненормативном регулировании общественных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.С. Пучков. — Владимир, 2009. — 26 с.
9. Пугинский, Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. — М.: Зерцало-М, 2008. — 224 с.

Н.Н. Липкина,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра европейского права и
сравнительного правоведения
Саратовской государственной
юридической академии

N.N. Lipkina,
Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy
eurolaw@sgap.ru

Принцип европейского консенсуса в практике Европейского суда по правам человека

Аннотация: актуальность статьи обусловлена тем, что ввиду той особой роли, которую играют принципы субсидиарности и свободы усмотрения в процессе реализации государством своих международных обязательств в сфере прав человека, в частности, обязательств по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., выработка критериев установления пределов такой свободы усмотрения имеет существенное научное и практическое значение. Цель статьи — выявить и проанализировать основные правовые позиции Европейского суда по правам человека, касающиеся вопросов установления консенсуса государств — участников Конвенции, а также выявить роль такого консенсуса в деле обеспечения и защиты прав человека. Поставленные задачи были реализованы при помощи общенаучных (диалектический, системный, анализа и синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Автор делает выводы о связи принципа консенсуса государств — участников Конвенции с эволютивным ее толкованием и принципом свободы усмотрения. При этом то, что принцип европейского консенсуса является одним из критериев установления пределов свободы усмотрения государства по реализации Конвенции, не умаляет роли и значения иных общих принципов осуществления вмешательства в права и свободы человека, гарантированные Конвенцией, в частности, принципов законности, обоснованности, соразмерности. Последние, как свидетельствует анализ правовых позиций Европейского суда по правам

человека, применяются как в случае установления наличия консенсуса государств—участников Конвенции по соответствующему аспекту обеспечения прав человека, так и в случае установления отсутствия такого консенсуса.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; европейский консенсус; эволютивное толкование; международные обязательства в сфере прав человека; свобода усмотрения государства.

European consensus principle in the practice of the European Court of Human Rights

Abstract: topicality of the article is based on the fact that due to the special role played by the principles of subsidiarity and margin of appreciation in the process of implementation of the State's international obligations in the field of human rights, and in particular, of the obligations under the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950, establishing of special criteria for determination of the limits of such discretion is of a significant scientific and practical importance. The purpose of the article is to identify and analyze the basic case-law of the European Court of Human Rights concerning the issues of establishing of a consensus of the States Parties to the Convention, and to identify the role of such consensus in ensuring and protecting human rights. Tasks were implemented using general scientific (dialectical, system, method of analysis and synthesis) and specific scientific methods (legal, comparative). The author draws conclusions about the relationship of principle of States Parties' consensus with the evolutive interpretation of the Convention and with the principle of margin of appreciation. Wherein, the conclusion that the principle of European consensus is one of the criteria for determining the limits of discretion of a state while implementing the Convention, does not diminish the role and importance of other general principles for the implementation of intervention in human rights and freedoms guaranteed by the Convention, in particular, the principles of legality, reasonability, proportionality. The latter, as evidenced by the analysis of the case-law of the European Court of Human Rights, are applicable both in a case when the consensus of the States Parties to the Convention on the relevant aspects of human rights exists, and in a case when it does not.

Keywords: the European Court of Human Rights; European consensus; evolutive interpretation; international obligations in the field of human rights; margin of appreciation of a state.

Принцип европейского консенсуса применяется в практике Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ, Суд) при осуществлении им эволютивного толкования положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция). Как отметил сам ЕСПЧ в постановлении по делу «*A, B and C v. Ireland*», наличие консенсуса уже давно играет роль в развитии и эволюции защиты по Конвенции, именно консенсус используется для оправдания динамического толкования положений Конвенции [1, § 234].

Установление европейского консенсуса осуществляется путем проведения ЕСПЧ сравнительного анализа существующих в правовых системах государств — участников Конвенции либо на международном уровне подходов к регулированию стоящих перед ним вопросов. Главным образом исследуется внутригосударственное законодательство [2, § 32], однако нередко анализируются также судебные решения [3, § 56; 4, § 36] и правоприменительная практика [2, § 32] Договаривающихся государств, международные договоры [2, § 38–39] и иные акты (например, директивы Европейского парламента и Совета [5, § 26]), международная правоприменительная практика (например, практика Суда Европейского Союза [2, § 40], практика контрольного механизма Европейской Социальной Хартии [6, § 40]).

Определяя наличие либо отсутствие консенсуса Договаривающихся государств по тому или иному вопросу развития стандартов прав и свобод

человека, закрепленных в Конвенции, ЕСПЧ, по сути, устанавливает согласие государств – участников на соответствующие изменения в содержании конвенционных стандартов.

Принцип европейского консенсуса применяется не только для выработки новых правовых позиций, но и для изменения ранее сформулированных. Так сам ЕСПЧ в своих постановлениях при необходимости даже выделяет самостоятельный раздел постановления, посвященный вопросу об изменении правовых позиций ЕСПЧ [7, § 35].

В качестве примера изменения ранее сформулированных ЕСПЧ правовых позиций можно привести его реакцию на эволюцию подхода европейских государств по вопросу о предоставлении отпуска по уходу за ребенком. В 1998 г. в постановлении по делу «Petrovic v. Austria» различие на основе пола в регулировании вопросов выплаты пособия по уходу за ребенком было признано ЕСПЧ не нарушающим ст. 14, взятую совместно со ст. 8 Конвенции, поскольку в данном деле широкая свобода усмотрения была признана за государством – ответчиком ввиду значительных различий, существовавших в 1980-е гг. в правовых системах Договаривающихся государств в сфере выплаты пособий родителям. Таким образом, ЕСПЧ установил, что на тот момент не существовало европейского консенсуса в рассматриваемой сфере, поскольку большинство Договаривающихся государств не предоставляли отцам ни отпуска по уходу за ребенком, ни соответствующих пособий [8, § 38–42].

В 2010 г. в постановлении по делу «Konstantin Markin v. Russia» ЕСПЧ, повторив правовые позиции, сформулированные им ранее в постановлении по делу «Petrovic v. Austria», отметил, что с момента принятия постановления по последнему из указанных дел правовая ситуация в сфере предоставления отпуска по уходу за ребенком в Договаривающихся государствах изменилась: законодательство абсолютного большинства европейских государств теперь предусматривает, что отпуск по уходу за ребенком может быть взят как матерями, так и отцами. ЕСПЧ посчитал, что он не может игнорировать широко распространенные и последовательно развивающиеся подходы и связанные с ними правовые изменения во внутригосударственных законах Договаривающихся государств по данному вопросу [9, § 49] и установил в постановлении по делу «Konstantin Markin v. Russia», что признание властями на законодательном уровне права на отпуск по уходу за ребенком только в отношении женщин-военнослужащих и непризнание такого права в отношении мужчин-военнослужащих представляет собой нарушение Конвенции.

Следует отметить, что в тех случаях, когда ЕСПЧ сталкивается с насущным вопросом обеспечения и защиты прав человека, отношение к которому в государствах – участниках постепенно меняется, а правовое регулирование — развивается, он проводит новые сравнительно-правовые исследования и выявляет, не достигнут ли государствами – участниками Конвенции в конкретный исторический момент консенсус в правовой оценке данного стоящего перед ЕСПЧ вопроса [10, § 72].

Вместе с тем ЕСПЧ достаточно осторожно подходит к вопросу о наличии консенсуса европейских государств по тому или иному вопросу. Так, установив в постановлении по делу «Dickson v. The United Kingdom», что более половины государств – участников разрешают супружеские посещения для

заключенных, ЕСПЧ, несмотря на свое одобрение подобной практики, не пошел в момент принятия постановления на то, чтобы интерпретировать Конвенцию как обязывающую государства – участники предусмотреть право на такие посещения в своем законодательстве [11, § 81].

В постановлении по делу «Hristozov and Others v. Bulgaria» ЕСПЧ пришел к выводу, что в настоящее время существует четкая тенденция в Договаривающихся государствах по закреплению разрешения на использование в некоторых исключительных условиях (в частности, для смертельно больного лица) лекарственных препаратов, в отношении которых отсутствует разрешение на применение в соответствующем государстве. Вместе с тем ЕСПЧ отметил, что этот формирующийся консенсус не основывается на устоявшихся принципах в праве Договаривающихся государств и не имеет требуемой определенности в регулировании [12, § 123]. По этим основаниям в данном деле ЕСПЧ не признал нарушением Конвенции отсутствие доступа у неизлечимо больных лиц, к которым были безуспешно применены все традиционные методы лечения, к использованию лекарственных препаратов, в отношении которых отсутствует разрешение на применение в данном государстве.

Кроме того, принцип консенсуса является одним из критериев определения пределов свободы усмотрения, которой государства – участники пользуются при реализации своих обязательств по Конвенции. Как указал ЕСПЧ в постановлении по делу «Evans v. The United Kingdom», в случаях отсутствия консенсуса государств – участников по тому или иному аспекту обеспечения гарантированных Конвенцией прав и свобод, особенно если затрагиваются чувствительные моральные и этические аспекты, свобода усмотрения государства – участника будет шире [13, § 77].

Наличие консенсуса государств – участников — только один из критериев установления пределов их свободы усмотрения. Общие критерии установления пределов такой свободы (например, принцип законности, принцип обоснованности, принцип соразмерности) [14] могут применяться в ходе дальнейшей оценки обстоятельств дела ЕСПЧ, как в случае установления наличия консенсуса государств – участников Конвенции, так и в случае установления его отсутствия.

Как указал ЕСПЧ в постановлении по делу «Hirst v. The United Kingdom», даже если не прослеживается наличие общеевропейского подхода к рассматриваемой ЕСПЧ проблеме, это не может само по себе выступать решающим фактором в ее разрешении, свобода усмотрения государства в таком случае является широкой, но не всеобъемлющей [15, § 81–82]. Даже в случае отсутствия консенсуса государств – участников ЕСПЧ имеет право осуществлять контроль соответствия их действий и бездействия положениям Конвенции [16, § 41].

Несмотря на то что отсутствие консенсуса государств – участников Конвенции делает их свободу усмотрения в вопросах осуществления вмешательства в гарантированные права и свободы шире, ключевые принципы определения пределов такой свободы продолжают действовать. Произвольное, не имеющее под собой разумных и достаточных оснований и не «сбалансиро-

ванное» с точки зрения его соразмерности вмешательство в гарантированные Конвенцией права и свободы человека даже в случае отсутствия консенсуса государств – участников будет представлять собой нарушение Конвенции.

В постановлении по делу «Weller v. Hungary» ЕСПЧ установил, что отсутствие общего стандарта не освобождает те государства, которые предусматривают выплаты семейных пособий, от обязанности предоставлять такие пособия на недискриминационной основе. Таким образом, общее исключение биологических отцов из круга лиц, имеющих право получать пособие по уходу за ребенком, в то время как матерям, приемным родителям и опекунам такое право предоставлено, по мнению ЕСПЧ, представляет собой дискриминацию по признаку родительского статуса [17, § 34–35].

Так и в постановлении по делу «Hirst v. The United Kingdom» ЕСПЧ признал общее, автоматическое и неизбирательное ограничение всех заключенных в их праве на свободные выборы выходящим за рамки разумной свободы усмотрения, какой бы широкой она не была, и таким образом пришел к выводу о наличии в данном деле нарушения ст. 3 Протокола 1 к Конвенции [15, § 82].

Вместе с тем приведенные правовые позиции ЕСПЧ не означают, что государство не может включать в свое законодательство общие запреты на определенные виды деятельности в случае наличия у него разумных оснований для этого. В постановлении по делу «S.A.S. v. France» ЕСПЧ не установил нарушения Конвенции в отношении принятия во Франции запрета на ношение скрывающей лицо паранджи в общественных местах, указав, что не существует консенсуса государств – участников Конвенции относительно того, должен ли существовать такой запрет или нет [18, § 156].

В свою очередь, наличие консенсуса государств – участников Конвенции также не препятствует осуществлению государством вмешательства в то право, в отношении которого такой консенсус был установлен, на общих основаниях и с соблюдением указанных ранее критериев законности, обоснованности, соразмерности и др.

Таким образом, принцип европейского консенсуса в практике ЕСПЧ представляет собой один из критериев установления пределов свободы усмотрения государств – участников по реализации положений Конвенции. Данный критерий направлен на характеристику соответствующих вопросов защиты прав и свобод человека, стоящих перед ЕСПЧ, с точки зрения их отнесения либо к категории тех, в отношении которых государство может осуществлять более глубокое вмешательство (вплоть до принятия общих запрещающих норм), либо к категории тех, в отношении которых свобода усмотрения государства ограничена, собственно, европейским консенсусом. При этом общие требования осуществления вмешательства в права и свободы человека (наличие разумных и достаточных оснований для вмешательства в гарантированные права и свободы, соблюдение принципов законности, обоснованности, соразмерности и др.) подлежат применению как в тех случаях, когда ЕСПЧ установил наличие консенсуса государств – участников, так и в тех случаях, когда такой консенсус установлен не был.

Список литературы:

1. A, B and C v. Ireland (GC) : case 25579/05. — 2010, 16 December. — URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2010/2032.html> (дата обращения: 15.01.2015).
2. Rohlena v. The Czech Republic (GC), no. 59552/08, 27 January 2015. — URL: <https://lovdata.no/static/EMDN/emd-2008-059552-2.pdf> (дата обращения: 15.01.2015).
3. X and Others v. Austria (GC), no. 19010/07, 19 February 2013. — URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/xvaustria_ecthrjudgment_19feb2013_en_.pdf (дата обращения: 15.01.2015).
4. Herrmann v. Germany, no. 9300/07, 26 June 2012. — URL: http://Fhudoc.echr.coe.int/Fapp/Fconversion/Fpdf/F_Flibrary_DECHR/6id_D001-111690/6filename_D001-111690.pdf (дата обращения: 15.01.2015).
5. Schalk and Kopf v. Austria, no. 30141/04, 24 June 2010. — URL: <http://archive.equal-jus.eu/109/> (дата обращения: 15.01.2015).
6. The National Union of Rail, Maritime and Transport Workers v. The United Kingdom, no. 31045/10, 8 April 2014. — URL: <https://lovdata.no/static/EMDN/emd-2010-031045.pdf> (дата обращения: 15.01.2015).
7. Cossey v. the United Kingdom, no. 10843/84, 27 September 1990. — URL: <http://archive.equal-jus.eu/151/> (дата обращения: 15.01.2015).
8. Petrovic v. Austria, no. 20458/92, 27 March 1998. — URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/library_DECHR/id=001-58146?filename=001-58146.pdf (дата обращения: 15.01.2015).
9. Konstantin Markin v. Russia, no. 30078/06, 7 October 2010. — URL: <http://www.equalrightstrust.org/ertdocumentbank/120405%20KONSTANTIN%20MARKIN%20v%20russia%20PDF.pdf> (дата обращения: 15.01.2015).
10. Hämäläinen v. Finland (GC), no. 37359/09, 16 July 2014. — URL: <https://lovdata.no/static/EMDN/emd-2009-037359-2.pdf> (дата обращения: 15.01.2015).
11. Dickson v. The United Kingdom (GC), no. 44362/04, 4 December 2007. — URL: <http://www.servat.unibe.ch/dfr/em443620.html> (дата обращения: 15.01.2015).
12. Hristozov and Others v. Bulgaria, nos. 47039/11 and 358/12, 13 November 2012. — URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKewi0qprg7YPLAhUKDSwKHRqPB5EQFggcMAA&url=http%3A%2F%2Fhudoc.echr.coe.int%2Fapp%2Fconversion%2Fpdf%2F%3Flibrary%3DECHR%26id%3D003-4337336-5199982%26filename%3D003-4337336-5199982.pdf&usg=AFQjCNHFqgRAEfSxmCZTqh_VeOuyc8u_1A (дата обращения: 15.01.2015).
13. Evans v. The United Kingdom, no. 6339/05, 10 April 2007. — URL: <http://www.familylawweek.co.uk/site.aspx?i=ed1690> (дата обращения: 15.01.2015).
14. Липкина, Н.Н. Принцип свободы усмотрения государств: правовые позиции Европейского суда по правам человека / Н.Н. Липкина. — Саратов : СГАП, 2010. — 172 с.
15. Hirst v. The United Kingdom (No. 2), no. 74025/01, 6 October 2005. — URL: <http://www.associationline.org/guidebook/action/read/chapter/4/section/jurisprudence/decision/63> (дата обращения: 15.01.2015).
16. Fretté v. France, no. 36515/97, 26 February 2002. — URL: <http://archive.equal-jus.eu/142/> (дата обращения: 15.01.2015).
17. Weller v. Hungary, no. 44399/05, 31 March 2009. — URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKewjpq53V7oPLAhXB FywKncyPC6gQFggmMAE&url=http%3A%2F%2Fhudoc.echr.coe.int%2Fapp%2Fconversion%2Fpdf%2F%3Flibrary%3DECHR%26id%3D003-2676588-2932013%26filename%3D003-2676588-2932013.pdf&usg=AFQjCNFP5oAfBiqlLqZToALE-X65WzKPHw> (дата обращения: 15.01.2015).
18. S.A.S. v. France (GC), no. 43835/11, 1 July 2014. — URL: <http://blog.justis.com/case-digest-s-a-s-v-france-application-no-43835-11> (дата обращения: 15.01.2015).

А.И. Темникова,
аспирант кафедры государственного
и муниципального права Сургутского
государственного университета

A.I. Temnikova,
Post-graduate student,
Surgut State University
kehliz@yandex.ru

Регистрация домашних животных как эффективный метод правового регулирования проблемы безнадзорности животных

Аннотация: в статье проведен анализ действующего законодательства в области порядка обращения с категориями домашних и безнадзорных животных. Актуальность изложенного материала обусловлена отсутствием решения проблемы безнадзорности животных на уровне национального законодательства. Одним из методов ее решения является обязательная регистрация и ежегодная перерегистрация домашних животных, положения об организации которой нуждаются в доработке. Кроме того, российское законодательство должно включать механизмы государственного контроля и меры юридической ответственности за невыполнение соответствующих требований. В статье содержатся предложения по внесению изменений в нормативные правовые акты, регламентирующие порядок регистрации (перерегистрации) домашних животных. Однако помимо изменения действующих правил содержания домашних животных предлагается установление мер юридической ответственности посредством дополнения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях составами административных правонарушений в области нарушения порядка содержания домашних животных и уклонения от регистрации и ежегодной перерегистрации их владельцами (собственниками), которые в настоящее время отсутствуют.

Ключевые слова: российское законодательство, Правила содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР, домашние животные, безнадзорные животные, регистрация (перерегистрация) животных, владельцы (собственники) животных, ответственность.

Registered Pets as an effective method of legal regulation in addressing neglect animals

Abstract: in the article the analysis of existing legislation in the field of treatment of categories of Pets and stray animals. The relevance of the material consists in finding solutions to the problems of animal neglect at the level of national legislation. One of the methods to enhance such liability is mandatory registration and annual re-registration is allowed, provisions for organizations which require improvement. In addition, Russian legislation should include mechanisms of state control and legal liability for failure to comply with the relevant requirements. The article contains proposals for amendments to normative legal acts, regulating the procedure of registration (re-registration) is allowed. However, in addition to changing existing rules for keeping Pets, the article also proposed the establishment of measures of legal responsibility by supplementing the Code of administrative offences of the Russian Federation administrative violations in the field of violation of order of detention and allowed to evade the registration and annual re-registration of their owners that are not currently available.

Keywords: the Russian legislation, the Rules for keeping dogs and cats in the cities and other settlements of the RSFSR, Pets, street animals, registration (re-registration) of the animal owners, responsibility.

В настоящее время российское законодательство в области взаимодействия человека с категориями домашних и безнадзорных животных ограничено лишь Правилами содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР (далее — Правила), установленными в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 23 сентября 1980 г. № 449 [1], и Инструкцией по отлову, содержанию и использованию безнадзорных собак и кошек в городах и других населенных пунктах

РСФСР (далее — Инструкция), утвержденной Министерством жилищно-коммунального хозяйства РСФСР от 12 июня 1981 г., Министерством сельского хозяйства РСФСР от 24 июня 1981 г., Министерством здравоохранения РСФСР от 24 июня 1981 г., Министерством юстиции РСФСР от 7 июня 1981 г. и Роспотребсоюзом от 29 июня 1981 г. [2]. В рамках указанных нормативных правовых актов решение проблемы наличия безнадзорных животных предусмотрено путем установления обязательной регистрации и ежегодной перерегистрации домашних животных (собак), порядка выгула собак, а также отлова безнадзорных животных. Тем не менее наличие данных нормативных правовых актов в области взаимодействия человека с отдельными категориями животных не способствует решению такой проблемы, как возрастающая численность безнадзорных животных.

В настоящее время отсутствуют научные работы, посвященные регистрации домашних животных как административному механизму повышения ответственности владельцев (собственников) животных, имеющему большое значение для решения названной проблемы. Однако в работах некоторых авторов указывается на необходимость введения регистрации домашних животных. Так, Д.Е. Захаров определяет животных в качестве источника повышенной опасности и в связи с этим предлагает ввести обязательную идентификацию (клеймение) крупных и агрессивных собак и регистрацию путем занесения сведений о животном и его владельце (собственнике) в единую базу данных [3]. По мнению С.В. Николюкина и И.О. Уткиной, обязательная регистрация и идентификация домашнего животного путем клеймения или микрочипирования позволит дисциплинировать владельцев (собственников) животных и повысит их ответственность за принадлежащее им животное, выражающуюся в возможности применения к ним мер юридической ответственности посредством лишения права собственности на животное в случае его утери более трех раз [4]. В статье Д.Б. Горохова и Ю.В. Гороховой в качестве примера ограничения оборотоспособности отдельных видов животных приводится установление регистрации собак «потенциально опасных пород», сопровождающееся выдачей соответствующей лицензии собственникам (владельцам) таких животных [5].

Тем не менее, несмотря на наличие обязательной регистрации (перерегистрации) домашних животных, установленной Правилами содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР (пп. 1.3–1.5) [6], а также упоминание о необходимости в данном виде регистрации в работах ряда авторов, значение термина «регистрация домашних животных» не определено, в связи с чем представляется целесообразным предусмотреть содержание данного термина Правилами. Что касается основных положений Правил содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР, то установлено, что полномочие по осуществлению регистрации (перерегистрации) животных находится в ведении государственных ветеринарных учреждений по месту жительства владельцев (собственников) животных. При этом сроки регистрации домашних животных, установленные Правилами, определены трехмесячным возрастом животного, а также

недельным (семядневным) сроком в случае смены владельца (собственника) животного. Кроме того, Правилами предусматривается прохождение процедуры регистрации на возмездной основе, причем предельный размер составляет 15 рублей в год. Однако данное положение следует актуализировать в связи с инфляцией, произошедшей в 1990-х гг., а также отсутствием в федеральном законодательстве нормативных правовых актов, устанавливающих размер платы при регистрации и ежегодной перерегистрации домашних животных.

В качестве документов, предъявляемых при прохождении регистрации (перерегистрации) домашних животных, в правилах названа лишь квитанция либо иной платежный документ о внесении установленной платы. По нашему мнению, данный перечень является исчерпывающим, в связи с чем необходимо дополнить его документами, подтверждающими: 1) проведение в отношении регистрируемого животного всех профилактических мероприятий, в том числе и наличие прививки от бешенства путем предъявления в регистрирующий орган ветеринарного паспорта; 2) дееспособность лица, являющегося владельцем (собственником) регистрируемого животного путем предъявления документа, удостоверяющего личность данного гражданина, а также справки из психоневрологического диспансера либо документов, подтверждающих правоспособность юридического лица; 3) законность содержания домашних животных, обусловленную п. 1.2 Правил, посредством предоставления письменного согласия всех совершеннолетних лиц, проживающих в жилом помещении, занятом несколькими семьями (коммунальные квартиры, общежития и т. д.); 4) проведение мероприятий по предотвращению потомства у животного посредством его стерилизации (кастрации) путем предъявления справки из соответствующего ветеринарного учреждения, в случае если животное было подвергнуто стерилизации (кастрации) либо наличие соответствующей отметки в ветеринарном паспорте животного. Следует отметить, что в настоящее время при определении порядка предоставления документов, подтверждающих дееспособность лица, содержащего домашнее животное, нормативные правовые акты, устанавливающие случаи, при которых возникает обязанность по прохождению психиатрического освидетельствования, не учитывают деятельность по содержанию животных, за исключением работы на животноводческих фермах и комплексах, указанной в Перечне медицинских психиатрических противопоказаний для осуществления отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности, утвержденном Постановлением Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 28 апреля 1993 г. № 377 [7]. Исходя из содержания п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, координация вопросов здравоохранения, к которым относится и установление случаев обязательного психиатрического освидетельствования, находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации, т. е. является полномочием федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации. Таким образом, для внесения изменений в Правила содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР относительно предоставления справки из психоневрологического диспансера владельцем (собственником) домашнего

животного при его регистрации (перерегистрации) необходимо принять нормативный правовой акт, определяющий порядок медицинского освидетельствования для граждан, являющихся владельцами (собственниками) домашних животных, а также форму соответствующей медицинской справки, предъявляемой при регистрации (перерегистрации) животных.

В качестве одного из недостатков действующих Правил выступает отсутствие описания процедуры регистрации домашних животных в виде регламента регистрирующего органа (ветеринарных учреждений). Мы полагаем, что наиболее эффективным средством идентификации животных при регистрации будет являться их чипирование, поскольку в отличие от клеймения оно позволяет в полной мере сохранить данные о животном в течение всей его жизни, а также обеспечить достоверность получаемых данных, быстрый поиск владельца (собственника) животного в случае его потери либо применить к владельцу (собственнику) животного меры юридической ответственности в случае жестокого обращения с животным, выразившегося в избавлении от него.

Помимо описания средства идентификации домашнего животного Правилами содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР должно быть предусмотрено внесение в единый реестр домашних животных следующих сведений: 1) о регистрируемом животном — идентификационный номер, дата регистрации либо ежегодной перерегистрации, вид, пол, возраст, кличка, особые приметы животного (окрас, порода), номер ветеринарного паспорта, информация о профилактических прививках, в том числе от бешенства, сведения о прохождении процедуры стерилизации (кастрации); 2) о владельце (собственнике) животного — фамилия, имя, отчество (при наличии), вид и реквизиты документа, удостоверяющего личность, адрес фактического проживания, контактная информация либо наименование (полное и сокращенное) юридического лица, основной государственный регистрационный номер, дата регистрации, идентификационный номер налогоплательщика, дата постановки на учет в налоговом органе, юридический и фактический адрес, контактная информация.

Несмотря на возможность осуществления контроля над соблюдением правил об обязательной регистрации (перерегистрации) домашнего животного, предусмотренного п. 4.1 Правил содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР, не указано способа реализации данного полномочия жилищно-эксплуатационной организацией. На основании вышеизложенного, необходимо законодательно определить механизм контроля за соблюдением порядка регистрации (перерегистрации) животных посредством выездных проверок жилищно-эксплуатационными организациями при содействии органов ветеринарного надзора и представителей общественных организаций по защите животных мест выгула домашних животных (специальных площадок, придомовых территорий, дачных кооперативов и т. д.) с установлением срока — не менее одного раза в квартал. Помимо плановых проверок по соблюдению порядка регистрации (перерегистрации) домашних животных необходимо также предусмотреть возможность внеплановой проверки, в случае обращения граждан в жилищно-эксплуатационную

организацию либо орган ветеринарного надзора с жалобой на владельца (собственника) какого-либо домашнего животного.

Таким образом, учитывая необходимость в доработке Правил содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР, представляется целесообразным определить значение термина «регистрация» в указанном нормативном правовом акте (п. 1.3) как действия уполномоченного органа (государственного ветеринарного учреждения), направленные на внесение сведений о домашнем животном и его владельце (собственнике) в государственный реестр домашних животных, сопровождающиеся идентификацией животного путем клеймения и (или) микрочипирования и выдачей регистрационного удостоверения владельцу (собственнику) животного. Кроме того, в рамках действующего нормативного правового акта, определяющего регистрацию в качестве административно-правового механизма, способствующего повышению ответственности владельцев (собственников) домашних животных, необходимо также внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и установить санкцию в виде административного штрафа за нарушение правил содержания домашних животных, а также порядка их регистрации и ежегодной перерегистрации.

Список литературы:

1. Об упорядочении содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР : постановление от 23 сентября 1980 г. № 449 // СП РСФСР. — 1980. — № 22, ст. 172.
2. Инструкция по отлову, содержанию и использованию безнадзорных собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР от 29 июня 1981 г. // Охотничьи законы : сборник нормативных правовых актов и других документов. — Киров: ВНИИОЗ, 2001. — С. 345–347.
3. Захаров, Д.Е. Животные как источник повышенной опасности // Российское право: образование, практика, наука. — 2009. — № 9. — С. 98–101.
4. Николюкин, С.В. Особенности возникновения и прекращения права собственности на безнадзорных и бесхозяйных животных: коллизии гражданского законодательства / С.В. Николюкин, И.О. Уткина // Юрист. — 2009. — № 6. — С. 19–27.
5. Горохов, Д.Б. Проблемы правового регулирования отношений по содержанию, использованию и охране животных, не относящихся к объектам животного мира / Д.Б. Горохов, Ю.В. Горохова // Законодательство и экономика. — 2015. — № 3. — С. 22–41.
6. Правила содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР от 12 июня 1981 г. // Охотничьи законы : сборник нормативных правовых актов и других документов. — Киров : ВНИИОЗ, 2001. — С. 342–345.
7. О реализации Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» : постановление Совета Министров — Правительства РФ от 28 апреля 1993 г. № 377 // Собр. постановлений Правительства РСФСР. — 1993. — № 18, ст. 1602.

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ •

В.А. Пономаренков,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского и арбитражного
процесса Самарского государственного
экономического университета

V.A. Ponomarenkov,
Candidate of Law, Associate professor,
department of civil and arbitration process
Samara State University of Economics
2770402@mail.ru

Правовые акты и правоотношения как формы выражения правовой жизни общества

Аннотация: в статье раскрываются роль и значение правовых актов и правоотношений в правовой жизни общества, которые выступают как взаимосвязанные элементы перехода общей модели поведения в индивидуально-конкретные поведенческие акты субъектов права. Автор обосновывает, что социальные отношения представляют собой сложное и многогранное явление, включающее в себя различные элементы индивидуальных и общесоциальных интересов и потребностей. Отмечается, что результаты правомерных и противоправных действий включаются в правовую реальность вследствие разной правотворческой, индивидуально-правовой или автономной деятельности субъектов.

Обосновывается, что проявления сложных форм социальных отношений, таких как кооперация и альтруизм, может быть основана на врожденных программах поведения людей, которые являются носителями тех или иных эволюционно стабильных стратегий. Кроме того, это может быть связано с формированием различных социально-факторных систем развития общества.

Указывается, что естественный отбор создает множество специализированных типов развития, связанных с различными особенностями жизни социума. Чтобы упорядочить знания о формах социального поведения в современном обществе, нужно ясное понимание необходимости взаимодействия различных социально-факторных элементов. Важна попытка разобраться в путях и механизмах формирования общественной организации у разных устойчивых социальных групп (коллектива, народа, нации, конфессии) и исследовать роль социального поведения как важного адаптационного механизма, способствующего процветанию эффективно организованных сообществ в меняющейся среде.

Ключевые слова: правовой акт, правоотношение, правовая жизнь общества, модель поведения, социальные потребности, социальные отношения.

Legal acts and legal relations as a form of expression of legal life of society

Abstract: the article reveals the role and significance of legal acts and legal relations in the legal life of society as interrelated elements of the overall transition patterns of behavior in individual-specific behavioral acts of the subjects of law. The author argues that social relations are complex and multifaceted phenomenon, incorporating various elements of individual and social interests and needs. It is noted that the results of lawful and unlawful acts included in the legal reality, due to different law, individual legal or Autonomous activity of the subjects. It is substantiated that the existence of complex forms of social relations such as cooperation and altruism may be based on innate programs of behavior of people who are carriers of any evolutionarily stable strategies. In addition, it may be due to the formation of different socio-factorial system of development of society.

States that natural selection creates a variety of specialized t-stand development associated with the various features of the life of society. Uporedo to obtain knowledge of the forms of social behavior in modern society, a clear understanding of the need for interaction between different socio-factorial elements. The vital is to attempt to understand the ways and mechanisms of formation of public organizations in different stable social

groups (team, race, nation, religion) and to investigate the role of social behavior as an important adaptation IU-charisma, contributing to the prosperity of well-organized communities in IU-continuing environment.

Keywords: legal act, legal relationship, legal life of society, behavior, social needs, social relations.

Правовая жизнь общества как форма социальной жизни выражается преимущественно в правовых актах и правоотношениях, что характеризует уровень и особенности правового развития данного общества, отношение его субъектов к праву, а также уровень удовлетворения их интересов.

С различными правовыми актами современные люди сталкиваются на протяжении всего своего существования, они выступают одним из важнейших средств обеспечения интересов субъектов и наиболее распространенной формой проявления правовой жизни общества.

Понятие «правовой акт» неоднородно. Во-первых, это действие (поведение) — правомерное и неправомерное. Например, акт реализации права, выразившийся в несоблюдении запрета, в неисполнении либо неполном исполнении обязанности, в злоупотреблении правом. Обобщенно подобные действия называются юридическими фактами, которые влекут за собой соответствующие правовые последствия. В связи с этим юридические акты, обозначающие правомерное поведение, совершаемое с намерением создать (изменить, прекратить) конкретные правоотношения, лучше так и назвать — «правомерные акты».

Во-вторых, к правовым актам относят и результаты как правомерных (юридических норм, воплощающихся в законах и подзаконных актах; индивидуальных предписаниях, выражающихся в правоприменительных актах; сделках, соглашениях и иных актах автономного регулирования, заключаемых между различными хозяйствующими субъектами, гражданами и т. п.), так и противоправных (неконституционные нормы общефедеральных и региональных законов, указов президентов, постановлений правительств, инструкций, приказов, положений тех или иных министерств, ведомств, государственных комитетов и т. д.; многочисленные противозаконные индивидуальные предписания местных чиновников; незаконные сделки, договоры) действий.

Результаты правомерных и противоправных действий включаются в правовую реальность вследствие разной правотворческой, индивидуально-правовой или автономной деятельности субъектов.

В-третьих, под правовым актом понимается и юридический документ, т. е. внешнее вербальное документально оформленное выражение воли государства, его органов, отдельных лиц, закрепляющее правомерное либо противоправное поведение и соответствующий результат, выступающее в качестве носителя содержательных элементов правовой системы — юридических норм, правоположений практики, индивидуальных предписаний, автономных решений лиц [1, с. 192].

В зависимости от их природы (содержания) правовые акты-документы подразделяются на следующие виды:

— нормативные акты (документы правотворческих органов, содержащие юридические нормы, рассчитанные, как правило, на длительное применение

и распространяющиеся на неопределенный круг лиц, например, Конституция, законы, подзаконные акты);

— правоприменительные акты (документы компетентных структур, содержащие индивидуальные властные предписания, применяющиеся однократно и адресованные конкретным лицам, например указ президента о награждении конкретного государственного служащего, приговор суда и т. п.);

— интерпретационные акты (документы, полученные в результате официального толкования, содержащие правоположения, разъяснения смысла юридических норм, например постановления Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ);

— акты договорного права и иные акты реализации прав и обязанностей (документы, возникшие в результате соглашения между соответствующими субъектами, содержащие как юридические нормы, например, международные договоры, так и индивидуально-правовые решения, например, сделки между гражданами).

Правовые акты-документы — это «осязаемая» реальность права, через которую люди получают первичные знания обо всем комплексе правовых явлений и которую, следовательно, можно рассматривать в виде главного источника сведений о нормах, индивидуальных предписаниях, правоотношениях. Юридические документы существуют в качестве фрагментов физического мира.

Безусловно, правовые акты играют существенную и значимую роль в правовой жизни общества, и на ее стабильность, поступательность развития влияет упорядочение правовых актов-документов, приведение их в системное упорядочение, что позволяет обеспечить процесс юридического регулирования и формирования единого (федерального и регионального) правового пространства. Все это создает условия для упорядоченности предусмотренных нормами права (при соответствии их имеющимся социально-факторным механизмам социально-биологического функционирования) реалий правовой жизни общества.

С позиций современной теории эволюции общественный образ жизни есть один из эффективных способов максимизации индивидуальной приспособленности, при которых «социальное поведение» выступает как стратегия, когда индивид, являясь членом определенной общности, прямо или косвенно способен увеличить свои жизненные преимущества. Поиск закономерностей среди огромного разнообразия форм социального поведения (действий, поступков, отношений) и выявление механизмов функционирования сообществ составляет фундаментальную задачу не только для наук этологии и эволюционной экологии, но и для юриспруденции.

На этом пути исследователи сталкиваются с рядом нерешенных проблем сферы социальных отношений. Одна из этих проблем связана с выявлением когнитивных компонентов данных отношений, индивидуальным и коллективным поведением людей, которое базируется на накопленном опыте и может развиваться на разных уровнях жизни общества.

При этом проявление сложных форм социальных отношений, таких как кооперация и альтруизм, может быть основано на врожденных программах

поведения людей, которые являются носителями тех или иных эволюционно стабильных стратегий. В то же время это может быть связано с формированием различных социально-факторных систем развития общества. Так, естественный отбор создает множество специализированных типов развития, связанных с различными особенностями жизни социума. Для того чтобы упорядочить знания о формах социального поведения в современном обществе, требуются ясные представления о взаимодействии различных социально-факторных элементов. Поэтому необходимо разобраться в путях и механизмах формирования общественной организации у разных устойчивых социальных групп (коллектива, народа, нации, конфессии) и исследовать роль социального поведения как важного адаптационного механизма, способствующего процветанию эффективно организованных сообществ в меняющейся среде [2, с. 290].

Все люди состоят с друг с другом в многообразных социальных связях: бытовых, имущественных, родственных, творческих, производственных, этнических, религиозных и языковых. Лишение человека возможности общения приводит к деградации личности, разрушению человеческого естества. Именно поэтому одним из самых страшных наказаний является ostracism, т. е. изгнание из своей среды или бойкот — полная информационная изоляция человека в некоторых культурах.

Сегодня социальные отношения получают все большее развитие. Любое произошедшее общественно значимое событие достаточно быстро становится достоянием всего человечества, порождая те или иные социальные последствия.

Все люди выполняют разнообразные роли в разнообразных общественных отношениях. В этом проявляется принцип социализации, который вывел человечество из эволюционной рутины животного мира, определил его предназначение.

Общественные отношения разделяются по различным критериям, в том числе по сферам социальной жизни на моральные, политические, религиозные, национальные, правовые и др. [3, с. 3–4]. Каждое общественное отношение представляет собой сложное и многогранное явление, которое может включать различные элементы социальных интересов и потребностей. Одни из них остаются вне поля правового регулирования, другие же, как известно, становятся правоотношениями и характеризуются рядом условий (в зависимости от которых реализуются субъективные права и юридические обязанности), в том числе и набором социально-факторных элементов человека как субъекта правоотношения, влияющих на образ его жизни, социальные ценности и др. При всем этом правовое регулирование составляет лишь часть социально-нормативного регулирования общества, осуществляемого на основе множества упорядочивающих элементов, далеко не всегда сводящихся к правовой норме.

Именно разнообразие элементов системы социального регулирования на всех ее уровнях, согласованное и непротиворечивое, есть условие гармоничного развития общества, зрелости государства.

До появления современных научных методологий юристы не в полной мере представляли весь спектр регулятивного потенциала социальных норм. Не вполне ясным было и то, насколько право зависит от состояния более широких сфер регулирования, частью которых оно является.

Преувеличение действенности и автономности права как регулирующей системы привело к тому, что право некорректно определяли через само право, задачи юридического регулирования выводили из потребностей самой правовой системы. Следствием подобной аберрации явилась фетишизация юридических средств и максимализм в плане ожиданий от права как источника порядка, а также правовой нигилизм, возникающий как реакция на неоправданные надежды и просто на наблюдаемое бессилие закона (в случаях, где все уже «организовано» и «урегулировано» другими элементами, оказавшимися более сильными, чем право). Даже если правовое регулирование считать наиболее рациональным способом нормативного регулирования, то необходимо, по крайней мере, знать природу этих замечательных качеств, что надо делать, чтобы оно их сохраняло и развивало. Возникает вопрос о соотношении правового и социального нормативного регулирования и процессов саморегулирования систем, объектов, подвергающихся нормативному воздействию, поскольку многие социальные системы способны достигать высокой степени упорядоченности на основе саморегуляции [4, с. 5–6]. Поэтому необходимо обратить пристальное внимание на различные социально-факторные элементы, выступающие основой правовых отношений.

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что теория правоотношений — развитый компонент юридической науки, что подтверждается многочисленными публикациями на эту тему [5]. Вместе с тем утверждается, что ряд проблем этой теории еще не полностью отвечают потребностям как современной юридической науки, так и практики правотворчества и реализации права. К таким проблемам относятся, прежде всего, фундаментальные вопросы о понятии и сущности правоотношений [6, с. 4–5; 7, с. 241].

При этом вопросам, касающимся социально-факторной специфики правоотношений, как правило, вообще не уделяется должного внимания.

В настоящий период развития юридической науки проблемы правовых отношений не перестают быть актуальными. Современный уровень исследований, задачи, стоящие перед наукой, требуют дальнейшей разработки учения о правовых отношениях с выходом на правоприменительную практику, разработки методологии исследования связей правовых отношений с социально-факторными особенностями субъектов данных отношений и т. д.

Сегодня нормативное регулирование социальных связей осуществляется с помощью сложной и многоуровневой совокупности социально-правовых норм, т. е. участники социальных отношений формально, с помощью права, наделяются разнообразными правомочиями (разрешениями, дозволениями, поручениями), обязанностями (запретами, долженствованиями) и превращаются, таким образом, в субъектов правовых отношений. Социальные отношения «одеваются» в «правовые одежды», приобретают правовую форму и сохраняются правовыми. Социальная природа человеческих взаимоотношений сохраняется, но при этом «обволакивается» в «правовую оболочку» обязан-

ностей, ответственности и становится элементом правовой жизни общества [8, с. 402–404].

Содержание и разновидности социальных и правовых норм зависят от уровня развития общества, поскольку сферой их действия являются существующие общественные отношения. Определяя возможное либо должное поведение субъекта, они создаются в целях согласования интересов людей и сглаживания возникающих между ними конфликтов.

Использование в сфере правового регулирования разного рода социальных норм, в том числе и обычно-правовых, обусловлено сугубо практическими требованиями эффективности юридического обеспечения прав и свобод субъектов правовых отношений.

Многообразие социальных норм связано со сложностью системы общественных отношений и множественностью субъектов. Такими социальными нормами, действующими в сфере правовой жизни современного общества, являются не только публичные нормы права, но и нормы-обычаи.

Правовые нормы и правовые отношения взаимосвязаны, поскольку правоотношение не возникнет, если нет нормы права, и наоборот, если норма права пытается привнести правовое регулирование в чуждые ей сферы, она остается нереализованной. Таким образом, правовые отношения:

— это «право» в жизни, во всем ее действенном многообразии, это переход абстрактного правила поведения в конкретное действие (бездействие) конкретного субъекта или коллективных образований;

— это особая, юридическая связь участников различных социальных процессов, их сцепление в человеческое общество. Поэтому весь инструментарий правового регулирования (запреты, дозволения и т. д.) распределяется между участниками социальных отношений в соответствии с социальной ролью и местом этих участников в правовой жизни общества. Правомочия одних субъектов подкрепляются, обеспечиваются соответствующими обязанностями других субъектов. Иными словами, правомочиям одних субъектов корреспондируют обязанности других. И именно нормы права в своем конкретном бытии объединяют своих адресатов, своих субъектов в единые правовые отношения.

Правовое отношение выступает одним из этапов реализации правовых норм, промежуточным результатом правового регулирования общественных отношений. Принимая форму правового отношения, исходное общественное отношение становится фактическим юридическим отношением, не тождественным исходному отношению. При этом правовое отношение есть инструмент достижения прогнозируемого юридического эффекта, само оно не является таким эффектом.

Правовое отношение обладает формой и содержанием, которые взаимосвязаны, взаимообусловлены и выражают его социально-факторную сущность. Непосредственным содержанием правового отношения будет взаимодействие, протекающее в определенной форме.

В правовом отношении, как и в любом другом общественном отношении, имеются пределы, как свободы, так и ограничения поведения субъекта (обусловленные социально-культурными, социобиологическими и другими элементами), которые выступают в качестве абстрактной модели данного отношения. Если

свобода и ограничения затрагивают существенные интересы личности и государства, то конкретные общественные отношения попадают в сферу правового регулирования и приобретают юридический характер, где «свобода» превращается в субъективное право, а «ограничения» — в обязанность или запрет [9].

Вышеизложенное позволяет отметить, что вопросы правовых отношений все более раскрываются через детерминационную составляющую социальных отношений, непосредственно связанных с реальной жизнью человека, проблемами и социальной практикой правовой жизни современного общества. *Правоотношение* — это предусмотренная нормами права взаимосвязь лиц, обладающих правомочиями и юридическими обязанностями, которые выражаются посредством внешних актов поведения, обусловленная социально-факторными особенностями (экономическими, социобиологическими, социально-культурными и др.) субъектов взаимодействия.

Правоотношения выступают средством перехода общей модели поведения, содержащихся в нормах права, в индивидуально-конкретные акты поведения субъектов права. Через правоотношения происходит претворение предписаний норм права в реальные акты поведения субъектов права, поэтому от качества правовых актов и содержащихся в них правовых норм зависит уровень правовой жизни общества.

Таким образом, стратегической целью совершенствования правовой жизни общества является системная упорядоченность правовых актов-документов, обладающая свойствами непротиворечивости и взаимодополняемости.

Список литературы:

1. Алексеев, С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. — М.: Юридическая литература, 1982. — Т. 2. — 360 с.
2. Резникова, Ж.И. Эволюционные и этологические аспекты общественного образа жизни у животных // Вестник ВОГиС. — 2007. — Т. 11, № 2. — С. 290–307.
3. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : в 2 ч. / А.Б. Венгеров. — М.: Юриспруденция, 1997. — Ч. 2: Теория права. — Т. 2. — 151 с.
4. Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. — М.: Норма, 2007. — 800 с.
5. Бутакова, Н.А. Правовая действительность и ее элементы // Проблемы права в современной России (к столетию первой Государственной Думы России) : сборник докладов и статей. — СПб.: СПб ГУ, 2006.
6. Протасов, В.Н. Правоотношение как система / В.Н. Протасов. — М.: Юридическая литература, 1991. — 142 с.
7. Рассолов, М.М. Актуальные проблемы теории государства и права / М.М. Рассолов, В.П. Малахов, А.А. Иванов. — М.: Юнити-Дана, 2010. — 447 с.
8. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : учебник / А.Б. Венгеров. — М.: Юриспруденция, 2000. — 528 с.
9. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. — Саратов: Саратов. гос. академия права, 1994. — 182 с.

Т.С. Черевиченко,
кандидат юридических наук,
доцент, кафедра международного
права и политологии Самарского
государственного экономического
университета

T.S. Cherevichenko,
Candidate of Law, Associate professor,
department of international law and
political science
Samara State University of Economics
cherev777@mail.ru

Нормативно-правовое регулирование организации финансового контроля

Аннотация: в статье рассматривается проблема отсутствия в правовой системе Российской Федерации единого нормативного правового акта, регулирующего институт финансового контроля. Посредством анализа действующих международных деклараций, национальных нормативных актов, затрагивающих правоотношения в области финансовой деятельности государства автор формирует представление о роли финансового контроля. Безусловно, последний является неотъемлемым институтом в системе государственного управления, а создание единой системы финансового контроля служит главной организационно-правовой задачей в финансовой деятельности государства.

В российском законодательстве имеется большое количество нормативных актов, регулирующих правоотношения в данной области. В связи с этим отсутствует должное правовое регулирование, что препятствует эффективному построению системы государственного финансового контроля.

Основываясь на анализе международных актов, нормативных правовых актов Российской Федерации, действующей в Российской Федерации системы финансового контроля, автор считает необходимым разработать и принять федеральный закон о государственном финансовом контроле. Это поможет полностью исключить дублирование функций и полномочий федеральных органов в области финансового контроля.

Ключевые слова: финансовый контроль, государственный контроль, Лимская декларация, государственный финансовый контроль, принципы финансового контроля, нормативное регулирование.

Normatively-legal adjusting organizations of financial control

Abstract: the article deals with the lack of the legal system of the Russian Federation of a single legal act regulating the institution of financial control. The author, by means of analysis of existing international declarations and national regulations affecting relations in the field of financial activity of the state, forms the idea of the role of financial control. Of course, financial control is an essential institution in the system of governance and the creation of a unified system of financial control is the main organization — a legal challenge in the financial activity of the state.

In the Russia there a large number of normative acts regulating relations in this field. In this regard, there is no proper legal regulation, which prevents the effective construction of the system of state financial control.

Based on the analysis of international acts, legal acts of the Russian Federation, the Russian statutory financial controls, the author considers it necessary to develop and adopt a federal law on state financial control. Having the federal law can completely eliminate the duplication of functions and powers of the federal authorities in the area of financial control.

Keywords: financial control, state control, Lima Declaration, state financial control, principles of financial control, normative adjusting.

Правовые нормы, регулирующие отношения в области финансовой деятельности государства, юридических лиц и имущественных отношений граждан, в том числе в деле осуществления финансового контроля, важны для любого государства. основополагающим международным нормативным правовым актом в данной сфере является Лимская декларация руководящих

принципов контроля, принятая IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля в 1977 г. [1]. Декларация содержит положение, согласно которому организация контроля выступает обязательным элементом управления общественными финансами, т. к. такое управление влечет за собой ответственность перед обществом. Контроль — не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования, цель которой состоит в выявлении отклонений от принятых стандартов и нарушений принципов законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на возможно более ранней стадии. Указанная цель дает возможность принять корректирующие меры, в отдельных случаях — привлечь виновных к ответственности — получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению таких нарушений в будущем.

При этом Лимская декларация определяет цель контроля, выделяет предварительный контроль и контроль по факту, внутренний и внешний контроль, формальный контроль и контроль исполнения, устанавливает независимость высших контрольных органов, а также их членов и сотрудников, определяет место контрольных органов по отношению к парламенту, правительству и администрации, права высшего контрольного органа и механизм отчетности.

Мексиканская декларация независимости высших ревизионных учреждений (XIX Конгресс INTOSAI, ноябрь 2007 г., г. Мехико, Мексиканские Соединенные Штаты) содержит практические положения для иллюстрации принципов, закрепленных в Лимской декларации. Принципы считаются идеальными для независимого высшего органа финансового контроля (далее — ВОФК), в частности: существование соответствующих и эффективных конституционных/уставных/юридических рамок и положения по применению этих рамок де-факто; независимость глав и членов ВОФК (коллегиальных институтов), включая безопасность пребывания в должности и юридические иммунитеты при нормальном выполнении их обязанностей; достаточно широкий мандат и полное право принимать решения, при выполнении функций ВОФК; неограниченный доступ к информации; право и обязанность отчитываться о своей работе; свобода принимать решения относительно содержания и временных рамок аудиторских отчетов, публиковать и распространять их; существование эффективных механизмов последующих мероприятий по рекомендациям ВОФК; финансовая и управленческая административная автономия и доступность соответствующих человеческих, материальных и денежных ресурсов.

Исследователи отмечают, что в настоящее время в России действует большое количество (более двухсот) нормативных правовых актов федерального и регионального уровня, а также актов органов местного самоуправления, регулирующих отношения в области финансового контроля [2].

В соответствии с ч. 5 ст. 101 Конституции РФ для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет Федерации и Государственная Дума образуют Счетную палату, состав и порядок деятельности которой определяются федеральным законом.

Структурно система органов, осуществляющих финансовый контроль, может быть представлена в виде президентского контроля, парламентского контроля и финансового контроля органов исполнительной власти.

Указом Президента РФ от 8 июня 2004 г. № 729 «Об утверждении Положения о Контрольном управлении Президента РФ» определены задачи, функции и права Контрольного управления (далее — Управление), порядок взаимодействия Управления с законодательными и исполнительными органами власти в центре и на местах.

Парламентский контроль осуществляется представительными (законодательными) органами Российской Федерации и субъектов Федерации в пределах их компетенции, установленной Конституцией РФ и конституциями и уставами субъектов Федерации. Организация парламентского контроля регулируется регламентами указанных органов власти.

В обеих палатах Федерального Собрания имеются специальные бюджетные комитеты и комиссии, в функции которых входят проверка правильности и полноты, предусмотренных в проекте бюджета государственных доходов и расходов, его рассмотрение и утверждение, а также контроль над рациональным нецелевым использованием государственных средств.

В Бюджетном кодексе РФ, Налоговом кодексе РФ имеются главы о финансовом контроле, также действуют Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в РФ» [3], Указ Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [4] и др.

В связи с проведением административной реформы постановлениями Правительства РФ утверждены положения о министерствах, функции по осуществлению контроля возложены на федеральные службы и агентства. Отдельные нормы, регулирующие отношения в области финансового контроля, содержатся в различных актах федеральных органов исполнительной власти. В субъектах Российской Федерации приняты многочисленные акты, регулирующие отношения в области финансового контроля. По содержанию и объему акты специфичны, но их можно сформировать в однородные группы.

К первой группе относят основные акты субъектов Российской Федерации. Во всех конституциях и уставах субъектов Российской Федерации содержатся общие нормы об органах, осуществляющих финансовый контроль. Ко второй группе относятся законы о бюджетном устройстве и бюджетном процессе. Законы приняты в большинстве субъектов Российской Федерации и содержат статьи или главы о финансовом контроле. К третьей группе актов относят законы о счетных палатах законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. К четвертой группе относятся специальные акты о финансовом контроле, принятые лишь в отдельных субъектах Российской Федерации. К пятой группе относятся акты исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Необходимо отметить, что органы местного самоуправления также принимают многочисленные нормативные акты, в том числе о финансовом контроле. Эти акты должны соответствовать федеральному законодательству и законодательству соответствующих субъектов Российской Федерации.

Анализ действующих нормативных актов позволяет сделать вывод о том, что финансовый контроль — это контроль над законностью и целесообразностью действий в области образования, распределения и использования

денежных фондов государства, субъектов и органов местного самоуправления в целях эффективного социально-экономического развития страны и отдельных регионов. Финансовый контроль является важнейшим средством обеспечения законности в финансовой и хозяйственной деятельности государства и одним из важнейших звеньев финансовой системы. Он обеспечивает правильность, своевременность и полноту формирования доходов; обоснованность и точность осуществления расходов. Эффективность финансового контроля — обязательное условие успешного проведения экономической и социальной политики, четкого функционирования управленческого аппарата.

Таким образом, следует признать, что действенный государственный финансовый контроль позволяет не только своевременно вскрывать и обнаруживать, но и устранять различного рода негативные явления и их тенденции в управлении экономикой и финансами. С помощью институтов финансового контроля можно объяснить глубинные причины негативных явлений и факторов, их порождающих, подспудные (скрытые, неявные) тенденции; вырабатывать меры, их предотвращающие, что в конечном итоге и определяет ход экономического и социального развития общества и государства. Однако размытость действующего законодательства, не дающего четкого понятия «государственный финансовый контроль», а также целостного перечня его объектов, форм, видов и методов реализации, препятствует построению эффективной системы государственного финансового контроля.

С учетом изложенного видится необходимым разработка и принятие федерального закона о государственном финансовом контроле, который основывался бы на положениях Лимской декларации об основных принципах финансового контроля.

В предлагаемом к разработке законе в целях исключения дублирования функций необходимо закрепить систему органов государственного финансового контроля, механизм их взаимодействия, разграничение полномочий и ответственности между ними. Данная система должна быть единой и централизованной, с подчинением нижестоящих органов вышестоящим, при этом видится целесообразным определение единых стандартов контроля.

Список литературы:

1. Лимская декларация руководящих принципов контроля : принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 г. Документ официально опубликован не был). Доступ из СПС «Гарант».

2. Толмачев, О.М. Проблемы государственного финансового контроля в Российской Федерации // Проблемы местного самоуправления. — 2012. — № 53. URL: <http://www.samoupravlenie.ru/53-07.php> (дата обращения: 08.02.2015).

3. О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25 июля 1996 г. № 1095 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 31, ст. 3696.

4. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 11, ст. 945.

В.В. Болгова,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и
истории государства и права
Самарского государственного
экономического университета

Е.Е. Новопавловская,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин Белгородского
юридического института МВД России
им. И.Д. Путилина

V.V. Bolgova,
Doctor of Law, Professor, Head.
Department of Theory and History of
State and Law Samara State University of
Economics
vv1976@mail.ru

E.E. Novopavlovskaya,
PhD, Associate Professor, Department of
State and legal disciplines Belgorod Law
Institute of the Russian Interior Ministry
named ID Putilin
novopavlovskaya@gmail.com

Формирование основ экономической правовой политики в интерпретационной практике Конституционного Суда Российской Федерации

Аннотация: внимание читателя акцентируется на проблеме формирования стратегических основ государственного регулирования экономических отношений. В статье анализируется современная методологическая ситуация в науке, в условиях которой формируется возможность множественного выбора конкретных средств воздействия на экономические отношения. Опровергается суждение о том, что подобная множественность отвечает потребностям участников хозяйственных отношений и публичных экономических процессов, поскольку и государство, и частные субъекты нуждаются в конкретизации стратегических направлений и параметров государственной правовой политики в экономической сфере. Отмечается, что в условиях неопределенности основных направлений государственного регулирования экономики, противоречий между позициями руководителей отдельных министерств экономического блока Правительства РФ функцию восполнения пробелов в системе приоритетов экономической политики выполняет Конституционный Суд РФ. В статье делается вывод о том, что в интерпретационной практике Конституционного Суда РФ сформированы стратегические идеи правового характера, определяющие общие пределы и параметры государственного вмешательства в область экономических отношений, а также основания и пределы ограничения частных экономических интересов. В числе основных идей, определяющих параметры государственного вмешательства в экономическую деятельность, названы следующие: 1) государство регулирует экономические отношения, обеспечивая как публичный, так и частный интересы; 2) в ряде сфер хозяйственной деятельности приоритет публичного интереса презюмируется; 3) государство имеет суверенное право на ограничение частных экономических интересов; 4) ограничение прав субъектов рыночных отношений должно быть обоснованным. Признавая факт участия Конституционного Суда РФ в формировании принципов экономической правовой политики, авторы критически оценивают подобную практику, отмечая, что предназначение Конституционного Суда РФ, формы его деятельности не предполагают подобной функции.

Ключевые слова: экономическая политика, публичный интерес, частный интерес, государственное регулирование, конституционное судопроизводство.

Formation of legal bases of economic policy in the interpretive practice of the Constitutional Court of the Russian Federation

Abstract: the reader's attention is focused on the problem of forming a strategic framework of state regulation of economic relations. The article analyzes the modern methodological situation in science, which is formed in a multiple-choice situation-specific means of influencing economic relations. The authors do not agree with the judgment, according to which a plurality of such meets the needs of the participants of

economic relations and public economic processes, showing that both the state and private entities in need of concretization of the strategic directions and options of legal policy of the state in the economic sphere. The authors note that in conditions of uncertainty the main directions of state regulation of the economy, the contradictions between the positions of the heads of individual ministries of the economic block of the Government of the Russian Federation, the function of filling the gaps in the system of economic policy priorities performs the Constitutional Court of the Russian Federation. The article concludes that the interpretive practice of the Constitutional Court of the Russian Federation formed strategic ideas of a legal nature which determine general limits and parameters of state intervention in economic relations, as well as the grounds and limits of limits of private economic interests. Among the main ideas that define the parameters of state intervention in economic activities, in the article mentioned: 1) the state regulates economic relations, providing both public and private interests; 2) in a number of priority areas of economic activities of public interest shall be presumed; 3) The state has the sovereign right to restrict private economic interests; 4) restriction of the rights of subjects of market relations must be justified. While acknowledging the involvement of the Constitutional Court of the Russian Federation in the formation of the legal principles of economic policy, the authors are critical of this practice, noting that the purpose of the Constitutional Court of the Russian Federation, the forms of its activity does not imply a similar function.

Keywords: *economic policies, public interest, private interest, government regulation, the constitutional proceedings.*

Цитируя лауреата Нобелевской премии по экономике Дугласа Норта, А. Аузан пишет: «По вопросу о роли государства в экономике суд удалился на совещание и пока не вернулся» [1]. Яркое и образное выражение, при всей своей условности, отражает ситуацию, сложившуюся в современной экономической науке. Оценки роли государства поляризуются от либеральных концепций свободного рынка до теорий активного регулирующего воздействия государства, от концепций социального контракта до оценки роли институтов [2, с. 4–16]. При этом важно подчеркнуть, что с точки зрения научного сообщества каждый из формируемых по соответствующему вопросу подходов принимается как теория, оценивается с точки зрения соответствия научного знания потребностям социума и приобретает больший или меньший круг сторонников.

Современная методологическая ситуация в гуманитарном знании такова, что подобная множественность «решений проблемы» воспринимается как закономерность развития науки, а какие-либо попытки «преодоления» подобной множественности нередко подвергаются критике. Не беремся оценивать методологическую ситуацию в современных социальных науках, согласимся лишь с тем, что критерии истинности теоретического знания модернизировались.

Однако при всей динамичности научного знания, думается, что в целом социальный запрос по поводу результата исследования той или иной проблемы не удовлетворяется просто констатацией факта, что решений может быть много. В полной мере сказанное может быть, на наш взгляд, отнесено к проблеме оценки роли государства в регулировании экономических отношений в целом. И государство, и частные субъекты нуждаются в конкретных решениях, влияющих как на определение стратегических направлений экономической политики, так и на выбор конкретных правовых средств для защиты своих прав и интересов.

Достаточно ярко иллюстрирует вышеизложенное динамика обращений в Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) по вопросам экономики и финансов (в таблице используется классификатор КС РФ) [3].

Таблица
Сведения об обращениях в КС РФ по вопросам экономики и финансов

Тематика обращений в КС РФ	Количество поступивших в КС РФ обращений			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	I–III кв. 2015 г.
Раздел «Экономика и финансы», «лидирующее» положение в котором занимают:	309	197	174	140
налоговое право	180	124	108	84
предпринимательская деятельность (кроме вопросов гражданского права)	78	44	42	27

Вопросы регламентации экономических отношений рассматриваются и в процессе осуществления судебного конституционного нормоконтроля в других областях правового регулирования. Например, по оценке конституционности норм гражданского права ситуация выглядит следующим образом: в 2012 г. в КС РФ поступило 1285 обращений по данным вопросам, из которых лидирующие позиции занимали вопросы договорных обязательств — 380 (29,6 %), права собственности и иных вещных прав — 359 (28 %), наследственного права — 189 (14,7 %). Картина 2013 г. выглядела несколько иначе: из 975 обращений по вопросам гражданского права 330 (33,8 %) касались договорных обязательств, 317 (32,5 %) — права собственности и иных вещных прав, 87 (8,9 %) — внедоговорных обязательств (возмещения вреда и др.). В 2014 г. в сравнении с предыдущим годом количество обращений по обозначенной категории дел увеличивается и составляет 1051, однако лидирующие позиции также занимают обращения о договорных обязательствах — 363 (34,5 %), о праве собственности и иных вещных правах 295 (28 %), внедоговорных обязательствах — 109 (10,4 %). В I–III кварталах 2015 г. в КС РФ по обозначенной категории дел поступило 809 обращений, из которых по вопросам договорных обязательств — 299 (37 %), права собственности и иных вещных прав — 220 (27,2 %), внедоговорных обязательств — 70 (8,7 %).

Принимая во внимание, что регламентация экономических отношений носит комплексный характер, мы не ставим своей задачей оценить весь масштаб деятельности КС РФ в этой сфере, обозначая лишь тот факт, что в современных условиях и государство, и отдельные граждане нуждаются в четком определении как своих, так и государственных правомочий в области экономических отношений. Не менее острой является потребность и в выработке общей стратегии экономического развития современного Российского государства, которая не удовлетворена в условиях противоречий между Президентом РФ и Правительством РФ, а также «соперничества» внутри экономического блока Правительства РФ [4].

При отсутствии конкретизированных стратегических идей экономическо-правовой политики государства в настоящее время функцию их формирования сегодня во многом вынужденно исполняет КС РФ. Заметим, что это не относится к его компетенции. Более того, сам формат конституционного судопроизводства не позволяет формулировать стратегические правовые идеи системно, ориентируясь на перспективу, т. к. КС РФ работает по обращениям заявителей. Но и при такой форме юридической деятельности КС РФ удалось в последние годы сформулировать ряд правовых позиций, которые, на наш взгляд, можно рассматривать как вектор современной экономической правовой политики. Формат настоящего исследования позволяет рассмотреть лишь некоторые из таких идей.

Во-первых, КС РФ исходит из того, что государство является активным регулирующим субъектом, при этом цель государственного регулирования — обеспечение как публичного, так и частного интереса.

Так, в Постановлении от 23 декабря 1997 г. № 21-П КС РФ, рассматривая вопрос об очередности платежей в пользу частных кредиторов и в пользу государства, указал, что конституционные обязанности по оплате вознаграждения за труд и оплате налогов и сборов не должны противопоставляться друг другу, поскольку определение приоритета одного или другого означает невозможность реализации равно защищаемых прав и законных интересов граждан. По мнению Т.Т. Алиева, КС РФ ставит знак равенства между принципом равенства и принципом справедливости, т. е. если соблюдается равенство всех перед законом, то это соответствует и идее справедливости [5, с. 63–67].

Во-вторых, в ряде сфер экономики публичный интерес изначально приоритетен, а его обеспечение — суверенное право государства.

Например, КС РФ, исследуя конституционно-правовую природу налога, указал, что обязанность уплачивать налоги и сборы носит публично-правовой характер, что обусловлено публично-правовой природой государства и государственной власти. Налоги выступают необходимым условием существования государства, а их уплата, как следует из смысла ст. 57 Конституции РФ, — это обязанность всех налогоплательщиков. Государство должно принимать всевозможные меры по регулированию налоговых правоотношений в целях защиты прав и законных интересов не только налогоплательщиков, но и иных членов общества (Постановление КС РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П). В Определении от 8 апреля 2004 г. № 133-О КС признал конституционным делегирование Правительству РФ права устанавливать перечень действий, за совершение которых взимаются патентные пошлины, их размер, порядок и сроки уплаты. В Определении от 8 июня 2004 г. № 226-О КС РФ признал обоснованным применение ст. 169 ГК РФ с санкцией в виде недопущения реституции к сделкам, направленным на уклонение от уплаты налогов.

Оценивая конституционность норм Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 13 июля 2015 г.), предусматривающего среди принципов природопользования принцип платности, КС РФ определил перечень конституционных постулатов и ценностей, которыми обусловлено такое государственное регулирование, обратив особое внимание на положения ч. 1 ст. 9, ст. 42, 58 Конституции РФ, которые предопределяют,

что один из основных принципов правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности — это принцип приоритета публичных интересов [6, с. 516]. Следовательно, возложение обязанности по внесению экологических платежей — допустимое ограничение свободы экономической деятельности (Постановление КС РФ от 14 мая 2009 г. № 8-П, Определение КС РФ от 10 декабря 2002 г. № 284-О).

В-третьих, государство, используя систему правовых средств, имеет право ограничивать частные экономические интересы и экономические права иных лиц. Цель ограничения — защита общего блага и конституционных ценностей.

Так, в Определении от 9 декабря 2014 г. № 2755-О КС РФ пишет о дискреции полномочий законодателя в регулировании права собственности, допуская принципиальную возможность ограничения этого права для обеспечения защиты конституционных ценностей.

В-четвертых, любое ограничение прав субъектов рынка не должно быть произвольным, государство обязано мотивировать применение соответствующих мер регулирования.

Например, КС РФ пришел к выводу и о возможности публично-правового государственного вмешательства в частноправовые отношения в кредитной сфере, что допустимо в целях обеспечения проведения единой финансовой, кредитной и денежной политики, а также в случаях возникновения неблагоприятных экономических условий (Постановление КС РФ от 22 июля 2002 г. № 14-П).

КС РФ также указывает, что государственное вмешательство в частную хозяйственную деятельность может производиться в различных формах, выбор которых — суверенное право государства. Пределы его реализации определяются, например, возможностью учета мнения общества при принятии какого-либо решения. Так, при рассмотрении вопроса об объеме и объектах экологической экспертизы КС РФ пришел к выводу, что установление формы экспертизы — право государства, а само экспертное исследование должно быть независимым, гласным, учитывать общественное мнение (Определение КС РФ от 30 сентября 2010 г. № 1421-О-О). В этом случае само требование экспертизы как способа защиты публичного интереса обоснованно.

В Постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П КС РФ, рассматривая вопрос о возможности ограничения права собственности, отметил, что принудительные меры государства не должны нарушать равновесие между общественными интересами и условиями защиты основных конституционных прав личности, а также быть чрезмерно обременительными и произвольными. При этом КС РФ подчеркивает, что должен соблюдаться баланс конституционных ценностей и требования справедливости.

Справедливость при ограничении права собственности КС РФ, вслед за законодателем, связывает с адекватной компенсацией потерь собственника. Например, в Постановлении от 16 мая 2000 г. № 8-П КС РФ установил, что ограничение интересов собственников при изъятии их имущества для публичных нужд должно производиться только на возмездной, компенсационной основе. Однако сам размер компенсации должен определяться с

учетом защиты интереса социальной общности, соображений социальной справедливости, которые предопределяют возможность выплаты компенсации по ценам ниже рыночных.

Вводя ограничения имущественных прав, государство, по мнению КС РФ, должно верно использовать правовые средства. Анализ показывает, что ряд обращений в КС РФ связан с необходимостью оценки конституционности норм уголовно-процессуального законодательства об аресте имущества в ходе предварительного расследования. Так, в Постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П КС РФ указал, что споры о собственности должны приоритетно разрешаться в частноправовом порядке, а произвольное использование уголовно-процессуальных механизмов в этих целях недопустимо.

При этом, отвечая на вопрос о возможности применения ареста в отношении имущества лица, не выступающего в качестве подозреваемого или обвиняемого, КС РФ принципиально не исключает применение подобной меры, но подчеркивает, что эта мера временная и должна применяться с соблюдением всех правил юридического процесса.

Высоко оценивая результаты работы КС РФ в области оценки правовых средств регламентации экономических отношений, констатируя тот факт, что в процессе конституционного судопроизводства действительно сформулированы стратегические правовые идеи современной экономической политики в части определения пределов и возможных средств государственного вмешательства в экономику, заметим, что КС РФ не располагает ни ресурсами, ни средствами, ни другими возможностями вырабатывать экономическую политику государства. На наш взгляд, ситуация, когда КС РФ фактически формирует параметры правового регулирования экономических отношений, как минимум, не соответствует его прямому конституционному предназначению.

Список литературы:

1. Аузан, А. О роли государства в экономике : лекция / А. Аузан. — URL: <http://www.snowforum.ru> (дата обращения: 24.01.2016).
2. Нуреев, Р.М. Курс микроэкономики / Р.М. Нуреев. — М.: НОРМА, 2000. — 572 с.
3. Конституционный Суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (дата обращения: 20.12.2015).
4. Соперничество между Президентом и Правительством в сфере проведения экономической политики в России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/298504> (дата обращения: 25.01.2016).
5. Алиев, Т.Т. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в сочетании баланса частных и публичных интересов в России // Современное право. — 2010. — № 4. — С. 63–67.
6. Болгова, В.В. Практика Конституционного Суда Российской Федерации и формирование публичного интереса в сфере экологической безопасности / В.В. Болгова, Е.Е. Жеребцова // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 8, ч. 2. — С. 515–519.
7. Сырунина, Т. Конституционные гарантии права собственности при изъятии имущества для публичных нужд: экономический анализ (на примере судебной практики США) // Сравнительное конституционное обозрение. — 2009. — № 5. — С. 25–38.

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА •**

М.С. Трофимов,

*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора по научной
работе Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета*

А.В. Диреганова,

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства
и права Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета*

Д.В. Гварамия,

*первый заместитель министра
образования и науки Республики
Абхазия*

M.S. Trofimov,

*candidate of jurisprudence, associate
professor, associate professor of the
administrative and financial law of the
North Caucasian federal university
sim-pai@mail.ru*

A.V. Direganova,

*candidate of jurisprudence associate
professor of the theory and history of state
and law of the North Caucasian federal
university*

D.V. Gvaramiya,

*First Deputy Minister of Education and
Science of the Republic of Abkhazia*

**Общая характеристика правового регулирования
формирования и развития образовательных
комплексов Республики Абхазия
и Республики Южная Осетия***

***Аннотация:** в статье рассмотрены вопросы правового регулирования и структуры образовательных комплексов Республики Абхазия и Республики Южная Осетия. Авторы пришли к выводу, что системы нормативно-правового регулирования образования в Абхазии и Южной Осетии нуждаются в серьезной модернизации. В Абхазии в настоящее время по-прежнему действуют правовые акты СССР в сфере образования (в части, не противоречащей Конституции Республики Абхазия). В Южной Осетии правовая реформа уже начата, но действующее законодательство об образовании также нуждается в совершенствовании и модернизации.*

После того, как между Российской Федерацией и данными Республиками были заключены межправительственные соглашения о сотрудничестве, начался процесс ориентации правовых систем Абхазии и Южной Осетии на российское законодательство. В частности, в сфере образования российское законодательство взято за образец как в Южной Осетии, так и в Абхазии (но в значительно меньшей степени).

Ключевым вопросом развития системы образования для Абхазии, так же как и для Южной Осетии, является построение эффективной системы управления образованием. В обоих государствах в настоящее время выбрана модель централизованного управления через органы государственной власти с минимальным участием органов местного самоуправления.

* Статья публикуется за счет средств государственного задания № 3273 «Исследование и информационно-аналитическое обеспечение процессов и мероприятий в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества в сфере науки, образования, инноваций и молодежной политики Российской Федерации со странами Западной Азии, Кавказа, Южной Осетией и Абхазией».

Ключевые слова: образование; система образования; законодательство об образовании; образование в Республике Абхазия; образование в Республике Южная Осетия.

General characteristics of legal regulation of education and development of educational systems of the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia

Abstract: in article questions of legal regulation and structure of educational complexes of the Republic of Abkhazia and Republic South Ossetia are considered. Authors came to a conclusion that system of standard and legal regulation of education in Abkhazia and South Ossetia need serious modernization. In Abkhazia now legal acts of the USSR in education still work (in the part which isn't contradicting the Constitution of the Republic of Abkhazia). In South Ossetia legal reform is already begun, but the current legislation about education also needs improvement and modernization.

After between the Russian Federation and the Republics intergovernmental cooperation agreements were concluded, process of orientation of legal systems of Abkhazia and South Ossetia on Russian legislations began. In particular, in education Russian legislations it is imitated both in South Ossetia, and in Abkhazia (but in much smaller degree).

Key question of development of an education system for Abkhazia as well as for South Ossetia, creation of an effective control system of education is. In both states the model of the centralized management through public authorities with the minimum participation of local governments is chosen now.

Keywords: education; education system; legislation on education; education in the Republic of Abkhazia; education in the Republic South Ossetia.

После 2008 г. в международном сообществе достаточно остро встал вопрос о дальнейшем пути развития Южной Осетии и Абхазии. Причем внимание в значительной степени было акцентировано на то, что дальнейшее развитие должно быть только демократическим, а поддерживавшая эти государства Российская Федерация должна оказать им помощь в процессе демократизации и развития всех сфер общественной жизни.

Одним из аспектов является формирование демократического законодательства. Отметим, что в формировании собственного законодательства Южная Осетия и Абхазия ориентируются на правовую систему и законодательство России.

Проблемы, существующие в правовом пространстве обоих государств, очевидны: отсутствие единого правового поля, отсутствие кодифицированных правовых актов, законодательных актов, отвечающих современным требованиям развития государства. Более того, Южная Осетия и Абхазия на своей территории часто применяют российские законы в отсутствие собственного законодательства. Например, 29 января 1992 г. было принято Постановление Верховного Совета Республики Южная Осетия «О применении аналогии Законов России на территории Республики Южная Осетия» [1], в котором говорится: «В связи с возникшим дефицитом законодательных актов, регулирующих отношения в сфере различных норм права, и впредь до введения в действие Законов Республики Южная Осетия Верховный Совет Республики Южная Осетия постановляет: 1. Правоохранительным органам, предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам Республики Южная Осетия применять на практике нормы права России, за исключением законодательных актов, определяющих порядок и размеры финансирования».

Этот акт, действующий и в настоящее время, позволяет четко понять объем проблем, существующих в Южной Осетии в сфере законотворчества.

В декабре 2012 г. в Российской Федерации был принят новый Федеральный закон «Об образовании» [2]. Учитывая, что Южная Осетия «стремится» в российское правовое пространство, в Республике почти сразу же начался процесс разработки собственного закона об образовании.

Проект закона Республики Южная Осетия «Об образовании» разрабатывался, исходя из следующих принципов:

- сочетания ориентированности на российское правовое пространство с учетом местных национальных, исторических и культурных традиций;
- модернизации системы образования;
- повышения качества правового регулирования сферы образования;
- создания основы для развития образования в дальнейшем.

Одним из наиболее принципиальных вопросов, который необходимо было разрешить в проекте закона, был вопрос публичного управления сферой образования.

В Российской Федерации, как известно, система публичного управления состоит из трех уровней: федеральный — региональный — муниципальный. На каждом уровне публичной власти органы управления наделены рядом собственных полномочий, которые реализуются ими в отношении участников образовательных отношений. Еще один уровень управления образованием представлен самими образовательными организациями. Таким образом, в системе управления образованием в России можно выделить три или четыре уровня управления в зависимости от используемого подхода к сущности публичного управления.

В соответствии с Конституцией Республика Южная Осетия от 8 апреля 2001 г. Республика состоит из пяти административно-территориальных единиц (ч. 2 ст. 3). Унитарная форма территориального устройства диктует, соответственно, иной, чем в России вариант публичного управления образованием.

Конституцией Республики Южная Осетия закреплён институт местного самоуправления. Согласно ч. 3 ст. 1 народ осуществляет свою власть непосредственно путем проведения референдумов и свободных выборов, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления; в соответствии со ст. 6 в Республике Южная Осетия признается и гарантируется местное самоуправление, принят закон о местном самоуправлении. Соответственно, система публичного управления в Южной Осетии, в том числе сферой образования, должна выглядеть примерно таким образом: государственный уровень — муниципальный уровень. В эту систему можно добавить еще и локальный уровень — образовательные учреждения.

Однако, несмотря на то, что в Республике принят Закон от 18 февраля 2004 г. № 44 «О местном самоуправлении в Республике Южная Осетия» [3], фактически он в настоящее время не действует. И это является еще одной особенностью правового пространства Южной Осетии.

Такая ситуация порождает неоднозначность подходов к решению вопроса законодательного разграничения полномочий органов публичного управления в сфере образования в Республике Южная Осетия.

В Российской Федерации достаточно большое количество важных полномочий в сфере образования возложены законодательством на уровень местного самоуправления. Даже беглый взгляд на перечень этих полномочий позволяет однозначно утверждать, что для органов местного самоуправления их выполнение будет невозможно ввиду ряда причин, среди которых основное место занимает проблема экономической несамостоятельности и недостаточной обеспеченности муниципалитетов.

Альтернативным вариантом регулирования вопросов управления сферой образования в Южной Осетии можно считать придание всех полномочий в сфере образования органам государственной власти, в частности, Министерству образования и науки Республики Южная Осетия. В этом случае управление образовательными организациями и решение иных многочисленных вопросов осуществлялось бы непосредственно и напрямую министерством.

Однако, на наш взгляд, выбор в проекте Закона Республики Южная Осетия «Об образовании» второго варианта закрепления модели публичного управления сферой образования является тупиковым, т. к. не позволяет реализовать потенциальные возможности, заложенные в модель управления с участием органов местного самоуправления. Кроме того, модель публичного управления сферой образования без органов местного самоуправления возможна только в качестве временного или переходного варианта до отмены моратория действия Закона «О местном самоуправлении в Республике Южная Осетия».

Соответственно, в настоящее время в Республике Южная Осетия управление образованием построено на принципе централизации и осуществляется органами государственной власти. Наибольший объем полномочий при этом закреплен за Министерством образования и науки Республики.

В Республике Абхазия система управления образованием также включает в себя органы государственного управления и органы местного самоуправления. Однако, в отличие от Республики Южная Осетия, в Абхазии процесс правовой реформы значительно отстает, не приняты важнейшие правовые акты, действуют акты СССР и существует подзаконное регулирование Правительства Республики Абхазия.

Законодательство Республики Абхазия в области образования образуют нормативные правовые акты различной юридической силы. Оно включает в себя Конституцию Республики Абхазия, законы, иные нормативные правовые акты Республики Абхазия. Задачами законодательства Республики Абхазия в области образования являются:

- 1) обеспечение и защита конституционного права граждан Республики Абхазия на образование;
- 2) создание правовых гарантий для свободного функционирования и развития системы образования Республики Абхазия;
- 3) разграничение компетенции в области образования между центральными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления;
- 4) определение прав, обязанностей, полномочий и ответственности физических и юридических лиц в области образования, а также правовое регулирование их отношений в данной области.

Конституция (Основной закон) Республики Абхазия содержит ряд важных положений для развития законодательства об образовании. В частности, ст. 19 гарантирует «каждому человеку право на образование». Данная норма предполагает общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных образовательных учреждениях. Предусматривается также, что каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее профессиональное образование. Основное общее образование является обязательным. Родители или заменяющие их лица должны обеспечить достижение детьми данного образовательного ценза. Республики Абхазия устанавливает государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования. Право на образование является неотъемлемым элементом государственных гарантий в области социальной защиты населения.

Следующий уровень нормативных актов в системе образовательного законодательства — это законы. Центральное место в системе законов в рассматриваемой сфере занимает Закон СССР «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» [4].

Подзаконные нормативные акты, регулирующие отношения в области образования, представлены указами Президента Республики Абхазия (например, Указ от 26 сентября 1996 г. № УП-62 «О негосударственной образовательной деятельности в Республике Абхазия» [5] и др.), постановлениями Кабинета Министров Республики Абхазия, нормативными документами по учебной, методической и научной работе Госкомитета Российской Федерации по высшему образованию в частях, не противоречащих законодательству Республики Абхазия.

Поскольку в структуре системы образования значительное место занимают образовательные учреждения административно-территориальных единиц, органы местного самоуправления также обладают некоторыми полномочиями в этой сфере. Они могут принимать нормативные акты по вопросам, отнесенным к их компетенции (например, об организации питания детей в общеобразовательных учреждениях города (района), о развитии системы дополнительного образования и т. д.).

Учет особенностей образовательных отношений, которые складываются в конкретных образовательных учреждениях, осуществляется путем принятия локальных нормативных актов, т. е. актов, которые принимаются непосредственно в данном учреждении (на общем собрании, на совете учреждения или его руководителем) и распространяются только на сотрудников данного учреждения и обучающихся в нем лиц. Примерами локальных нормативных актов образовательных учреждений могут служить правила внутреннего распорядка, графики учебного процесса, учебные планы, положения о стипендиальном обеспечении, об общежитиях и др. На локальном уровне заключаются также коллективные договоры, которые могут содержать нормы, непосредственно касающиеся образовательного процесса (например, о режиме работы преподавателей, о социальных гарантиях и прочих формах стимулирования их труда). Примером могут служить нормативные договоры, являющиеся источниками образовательного права. При разработке и принятии таких актов

необходимо соблюдать пределы локального нормотворчества и обеспечивать их соответствие нормативным актам более высокого уровня.

В Республике Абхазия, так же как и в Республике Южная Осетия, остро ощущается необходимость разработки и принятия нового современного законодательства об образовании.

В 2015 г. на форуме, проходящем в Сухуме, была представлена научная работа Центра стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия, в которой получили отражение вопросы стратегии развития образования. В данной работе приоритетными направлениями образовательной политики названы:

- укрепление приоритетного значения образования в жизни современной Абхазии;

- государственная поддержка института семьи и семейного воспитания. Проведение государственной политики по укреплению физического здоровья детей и усилению их нравственно-эстетического воспитания;

- воспитание детей на основе культурно-исторического наследия народа Абхазии и выработанных им ценностей (любовь к родителям, Родине, родной культуре, уважительное отношение к себе, старшим и другим, формирование в них чувства совестливости и стыдливости, потребности в знании, красоте, чести, достоинстве и др.);

- освоение детьми основ отечественной, русской и мировой культуры. Улучшение качества изучения и практики владения государственным, русским и другими языками. Подготовка детей к активной социальной деятельности и участию в формировании абхазской национальной идентичности;

- формирование у подрастающего поколения таких нравственно-волевых ценностей и смысловых установок, которые позволяют активно противостоять современным идеологическим и информационным вызовам, направленным на разложение целостности личности, культур и цивилизаций.

Основными задачами определены следующие:

1. Разработка и выполнение Государственной программы развития образования.

2. Разработка и выполнение Государственной программы развития национального (абхазского) образования.

3. Создание единой системы управления образованием, включающей в себя все уровни образовательных учреждений (дошкольные, школы, лицеи, колледжи, средне-специальные и высшие).

4. Создание научной и экспериментальной базы национального образования.

5. Развитие сотрудничества между Абхазией и Россией, а также другими странами в сфере образования.

6. Разработка и принятие Государственных стандартов национального образования.

7. Разработка и принятие Государственной программы подготовки кадров в соответствии с потребностями социально-экономического развития страны.

8. Широкое использование в учебно-воспитательном процессе потенциала отечественной культуры.

9. Активное использование преимущества двуязычия в национальном образовании.

10. Корректировка содержания образовательных программ и учебных дисциплин с учетом достижений современной науки, техники и нужд социальной практики.

11. Внедрение в педагогическую практику инновационных методов освоения знаний и закрепления их в сознании подрастающего поколения.

12. Внедрение в педагогическую практику авторских разработок с целью улучшения качества образования.

13. Использование различных форм включения детей в интеллектуально-познавательную, творческую, трудовую, общественно полезную, художественно-эстетическую и игровую деятельность.

14. Развитие в образовательных учреждениях массовой физической культуры, а на ее основе — детского и юношеского спорта.

15. Воспитание в детях чувства любви к родителям, воспитателям, учителям, Родине и уважительного отношения к старшим.

16. Формирование в детях, подростках и молодых понимания жизненного смысла коллективизма, солидарности, доброжелательности, справедливости, человеколюбия, трудолюбия, стремления к истине, красоте, здоровому образу жизни и другим жизнеутверждающим духовным ценностям.

17. Формирование в детях, подростках и молодых способностей осознанно занимать позицию, отвечающую интересам общества, противостоять злу, лжи, лицемерию и другим социальным аномалиям, идеологическим диверсиям, разлагающим социальные устои личности.

18. Подготовка подрастающего поколения к активной и конструктивной социальной деятельности.

19. Обеспечение воспитательных и образовательных учреждений специалистами всех профилей.

20. Повышение социального статуса воспитателя и учителя.

21. Использование различных форм стимулирования и поощрения труда педагогов.

В этой ситуации для Республики Абхазия оптимальным видится временное сохранение существующей системы публичного управления образованием (по вертикали: Министерство образования — муниципальные органы управления образованием) вплоть до проведения конституционной реформы государственного и муниципального управления.

В системе управления образованием Республики Абхазия занято 340 человек.

Образование в Абхазии сохранило модель и методы советской системы образования, более того, в отсутствие принятого закона «Об образовании» Абхазия пользуется советским законом.

Система образования имеет следующую структуру: дошкольное образование; начальное общее образование; основное общее образование; среднее (полное) общее образование; среднее (начальное) профессиональное образование; высшее образование; дополнительное образование.

Дошкольное образование предусматривает образование детей от 3 до 6 лет. Дети в возрасте от 6 лет начинают обучение в начальной школе, где учатся 4 года, затем переходят в среднюю школу. После начального образования дети переходят к общему среднему образованию. Продолжительность общего среднего образования составляет 9 лет. По окончании 9-го класса учащиеся проходят государственную итоговую аттестацию, т. е. сдают выпускные экзамены и получают аттестат об основном общем образовании. Выпускники 9-х классов могут продолжить образование в школе либо поступить в профессионально-техническое училище, колледж или техникум. Аттестат о полном среднем образовании выдается по окончании 11-го класса и сдачи выпускных экзаменов. Наличие аттестата о полном среднем образовании и успешно сданные экзамены позволяют продолжить образование в вузах.

Система образования в высших учебных заведениях в последнее время претерпела изменения и перешла от советской модели образования к «болонской», но со своими отличиями.

В отличие от российской системы, где наблюдаются две выраженные ветви ступеней высшего профессионального образования, а именно: 1) бакалавриат (4 года) + магистратура (2 года); 2) специалитет (5 лет), в Абхазии принята иная модель: бакалавриат (4 года) + специалитет (1 год) + магистратура (1 год).

На начало учебного 2015–2016 г. в Абхазии функционировали 159 общеобразовательных учреждений, в том числе 2 школы-интерната, 2 лицея-интерната общей численностью 26694 учащихся и 3752 педагога. Общая численность фактически работающих педагогов составляла 3752 человека. Количество учащихся, приходящихся на одного педагогического работника, составляет в среднем 7 человек. Этот показатель ниже, чем в странах Европы, где среднее отношение количества учеников к числу педагогов по данным OECD в Европе составляет 16 человек в начальной школе и 14 человек в старших классах.

Наблюдается сильная диспропорция между городскими и сельскими школами. В то время как городские школы работают на грани своих мощностей по вместимости, в сельских часто встречаются малокомплектные классы.

В целях оказания методической, организационной и научной помощи Республике Абхазия и Республике Южная Осетия между министерствами образования Республик и ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» были подписаны планы взаимодействия 2016–2018 гг. по следующим основным направлениям:

- проведение курсов повышения квалификации для работников сферы образования;
- оказание научной, методической, организационной и аналитической помощи в совершенствовании законодательства в сфере образования;
- оказание методической, технологической, научной помощи в разработке образовательных программ;
- сотрудничество в сфере молодежной политики;
- подготовка специалистов индустрии туризма.

Реализация этих планов должна способствовать улучшению качества образования в Республике Абхазия и Республике Южная Осетия, а также

помочь Министерству образования и науки Российской Федерации в осуществлении деятельности по оказанию помощи министерствам образования указанных Республик.

Список литературы:

1. О применении аналогии Законов России на территории Республики Южная Осетия : постановление Верховного Совета Республики Южная Осетия от 29 января 1992 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 53, ч. 1, ст. 7598.
3. О местном самоуправлении в Республике Южная Осетия : закон Республики Южная Осетия от 18 февраля 2004 г. № 44 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании : закон СССР от 19 июля 1973 г. № 4536-VIII // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1973. — № 30, ст. 392.
5. О негосударственной образовательной деятельности в Республике Абхазия : указ Президента Республики Абхазия от 26 сентября 1996 г. № УП-62 // СПС «КонсультантПлюс».

И.В. Мухачёв,

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой
конституционного и международного
права юридического института СКФУ*

I.V. Mukhachev,

*Doctor of Law, Professor,
Law Institute North Caucasus Federal
University
bkmz@atrus.ru*

**Временное ограничение пассивного
избирательного права и права участвовать
в осуществлении избирательных действий
граждан Российской Федерации, страдающих
опасными инфекционными заболеваниями**

Аннотация: актуальность статьи обусловлена отсутствием конституционно-правового регулирования ограничений избирательных прав граждан, страдающих опасными инфекционными заболеваниями. Появление большого количества новых инфекций, часто приводящих к летальному исходу, может привести к заражению инфекционными болезнями граждан во время подготовки и проведения выборов. Цель статьи — сформулировать предложения для внесения изменений и дополнений в действующее избирательное законодательство, направленные на временное ограничение, по решению суда, пассивного избирательного права и права на участие в осуществлении избирательных действий граждан страны, страдающих опасными инфекционными заболеваниями, до их излечения. Автор предлагает дополнить Кодекс административного судопроизводства РФ главой, регулирующей судебную процедуру временного ограничения пассивного избирательного права и права на участие в осуществлении избирательных действий, а также процедурой восстановления избирательных прав граждан, излечившихся от опасных инфекционных заболеваний. Одновременно законодателю следует уделять особое внимание повышению правовой культуры участников избирательного процесса, формированию устойчивых правовых ценностей и идеалов.

Ключевые слова: выборы, инфекционные заболевания, временное ограничение пассивного избирательного права, временное ограничение права участвовать в осуществлении избирательных действий до выздоровления, поправки в избирательное законодательство и Кодекс административного судопроизводства РФ.

Temporary restriction of eligibility, rights to participate in the implementation of electoral actions of Russian Federation citizens suffering from dangerous infectious diseases

Abstract: the article topicality is conditioned by the absence of constitutional-legal regulation of restrictions of electoral rights of citizens suffering from dangerous infectious diseases. The emergence of new and highly lethal infections can lead to infection of citizens during the preparing and conducting of elections. The purpose of the article is to formulate proposals for modification and addition of existing suffrage aiming at temporary restriction of eligibility, rights to participate in the implementation of the electoral actions for citizens suffering from infectious diseases by court order. Author proposes to expand the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation by adding new chapter governing court procedure of temporary restriction of rights to participate in the implementation of electoral actions, eligibility and governing the procedure of resumption of those rights. Author concludes about the necessity to focus on raising the legal culture and formation of settled legal values and ideals.

Keywords: elections, infectious diseases, temporary restriction of eligibility, a temporary restriction of the right to participate in the electoral action until recovery, the amendments to the electoral law and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation.

В большинстве современных государств, независимо от уровня их экономического развития, в последние годы отмечается рост числа инфекционных заболеваний. В России за последние 30 лет описано более 20 ранее неизвестных инфекционных болезней, многие из которых представляют эпидемическую опасность и характеризуются высокой летальностью: лихорадки Эбола, Марбург, Венесуэльская, болезнь легионеров, геморрагический Ханта-вирусный легочный синдром. Кроме того, описаны Карельская арбовирусная лихорадка, Астраханская риккетсиозная пятнистая лихорадка, в Волгоградской области — болезнь, вызванная вирусом Западного Нила [1, с. 93–96].

Действующее избирательное законодательство не устанавливает особого правового положения граждан Российской Федерации, страдающих опасными инфекционными заболеваниями. Они могут участвовать в осуществлении всех избирательных действий, как и полностью здоровые граждане. Конечно, сложно представить, что человек, страдающий геморрагической лихорадкой Эбола или открытой формой туберкулеза, выдвинет свою кандидатуру на выборную должность и придет для регистрации в соответствующую избирательную комиссию. Однако факты говорят о другом. Так, в октябре 2015 г. на Ямале в поселке Тазовском в детском саду работала воспитатель — больная туберкулезом легких. В августе 2015 г. в селе Ижевском Рязанской области в детском саду «Светлячок» у нянечки Л. Аганиной обнаружили туберкулез. Женщина успела заразить как минимум одиннадцать малышей. Если даже в детских дошкольных учреждениях имеются случаи инфицирования детей, то вряд ли можно исключить такую возможность по отношению к участникам избирательного процесса, в ходе которого происходит большое количество встреч, разнообразных форм визуального общения между членами избирательных комиссий, кандидатами на выборные должности и их доверенными лицами, избирателями, наблюдателями и т. п. Для того, чтобы в ходе подготовки и проведения выборов сократить вероятность быстрого

распространения опасных инфекций, следует внести соответствующие изменения в федеральное избирательное законодательство, направленные на временное ограничение права быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий граждан Российской Федерации, страдающих опасными инфекционными заболеваниями. Когда болезнь человека создает реальную угрозу для благополучия и здоровья окружающих, «возникает проблема, связанная с решением вопроса о возможности или необходимости определенными законом способами и в установленном законом порядке ограничить свободу распоряжения гражданином своими правами, в частности применить изоляцию и принудительное лечение больного при помощи его заболевания для общества или отдельных граждан» [2, с. 93].

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливает важную конституционную гарантию от произвольного ограничения прав и свобод человека. Они могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В связи с этим необходимо изменить ст. 4 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 3 ноября 2015 г.), добавив в нее п. 3.6 следующего содержания:

— временно ограничены по решению суда в праве быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий граждане Российской Федерации, страдающие опасными инфекционными заболеваниями до их выздоровления.

Решение о временном ограничении или восстановлении права быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий принимается судом по месту нахождения медицинской организации, в которой больной опасным инфекционным заболеванием находится под медицинским наблюдением. Заявление о временном ограничении или восстановлении права быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий подается в суд руководителем медицинской организации, в которой больной находится под медицинским наблюдением, или прокурором.

Участие прокурора, представителя медицинской организации, в которой больной находится под медицинским наблюдением, гражданина, в отношении которого решается вопрос о временном ограничении или восстановлении права быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий, или его законного представителя в рассмотрении заявления обязательно.

Помимо этого, следует дополнить ст. 3 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (в ред. от 24 ноября 2014 г.) п. 5.6 и ст. 4 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 5 октября 2015 г.) п. 14 следующего содержания:

— временно ограничены по решению суда в праве быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий граждане Российской Федерации, страдающие опасными инфекционными заболеваниями, до их выздоровления в порядке, предусмотренном подп. 6 п. 3 и ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и гл. 31 прим. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

15 сентября 2015 г. вступил в силу Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ, в котором четко определена подведомственность дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Думается, необходимо дополнить Кодекс следующими положениями:

Глава 31. Прим. 1. **Производство по административным делам о временном ограничении или восстановлении права гражданина быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий в случае заражения опасными инфекционными заболеваниями до его выздоровления.**

Статья 285. Прим. 1. Подача административного искового заявления о временном ограничении права гражданина быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий в случае заражения опасным инфекционным заболеванием до его выздоровления

1. В отношении гражданина, больного опасным инфекционным заболеванием, может быть подано административное исковое заявление о временном ограничении права быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий до его выздоровления.

2. Административное исковое заявление о временном ограничении права быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий до его выздоровления подается руководителем медицинской организации, в которой гражданин находится под врачебным наблюдением.

3. В административном исковом заявлении о временном ограничении права быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий до его выздоровления должны быть указаны сведения, предусмотренные пп. 1–3, 5 и 8 ч. 2 ст. 125 настоящего Кодекса, а также содержаться указания на заключение комиссии врачей и иные данные, обосновывающие требования административного истца.

4. К административному исковому заявлению о временном ограничении права быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий до его выздоровления прикладываются:

1) история болезни гражданина, страдающего опасным инфекционным заболеванием;

2) заключение комиссии врачей медицинской организации с указанием диагноза, тяжести заболевания, степени его заразности, а также иные материалы, подтверждающие необходимость временного ограничения права быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий до его выздоровления;

3) документы, предусмотренные п. 1 ч. 1 ст. 126 настоящего Кодекса.

Статья 285. Прим. 6. Решение суда по административному исковому заявлению о временном ограничении или восстановлении права гражданина быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий в случае заражения опасным инфекционным заболеванием до его выздоровления

1. Рассмотрев по существу административное дело по административному исковому заявлению о временном ограничении или восстановлении права гражданина быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий в случае заражения опасным инфекционным заболеванием до его выздоровления, суд принимает решение.

2. Суд принимает решение об удовлетворении административного иска, если установит наличие у гражданина, в отношении которого решается вопрос о временном ограничении его права быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий до выздоровления, заразной формы опасного инфекционного заболевания. При необоснованности требований суд отказывает в удовлетворении административного иска.

3. Суд принимает решение об удовлетворении административного иска о восстановлении права гражданина быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий, если установит отсутствие у гражданина заразной формы опасного инфекционного заболевания. При необоснованности требований суд отказывает в удовлетворении административного иска.

4. Содержание решения суда должно соответствовать требованиям, предусмотренным ст. 180 настоящего Кодекса, а вводная часть решения должна также содержать указание на место проведения судебного заседания.

5. По административным делам о временном ограничении или восстановлении права гражданина быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий в случае заражения опасным инфекционным заболеванием до его выздоровления мотивированное решение должно быть изготовлено в день его принятия.

6. Копии решения суда вручаются под расписку лицам, участвующим в деле, и их представителям или направляются им незамедлительно после изготовления решения способами, позволяющими обеспечить скорейшую доставку.

Список литературы:

1. Покровский, В.И. Социально значимые инфекции в XXI веке // Народнонаселение. — 2004. — № 3. — С. 93–96.
2. Шевчук, С.С. О некоторых проблемах ограничения субъективных гражданских прав в сфере здравоохранения / С.С. Шевчук, О.В. Ландина // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 1. — С. 102–110.

А.Н. Терещенко,
аспирант кафедры гражданского
права и процесса Северо-Кавказского
федерального университета

A.N. Tereshchenko,
Graduate student
North-Caucasus Federal University
Naika1990@yandex.ru

Понятие и признаки самовольной постройки в новой редакции статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации

Аннотация: в статье рассматриваются понятие и признаки самовольной постройки, которые изложены в абсолютно новой редакции в ст. 222 ГК РФ. Тема не теряет своей актуальности в связи с ежегодным появлением новых построек, подпадающих под законодательно установленные признаки самовольности. Каждый год застройщики пытаются легализовать такие постройки, а органы власти — снести последние, как следствие, не прекращаются судебные разбирательства. Цель статьи — осмыслить введенные законодателем новшества в сфере правового регулирования самовольного строительства, для чего уделить должное внимание исследованию понятия самовольной постройки и выделению ее характерных признаков, позволяющих отделить ее от иных видов недвижимости. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Автор делает вывод о том, что применение норм о самовольных постройках, к сожалению, демонстрирует результат неверного восприятия назначения такого института. Это привело законодателя к необходимости радикально изменить редакцию ст. 222 ГК РФ.

Ключевые слова: самовольная постройка; снос; демонтаж; реконструкция; пристройка; капитальное строение, земельный участок, право собственности, гражданское законодательство.

The concept and signs of unauthorized construction of new article's edition number 222 of the Civil code of the Russian Federation

Abstract: this article is devoted to the concept and signs of unauthorized construction which are stated in absolutely new article's edition 222 of the Civil Code of the Russian Federation. The subject doesn't lose the relevance in connection with annual appearance of the new constructions, which are getting under legislatively established self-liberty signs, every year builders try to legalize such types of constructions, and authorities the last, as a result, don't stop demolishing judicial proceedings. The purpose of this article is to comprehend the innovations entered by the legislator in the sphere of legal regulation of unauthorized construction for what to pay due attention to research of the concept of unauthorized construction and extraction of characteristic signs which allow the separation from the other types of real estate. Realization of the objects was reached by means of general scientific (dialectic, the analysis, synthesis) and self-scientific methods (legallistic, comparative and legal). The author concludes that application of norms about unauthorized constructions, unfortunately, shows the result of incorrect perception of appointment of such institute. It resulted the legislator of considerable change of Art. 222 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: unauthorized construction, emolition, dismantling, reconstruction, extension, capital building, plot of lan, the right of ownership of the immovable property, civil law.

Самовольная постройка — явление социального и правового характера, которое возникает на стыке публичных и частных интересов. С одной стороны, в основе права осуществлять строительство на земельном участке лежит законный частноправовой интерес владельца земельного участка, с другой — правоотношения, связанные с возведением объекта капитального строительства, императивно регламентированы органами публичной власти и находятся под их строгим контролем. Цель норм граж-

данского права, регулирующих отношения, связанные с самовольным строительством, — обеспечить баланс частных и публичных интересов, защиту фундаментальных конституционных прав собственника, безопасность строительства и защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц.

Понятие «самовольная постройка» закреплено в ст. 222 Гражданского кодекса РФ. Следует отметить, что с 13 июля 2015 г. ст. 222 ГК РФ на законодательном уровне изложена в новой редакции, вступившей в силу с 1 сентября 2015 г. Указанная норма права в измененной редакции содержит ряд принципиально новых положений. Остановимся на нововведениях п. 1 ст. 222 ГК РФ.

Первостепенным является факт изменения легального определения самовольной постройки. Так, самовольной постройкой признается здание, сооружение или другое строение, возведенные, созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные, созданные без получения на это необходимых разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

Как видим, законодателем из определения самовольной постройки исключено словосочетание «иное недвижимое имущество». Возникает вопрос: можно ли отнести к самовольному строению объект, не обладающий признаками недвижимости, временное сооружение?

По справедливому мнению А.В. Демкиной, само по себе использование термина «недвижимое имущество», который присутствовал в предыдущей редакции ст. 222 ГК РФ, для определения самовольной постройки не совсем аргументировано с научной точки зрения. Исходя из норм гражданского законодательства, недвижимое имущество — это объект гражданского права, а самовольная постройка как объект гражданского права может стать недвижимым имуществом исключительно при ее легализации.

Вероятнее всего, именно по этой причине законодатель отказался от употребления термина «недвижимое имущество» при формулировке определения самовольной постройки.

К самовольной постройке на законодательном уровне отнесены здание, сооружение или другое строение. Эти объекты, бесспорно, отвечающие признакам недвижимого имущества, прямо названы в ст. 130 ГК РФ.

Понятие «другое имущество», вызывающее наибольшие сомнения, в прежней редакции ст. 222 ГК РФ использовалось в сочетании с понятием «другие недвижимые объекты».

Как известно, право собственности на имущество, у которого отсутствуют признаки недвижимости, возникает в момент его создания или в момент передачи имущества, созданного третьим лицом, и с указанного момента подлежит защите. Право собственности на движимое имущество существует независимо от места размещения имущества и наличия прав на земельный участок, что существенно отличает его от недвижимого имущества, обладающего признаком неразрывной связи с землей [1, с. 8].

Иначе говоря, самовольным строением может быть только объект, отвечающий признакам недвижимого имущества. В ст. 222 ГК РФ отсутствует указание на данный критерий, что вызывает сложности у правоприменителя.

Заслуживает внимания вопрос, прямо вытекающий из отказа от употребления термина «недвижимое имущество» в определении самовольной постройки: может ли относиться к таковой объект незавершенного строительства?

Как нами уже оговорено, в новой редакции ст. 222 ГК РФ отсутствует упоминание об иных объектах недвижимого имущества, кроме перечисленных в статье. В связи с этим возникла проблема с отнесением объекта незавершенного строительства к самовольным постройкам. Представляется, что объект незавершенного строительства может быть отнесен к строению, и при наличии признаков самовольной постройки уже в отношении незавершенного строения может быть принято решение о сносе самовольной постройки.

Предполагаем, что к самовольной постройке могут быть отнесены не только вновь созданные объекты, но и объекты, которые созданы в результате реконструкции.

В принятом 29 апреля 2010 г. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» объекты незавершенного строительства отнесены к недвижимому имуществу и, исходя из п. 1 ст. 222 ГК РФ, самовольной постройкой признавался не только жилой дом, другое строение, сооружение, но и иное недвижимое имущество. Следовательно, объект незавершенного строительства как недвижимое имущество, по мнению высших судебных инстанций, также мог признаваться самовольной постройкой (п. 30).

Ленинским районным судом г. Ставрополя после внесения изменений в ст. 222 ГК РФ вынесено решение по гражданскому делу по исковому заявлению о сносе самовольного строения. Комитет градостроительства администрации г. Ставрополя обратился в суд с иском, в котором просил признать одноэтажный объект капитального строительства (объект незавершенного строительства) самовольной постройкой; обязать ответчика снести одноэтажный объект капитального строительства, мотивируя это тем, что между администрацией и ответчиком прекращены правоотношения, возникшие относительно аренды земельного участка, а также превышены предельно допустимые параметры строительства. За ответчиком признано право собственности на объект незавершенного строительства степенью готовности 8 % (в пределах разрешения на строительство).

Суд решил: признать одноэтажный объект капитального строительства (объект незавершенного строительства) самовольной постройкой, обязать ответчика за свой счет снести одноэтажный объект капитального строительства (объект незавершенного строительства) до параметров, содержащихся в Техническом паспорте на жилой дом (объект индивидуального жилищного строительства) [2].

Таким образом, суд обязал лицо к сносу самовольно реконструированного недвижимого имущества до тех размеров, которыми обладал объект незавершенного строительства, право собственности на который было зарегистрировано, до реконструкции. Судом не установлено, что объект не может быть приведен в состояние, существовавшее до проведения работ, в результате которых

объект стал самовольной постройкой. Лишь в противном случае судом было бы вынесено решение о полном сносе объекта незавершенного строительства.

Такие решения выносились судами и ранее (до внесения изменений в ст. 222 ГК РФ), что подтверждается и позицией ВС РФ. Так, согласно п. 28 Постановления № 10/22 положения ст. 222 ГК РФ распространяются на самовольную реконструкцию недвижимого имущества, в результате которой возник новый объект. В этом случае суд обязывает лицо к сносу самовольно реконструированного недвижимого имущества, если будет установлено, что объект не может быть приведен в состояние, существовавшее до проведения таких работ. В Обзоре судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 19 марта 2014 г., отмечается, что при самовольном изменении первоначального объекта недвижимости посредством пристройки к нему дополнительных помещений право собственника может быть защищено путем признания этого права в целом на объект собственности в реконструированном виде, а не на пристройку к первоначальному объекту недвижимости.

Из данного в ст. 222 ГК РФ определения можно вывести признаки самовольной постройки, которые и становятся предметом доказывания в судебных разбирательствах по делам о признании права собственности на самовольную постройку и по делам о сносе самовольных построек. Рассмотрим их более подробно.

1. Самовольной постройкой может считаться только объект гражданских прав, обладающий признаками недвижимого имущества. Данный признак охарактеризован нами ранее.

2. Строительство объекта осуществлялось на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта.

По смыслу ст. 40 Земельного кодекса РФ и ст. 363 ГК РФ в состав распорядительных полномочий собственника земельного участка входит право возведения зданий и сооружений, но они осуществляются лишь при условии соблюдения требований о целевом назначении земельного участка. Земли используются в соответствии с установленными для них целевым назначением и разрешенным использованием (п. 2 ст. 7 ЗК РФ). Примером может служить ситуация, когда на земельном участке с видом разрешенного использования «под индивидуальную жилую застройку» сносят ветхий жилой дом и возводят нежилое трехэтажное здание — спортивно-развлекательный комплекс.

Бесспорно, в указанных случаях разрешенное использование земельного участка допускает строительство, но не тех объектов, которые возведены.

Разрешенное использование земельного участка регламентируется правилами застройки и землепользования, принимаемыми органами местного самоуправления, которые устанавливают: разрешенные виды использования земельных участков в пределах конкретных территориальных зон; максимальный и минимальный проценты застройки; этажность; отступы от границ земельного участка при строительстве.

Сведения о категории земель, к которой отнесен земельный участок, и о его разрешенном использовании в числе других сведений об объекте недвижимости вносятся в государственный кадастр недвижимости. Как отмечает

Е.А. Мотлохова, средствами доказывания соответствия либо несоответствия целевому назначению и разрешенному использованию выступают кадастровые паспорта и кадастровые выписки на земельный участок, на котором расположена самовольная постройка. В ряде определений Верховный Суд РФ указывает, что деление земель по целевому назначению и разрешенному использованию является одним из принципов земельного законодательства. В случае если суды нижестоящих инстанций не исследуют вопрос соответствия постройки требованиям застройки и землепользования, судебные постановления отменяются и направляются на новое рассмотрение [3, с. 28].

Известны также ситуации, когда лицо не может получить разрешение на строительство жилого дома в связи с тем, что согласно градостроительному плану земельный участок, на котором предполагается строительство, расположен в зоне, виды разрешенного использования которой не предполагают строительство объектов индивидуального жилищного строительства, но при этом является выделенным из ранее учтенного участка, предоставленного собственнику для строительства индивидуального жилого строения [4, с. 164].

Как показывает судебная практика, несмотря на то, что понятие «земельный участок с видом разрешенного использования “под жилую застройку индивидуальную”» возникло задолго до вступления в силу Правил землепользования и застройки города, которыми предусмотрено деление всей территории в границах города на территориальные зоны, с установлением для каждой из них единого градостроительного регламента, по видам и предельным параметрам разрешенного использования земельных участков в границах этих территориальных зон, отказ в выдаче разрешения на строительство на земельном участке по указанным ранее причинам признается законным и не нарушающим права лица, обращающегося за разрешением [5].

Иначе говоря, после изменения территориальных зон внутри города, фактически лицо, разделив один земельный участок, на котором уже имеется жилое строение, право собственности на которое признано, на два, в случае если вновь образованный земельный участок попадает в зону, виды разрешенного использования которой не предполагают строительство объектов индивидуального жилищного строительства, лишается возможности на законных основаниях возвести жилой дом.

3. Строительство объекта осуществлялось без получения на это необходимых разрешений.

В соответствии со ст. 2 Градостроительного кодекса РФ градостроительная деятельность должна осуществляться с соблюдением требований технических регламентов, требований безопасности территорий, инженерно-технических требований, требований гражданской обороны, требований охраны окружающей среды и экологической безопасности.

Согласно статье 51 ГрК РФ, ст. 3 Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» строительство, реконструкция объектов капитального строительства, а также их капитальный ремонт осуществляются на основании разрешения на строительство. Указанное разрешение выдается органом местного самоуправления

по месту нахождения земельного участка, где планируется строительство, при этом к заявлению о выдаче такого разрешения должны прилагаться правоустанавливающие документы на земельный участок, градостроительный план земельного участка, материалы проектной документации, а также иные предусмотренные ст. 51 Кодекса документы.

При этом судебная практика исходит из того, что само по себе отсутствие разрешения на строительство не может служить самостоятельным основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку. Суд при принятии решения исходит из того, предпринимало ли лицо, создавшее самовольную постройку, надлежащие меры к ее легализации, в частности к получению разрешения на строительство и (или) акта ввода объекта в эксплуатацию, а также правомерно ли отказал уполномоченный орган в выдаче такого разрешения или акта ввода объекта в эксплуатацию, т. е. имеется ли вступившее в законную силу решение суда о признании незаконными действий органа власти.

4. Строительство объекта осуществлялось с нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

В предыдущей редакции ст. 222 ГК РФ одним из признаков самовольного строения являлось его строительство с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил. В действующей на сегодня редакции указанной статьи исключено указание на их «существенное нарушение». Однако, как показывает сложившаяся судебная практика, основанием для принятия решений о сносе самовольных построек является именно существенное (а не незначительное) нарушение градостроительных и строительных норм и правил.

К существенным нарушениям строительных норм и правил суды относят, например, такие неустраняемые нарушения, которые могут повлечь уничтожение постройки, причинение вреда жизни, здоровью человека, повреждение или уничтожение имущества других лиц.

Таким образом, анализ практики применения норм о самовольных постройках демонстрирует результат неверного восприятия назначения такого института, что, в свою очередь, приводит к необходимости радикального изменения редакции ст. 222 ГК РФ.

Список литературы:

1. Демкина, А.В. Принцип добросовестности и институт самовольной постройки в гражданском праве // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2015. — № 8. — С. 6–12.
2. Решение Ленинского районного суда г. Ставрополя от 21 декабря 2015 г. по гражданскому делу № 2-7591/2015. — URL: http://lenynsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=45186958&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.01.2016).
3. Мотлохова, Е.А. Особенности правового режима самовольных построек в российском гражданском праве // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2015. — № 10. — С. 25–33.
4. Тордия, И.В. Признание права собственности на самовольные постройки: вопросы теории и практики / И.В. Тордия, К.М. Каберти // Вестник Тюменского гос. ун-та. — 2015. — № 3. — С. 165–169.

5. Решение Ленинского районного суда г. Ставрополя от 21 мая 2015 г. по гражданскому делу № 2-2357/2015. — URL: http://lenynsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10540017&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.01.2016).

М.П. Мельникова,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского
права и процесса Юридического
института Северо-Кавказского
федерального университета

И.А. Комаревцева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
и процесса Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета

M.P. Melnikova,
Candidate of Law, Associate Professor
Head of civil law and process department
of Law Institute of NCFU

mp.melnikova2012@yandex.ru

I.A. Komarevtceva,
Candidate of Law, Associate Professor
Associate Professor of civil law and process
department
of Law Institute of NCFU
irak77@yandex.ru

К вопросу о наследственных правах супругов

Аннотация: актуальность статьи обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов правового положения супругов в отношениях по наследованию. Цель статьи — проанализировать наследственные права супругов в различные исторические периоды: в российском дореволюционном и советском праве, а также на современном этапе. В статье использованы общенаучные (диалектический, анализа и синтеза) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический) методы исследования. Результаты: рассмотрена история становления и развития норм о наследственных правах супругов. Авторы заключают, что на ранних этапах развития права супруги не обладали наследственными правами в строгом смысле этого слова, они получали часть наследственного имущества, но не в порядке наследования, а в виде выделов. В целом, дореволюционный период развития наследственного права характеризуется наделением супругов «квазинаследственными правами». И только лишь в проекте Гражданского уложения за супругами было признано полноценное право наследования. Окончательное законодательное закрепление наследственных прав супругов получили в советский период. На сегодняшний день именно супруги являются основными наследниками, имеющими право получить имущество при наследовании по закону и по завещанию.

Ключевые слова: наследственное право, наследование, наследование по закону, супруги, права супругов.

On the question of inheritance rights of spouses

Abstract: the relevance of the article due to the theoretical and practical significance of the issue of the legal status of spouses as to the inheritance. Purpose of the article — to analyze the inheritance rights of spouses in different historical periods: in the Russian pre-revolutionary and Soviet law, as well as at the present stage. Methods: used in the article general scientific (dialectics, analysis and synthesis) and private-scientific methods of research (formal-legal, comparative-legal, historical). Results: In the article the history of formation and development of the rules on inheritance rights of spouses. The authors conclude that in the early stages of development of the law, the couple did not have hereditary rights in the strict sense of the word, they receive part of the inherited property, but not in the order of succession, and in the form of allotments. In general, the pre-revolutionary period of the development of inheritance law is characterized by endowing the spouses «quasi hereditary rights». And only in the draft Civil Code of the spouses was recognized as a full right of inheritance. The final legislative consolidation of the inheritance rights of spouses received during the Soviet period. Today it is the spouses are the main heirs have the right to receive property under inheritance by law and under the will.

Keywords: *law of succession, inheritance, inheritance by law, spouse, rights of spouses.*

Законодательное закрепление наследственных прав пережившего супруга в ч. 3 ГК РФ не является новеллой, они были известны еще отечественному дореволюционному и советскому наследственному праву. Так, уже в Киевской Руси только переживший супруг и дети могли быть наследниками по завещанию. Однако при наследовании по закону переживший супруг не являлся наследником, т. к. вдовец приобретал право пожизненного пользования имуществом семьи, а вдова получала «прожиток», который принадлежал ей до вступления в новый брак [1, с. 469–472].

Основным источником русского дореволюционного наследственного права периода конца XIX — начала XX вв. являлась ч. 1 т. X Свода законов Российской империи, изданного в 1832–1835 гг. Данный акт уделял достаточно внимания вопросам наследования имущества супругами.

В дореволюционной науке отмечалось, что право наследования пережившего супруга, по сути, является правом на определенную долю имущества, принадлежащего умершему супругу [2, с. 99].

Для обозначения доли в наследстве после смерти супруга дореволюционный законодатель использовал термин «указная доля» или «указная часть» (ст. 1148 ч. 1 т. X Свода законов). Переживший супруг имел право на указную долю только при наличии у него супружеских отношений с наследодателем. Иными словами, в качестве основания возникновения права на указную долю выступал брак. Переживший супруг не имел права наследования, если при жизни наследодателя брак был расторгнут или признан недействительным (ст. 37–45 кн. 1 ч. 1 т. X Свода законов).

В дореволюционный период вопрос о правовой природе указной доли являлся предметом научной дискуссии. В юридической литературе преобладала точка зрения о том, что наследственные права супругов не зависели от кровного родства, которое было положено в основу наследования по закону, а были обусловлены «необходимостью обеспечить существование вдовы» [2, с. 99]. Однако данный тезис позволил ученым сделать разные выводы, которые, по сути сводились к следующему: одни авторы использовали указанный тезис для определения имущественных отношений супругов, другие же с его помощью объясняли особенность наследственных прав супругов.

Таким образом, в гражданско-правовой доктрине того периода сложилось два полярных подхода к рассматриваемой проблеме. Представителем первого подхода являлся Д.И. Мейер, по мнению которого передача пережившему супругу указной доли не является наследованием, и супруги при получении указной доли не могли выступать в роли наследников. Подобный вывод был сделан ученым на основе сравнительного анализа указной части и наследственной доли. При этом Д.И. Мейер, в частности, отмечал, что право наследования можно было осуществить в течение десяти лет, т. е. по общим правилам о земской давности, тогда как на право супруга на указную долю давность не распространялась (ст. 1152 ч. 1 т. X Свода законов). Кроме того, право на указную часть прекращалось смертью пережившего супруга, т. е.

было пожизненным, тогда как приобретенное им право наследования могло перейти к его наследникам [3, с. 439–441].

Принципиально иной позиции при изучении феномена указной доли придерживались такие ученые, как Г.Ф. Шершеневич, К.Н. Анненков. Они не отрицали того факта, что наследственная доля и указная часть обладают определенными различиями, но при этом отмечали, что переживший супруг обладал именно наследственными правами в отношении имущества умершего супруга. «Право супруга на получение указной части из имущества другого супруга следует по нашему закону считать за право наследования после умершего супруга, притом, как в том случае, когда оно установлено в виде права на получение непосредственно из имущества супруга указной части, так и в том, когда оно установлено в виде права на получение ее из имущества свекра или тестя, при жизни их» [4].

Практика Правительствующего Сената также рассматривала получение пережившим супругом указной части как вид наследования по закону [5, с. 1135]. Кроме того, нормы, предоставляющие супругам право на получение указной доли из имущества умершего, были помещены именно во вторую главу «О порядке наследования по закону», в отделение пятое «О порядке наследования супругов» Свода законов. Таким образом, сам закон признавал супругов наследниками друг после друга.

С позиции современного законодательства мы можем утверждать, что право на указную часть в имуществе умершего супруга являлось наследственным правом супруга, которое, однако, существенно отличалось от наследственных прав других наследников. Эти отличия диктовались тем, что между супругами существовала иная правовая связь, чем между наследодателем и другими наследниками. Еще раз подчеркнем, что основанием наследственных прав супругов являлся брак, заключенный, как правило, лицами, относящимися к разным родам. По нашему мнению, наличие брачных отношений определяло все сущностные черты наследственных прав супругов. Именно из существующего действительного и не расторгнутого брака дореволюционные цивилисты выводили правовую цель указной части — обеспечение жены, которое обязан был предоставлять муж.

Проект гражданского уложения начала XX в., не ставший законом, но представляющий собой сегодня особый научный интерес, предполагал принципиально иной порядок наследования супругов. Эти новеллы имели революционный характер, исключали даже само понятие «указная часть» и предусматривали, что супруги наследуют вместе с теми наследниками по закону, которые призываются к наследованию в порядке 1–3 очереди. И только при отсутствии наследников данных очередей переживший супруг призывался к наследованию как самостоятельный наследник и получал все наследство в полном объеме. Однако при наличии наследников первых очередей наследственная доля супруга зависела от линии родства. Так, при одновременном наследовании с детьми супруг получал только четвертую часть имущества, независимо от количества детей, а при наследовании вместе с родителями — половину наследства.

В советский период развития гражданского законодательства наследственные права супругов получили признание в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г., который в первоначальной редакции не знал очередности призвания к наследованию по закону, т. е. все наследники по закону, в том числе и переживший супруг призывались одновременно и наследовали равные доли.

Такой порядок наследования просуществовал до середины 1940-х гг., когда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» был не только расширен круг наследников по закону, введено право представления, закреплён принцип свободы завещания, но и впервые в истории наследственного права Советского государства была установлена очередность наследования по закону. В соответствии с новыми правилами, супруг наследодателя стал относиться к наследникам первой очереди. Данный подход законодателя был сохранён и впоследствии в ГК РСФСР 1964 г. и в ныне действующем ГК РФ.

Итак, рассмотрев основные моменты истории института наследственных прав супругов, мы можем отметить, что на ранних этапах развития права супруги не обладали наследственными правами в строгом смысле этого слова, они получали часть наследственного имущества, но не в порядке наследования, а в виде выделов. В целом, дореволюционный период развития наследственного права характеризуется наделением супругов «квасинаследственными правами». И лишь в проекте гражданского уложения за супругами было признано полноценное право наследования. Окончательное законодательное закрепление наследственных прав супругов получили в советский период.

В соответствии с нормами современного наследственного права переживший супруг может наследовать имущество как по завещанию, так и по закону. Что касается наследования по закону, то переживший супруг является наследником первой очереди (п. 1 ст. 1142 ГК РФ). Согласно позиции Конституционного Суда РФ п. 1 ст. 1142 ГК РФ, определяющий круг наследников первой очереди, направлен на реализацию принципа защиты интересов близких родственников умершего [6]. Упоминание пережившего супруга в числе наследников первой очереди может рассматриваться в качестве особенности российского наследственного права, т. к. в законодательстве некоторых зарубежных стран супруг входит в состав более отдалённых очередей наследников. Так, например, в ГК Испании закреплёно, что переживший супруг относится к наследникам третьей очереди, он наследует после прямых нисходящих и восходящих, но перед боковыми родственниками [7, с. 492].

На сегодняшний день право наследования пережившего супруга наследодателя, принадлежащее ему в силу завещания или закона, не исключает его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их общей совместной собственностью (ст. 1150 ГК РФ). При этом доля пережившего супруга определяется по правилам, предусмотренным ст. 256 ГК РФ.

Современное российское семейное законодательство признаёт супругами только лиц, которые состоят в зарегистрированном браке, что должно подтверждаться свидетельством о браке. Если граждане России заключили однополый брак в стране, где это разрешено, то данный факт не порождает

никаких правовых последствий, в том числе не наделяет таких супругов наследственными правами, т. к. подобные союзы не легализованы на территории Российской Федерации.

Фактические брачные отношения на сегодняшний день не имеют правового значения. Исключение составляют случаи, когда фактические брачные отношения возникли до 8 июля 1944 г. и продолжались до смерти одного из супругов.

Современное законодательство Российской Федерации о наследовании не рассматривает бывшего супруга в качестве самостоятельного наследника. Аналогичные правила содержатся и в законодательстве ряда зарубежных стран. Так, например, в ГК Франции подчеркивается, что наследственными правами обладает переживший неразведенный супруг (ст. 732) [8, с. 326].

Вместе с тем нормы ГК РФ о наследовании не препятствуют назначению бывшего супруга наследником по завещанию.

Примечательно, что наследственные права супругов никоим образом не уменьшаются в случае фактического прекращения ими брачных отношений и их раздельного проживания. В данных обстоятельствах супруги призываются к наследованию на общих основаниях. Мы разделяем позицию авторов [9, с. 157–159], критикующих подобную практику, и считаем, что такое положение вещей идет вразрез с принципом справедливости.

Говоря о перспективах развития правового регулирования отношений наследования с участием супругов, необходимо отметить, что в настоящий момент подготовлен и внесен в Государственную Думу РФ законопроект, который, в частности, направлен на регламентацию прав супругов в наследственной сфере [10]. Так, предлагается в ст. 1118 ГК РФ предусмотреть правила о совместных завещаниях супругов. По смыслу законопроекта, такие завещания могут быть составлены только супругами, которые состоят в зарегистрированном браке, они могут содержать распоряжения общим и личным имуществом супругов. Примечательно, что в совместном завещании допустимо отступление от установленного ст. 1150 ГК РФ правила о том, что переживший супруг приобретает половину общего имущества супругов. Основанием утраты совместным завещанием силы является факт прекращения брака до смерти одного из супругов, признание брака недействительным, а также составление нового завещания одним из супругов, которое отменяет совместное завещание. Комментируя рассматриваемые законодательные предложения, некоторые авторы, в частности, И. Алещев, отмечают, что с практической точки зрения, предложенные законопроектом изменения сводятся лишь к возможности составления супругами завещания как единого документа и к автоматической отмене такого завещания в случае расторжения брака [11]. Мы не видим острой практической необходимости введения в наше наследственное право института совместного завещания супругов, т. к. существуют иные эффективные инструменты распоряжения супругами своим имуществом, к которым относятся завещание и брачный договор.

Итак, на сегодняшний день именно супруги являются основными наследниками, имеющими право получить имущество при наследовании по закону и по завещанию. Отметим, что современный российский законодатель учитывает имущественные интересы супругов, не только наделяя их правом

наследования, но и гарантируя возможность сохранения части совместно нажитого имущества.

Список литературы:

1. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. — Ростов н/Д.: Феникс, 1995. — 640 с.
2. Мельникова, М.П. Наследственные права супругов в Своде законов Российской империи // Материали за 9-а международна научна практична конференция, «Динамиката на съвременната наука». — София: «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2014. — Т. 4.
3. Мейер, Д.И. Русское гражданское право. Ч. 2 / Д.И. Мейер. — М.: Статут, 1997. — 455 с.
4. Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Т. 6: Право наследования / К.Н. Анненков. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902 // СПС «Гарант».
5. Тютрюмов, И.М. Законы гражданские / И.М. Тютрюмов. — СПб.: Тип. СПб. Т-ва печатн. и изд. дела «Труд», 1915. — 1330 с.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Яшиной Натальи Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1142 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 504-О-О // СПС «Консультант Плюс».
7. Основные институты гражданского права зарубежных стран. — М.: Норма, 1999. — 648 с.
8. Французский гражданский кодекс : учеб.-практ. комментарий. — М.: Проспект, 2008. — 752 с.
9. Казанцева, А.Е. Наследственное право : учеб. пособие / А.Е. Казанцева. — М.: Проспект, 2013. — 352 с.
10. О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации : законопроект № 801269-6. — URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=801269-6&02> (дата обращения: 18.01.2016).
11. Алещев, И. Совместные завещания: хорошая идея, но не лучшая реализация / И. Алещев. — URL: <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/aleshev/679086/#sdfootnotelSYM> (дата обращения: 18.01.2016).

В.А. Мельникова,
*ассистент кафедры административного
и финансового права
Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета*

V.A. Melnikova,
*assistant of the Department of
administrative and financial law
North Caucasian Federal University*
vik647696372008@yandex.ru

101

**Мониторинг прямых иностранных инвестиций,
осуществляемый органами государственной
власти: финансово-правовая специфика**

Аннотация: актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения процесса осуществления мониторинга прямых иностранных инвестиций, поскольку, благодаря его проведению, органы государственной власти осуществляют наблюдение за движением инвестиционных ресурсов за границу и из-за границы, за экономическими показателями деятельности предприятий с иностранными инвестициями, а также анализ, оценку и прогнозирование соответствующих показателей. Одну из главных ролей на сегодняшний день играет Правительство РФ. Согласно Федеральному закону «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и Федеральному конституционному закону

«О Правительстве Российской Федерации» оно разрабатывает и реализует государственную политику в сфере международного экономического, финансового и инвестиционного сотрудничества. Кроме Правительства РФ деятельность в данной области осуществляют: Министерство экономического развития РФ, Федеральная налоговая служба (согласно Федеральному закону «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» юридические лица, являющиеся коммерческими организациями с иностранными инвестициями, подлежат государственной регистрации), Банк России. Согласно Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» полномочия по осуществлению официального статистического учета прямых иностранных инвестиций в Российскую Федерацию и прямых иностранных инвестиций из Российской Федерации были закреплены за Банком России, и в соответствии с Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Банк России самостоятельно формирует статистическую методологию исходящих и входящих прямых инвестиций, перечень респондентов, утверждает порядок предоставления ими первичных статистических данных о прямых инвестициях, включая формы федерального статистического наблюдения. Кроме того, в статье уделяется внимание проводимой реформе системы органов государственной власти, осуществляющих мониторинг прямых иностранных инвестиций, и ее результатам.

Ключевые слова: инвестиции, мониторинг, контроль, статистика, прогнозирование, регистрация, планирование, учет.

Financial and legal specifics of the monitoring of foreign direct investment undertaken by the public authorities

Abstract: the relevance of the article due to the need to examine the process of implementation of monitoring of foreign direct investment because, due to his conduct of the state authorities monitor the movement of investment resources abroad and from abroad, the economic indicators of enterprises with foreign investments, as well as analysis, evaluation and prediction of the relevant indicators. One of the main roles to date, playing the government of the RF TC. according to the Federal law "On foreign investments in the Russian Federation" and the Federal constitutional law "About the government of the Russian Federation" it develops and implements the state policy in the sphere of international economic, financial and investment cooperation. In addition to Government activity in this area is exercised by the Ministry of economic development of the Russian Federation (Ministry of economic development), the Federal tax service (according to the Federal law "On foreign investments in the Russian Federation" legal persons that are commercial organizations with foreign investments are subject to state registration), the Bank of Russia, maybe. according to the Federal law "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with transfer to the Central Bank of the Russian Federation of powers on regulation, control and supervision in the sphere of financial markets" the exercise of official statistics of foreign direct investment in the Russian Federation and foreign direct investment from the Russian Federation were assigned to the Bank of Russia, and under the Federal law "About Central Bank of the Russian Federation (Bank Russia)" the Bank of Russia is responsible for generating the statistical methodology outbound and inbound direct investment, the list of respondents approve the procedure for submission of primary statistical data on direct investment, including the forms of Federal statistical observation. In addition, the article pays attention to the ongoing reform of public authorities, in charge of monitoring foreign direct investment, and results.

Keywords: investment, monitoring, control, statistics, forecasting, registration, planning, accounting.

Деятельность органов государственной власти по мониторингу прямых иностранных инвестиций за границу (исходящие прямые инвестиции) и из-за границы (входящие прямые инвестиции), за экономическими показателями деятельности предприятия представляет собой наблюдение за движением инвестиционных ресурсов предприятий с иностранными инвестициями и филиалов иностранных юридических лиц, а также анализ, оценку и прогнозирование соответствующих показателей.

Согласно статье 23 Федерального закона от 9 июня 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [1] и ст. 14 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [2] Правительство РФ разрабатывает и реализует государственную политику в сфере международного экономического, финансового и инвестиционного сотрудничества.

Федеральным органом исполнительной власти, ответственным за координацию деятельности других федеральных органов исполнительной власти по привлечению прямых иностранных инвестиций в российскую экономику, как видно из п. 5 Постановления Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 437 «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» [3], является Министерство экономического развития РФ. Оно обладает полномочиями по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти при осуществлении государственного контроля (надзора) и лицензирования.

Следует отметить, что вопросы государственного контроля и надзора в инвестиционной сфере отнесены к исключительному ведению Российской Федерации.

Мониторинг прямых иностранных инвестиций осуществляется при реализации функций различных федеральных органов государственной власти, а именно: 1) при государственной регистрации российских коммерческих организаций с иностранными инвестициями; 2) при аккредитации филиалов и представительств иностранных юридических лиц; 3) в ходе контроля за осуществлением иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства; 4) в процессе статистического учета прямых иностранных инвестиций.

В соответствии с ч. 2 ст. 20 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» юридические лица, являющиеся коммерческими организациями с иностранными инвестициями, подлежат государственной регистрации. В ходе государственной регистрации юридических лиц с иностранными инвестициями Федеральная налоговая служба фиксирует в Едином государственном реестре юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) данные об уставном капитале, в котором видна иностранная составляющая.

Так, согласно пп. «д» и «к» ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в ЕГРЮЛ содержатся следующие сведения о юридическом лице: а) об учредителях (участниках) юридического лица в отношении обществ с ограниченной ответственностью, в отношении акционерных обществ также сведения о держателях реестров их акционеров; б) о размерах и номинальной стоимости долей в уставном капитале общества, принадлежащих обществу и его участникам; в) о размере указанного в учредительных документах коммерческой организации уставного капитала.

Мониторинг прямых иностранных инвестиций осуществляется и в процессе аккредитации филиалов и представительств иностранных юридических лиц. В соответствии со ст. 21 Федерального закона «Об иностранных

инвестициях в Российской Федерации» аккредитация представляет собой форму государственного контроля за созданием, деятельностью и ликвидацией филиала иностранного юридического лица.

Свою специфику имеет контроль за осуществлением иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Направлениями данного вида государственного контроля являются: предварительное согласование сделок, в результате которых устанавливается контроль иностранного инвестора над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение, и рассмотрение уведомлений о приобретении иностранным инвестором пяти и более процентов акций таких обществ. Предварительное согласование сделок имеет своей целью недопущение монополизации рынка иностранными инвесторами и снижения конкуренции.

Согласно статье 7 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» предварительному согласованию подлежит ряд сделок, в результате совершения которых иностранный инвестор или группа лиц приобретают: а) право прямо или косвенно распоряжаться более чем 50 % уставного капитала; б) право назначать единоличный исполнительный орган или более чем 50 % состава коллегиального исполнительного органа общества, или безусловную возможность избирать более чем 50 % состава совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления и в других случаях.

В соответствии со ст. 14 Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» иностранные инвесторы обязаны представлять в Федеральную антимонопольную службу [4] информацию о приобретении пяти и более процентов акций (долей), составляющих уставные капиталы хозяйственных обществ, имеющих стратегическое значение.

Говоря о мониторинге прямых иностранных инвестиций, необходимо отметить, что он осуществляется также путем их статистического учета. Статистическое исследование является методом мониторинга прямых иностранных инвестиций.

Правовые основы государственного статистического учета в России установлены Федеральным законом от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» [5], в ч. 5 ст. 5 которого закреплено положение о реализации официального статистического учета на основе федерального плана статистических работ, утверждаемого Правительством РФ. Федеральный план предусматривает осуществление статистического учета показателей прямых инвестиций в Россию по странам — партнерам, субъектам Федерации, видам экономической деятельности и инструментам, а также показателей прямых инвестиций из России [6].

С учетом понятия прямых иностранных инвестиций, закрепленного в Федеральном законе «Об иностранных инвестициях в Российской

Федерации», статистический учет охватывает иностранные инвестиции, произведенные прямыми инвесторами — юридическими и физическими лицами, полностью владеющими юридическим лицом или обладающими контролем над не менее чем 10 % его акций или уставного (складочного) капитала, что позволяет участвовать в управлении предприятием.

Как отмечается в Методологических положениях по организации статистического наблюдения за движением иностранных инвестиций в соответствии с руководством по платежному балансу [7], статистическое наблюдение осуществляется за накоплением, поступлением, погашением (выбытием) инвестиций, а также за переоценкой и прочими изменениями активов и обязательств по иностранным инвестициям.

Федеральным законом от 23 июня 2013 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» [8] полномочия по осуществлению официального статистического учета прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации и прямых иностранных инвестиций из Российской Федерации были закреплены за Банком России. Данные полномочия реализуются в рамках таких функции Банка России, как анализ и прогнозирование состояния национальной экономики. Статистика иностранных инвестиций формируется Банком России в составе финансового счета платежного баланса и международной инвестиционной позиции Российской Федерации.

В соответствии с п. 16.3 ст. 4 Федерального закона от 10 июня 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [9] Банк России самостоятельно формирует статистическую методологию исходящих и входящих прямых инвестиций, перечень респондентов, утверждает порядок предоставления ими первичных статистических данных о прямых инвестициях, включая формы федерального статистического наблюдения.

Как отмечается в Докладе «О результатах и основных направлениях деятельности Минэкономразвития России на 2013–2015 годы», «Необходимость закрепления функции по осуществлению статистического учета прямых иностранных инвестиций за Банком России обусловлена рекомендациями ОЭСР, согласно которым эта функция должна осуществляться организацией, независимой от правительства государства» [10]. Таким образом, законодательные нововведения относительно данных статистики прямых иностранных инвестиций обеспечивают соответствие требованиям международных организаций.

Кроме того, монополизация полномочий Банка России в рассматриваемой сфере позволит избежать дублирования компетенции с Госкомстатом России и достигнуть максимального охвата потоков инвестиционного капитала за счет включения в предмет статистического наблюдения наряду с реальным сектором экономики ее финансового сектора.

На сегодняшний день реформа системы органов государственной власти, осуществляющих мониторинг прямых иностранных инвестиций, выражает тенденцию отхода от дублирования полномочий и параллелизма путем сужения круга компетентных органов государственной власти.

Наделение вышеназванными полномочиями органов государственного финансового контроля — Федеральной налоговой службы и Банка России — свидетельствует о смещении акцентов в механизме мониторинга прямых иностранных инвестиций от статичного наблюдения к прогнозированию состояний национальной экономики с целью реализации фискальной функции государства и обеспечения его финансовой безопасности.

Повышению эффективности мониторинга прямых иностранных инвестиций могло бы способствовать закрепление на законодательном уровне его понятия, целей и системы органов, участвующих в его осуществлении. Целесообразным видится внесение дополнений в ст. 2 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» для установления понятия «мониторинг прямых иностранных инвестиций», а также дополнение названного Закона новой статьей «Полномочия органов государственной власти в области мониторинга прямых иностранных инвестиций», в которой были бы заложены правовые основы их полномочий и взаимодействия.

Список литературы:

1. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 9 июня 1999 г. № 160-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1999. — № 28, ст. 3493; 2014. — № 6, ст. 563.
2. О Правительстве Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1997. — № 51, ст. 5712; 2014. — № 11, ст. 1088.
3. О Министерстве экономического развития Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 437 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2008. — № 24, ст. 2867; 2014. — № 21, ст. 2712.
4. Об утверждении Положения о ФАС : постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 31, ст. 3259; 2013. — № 45, ст. 5822.
5. Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2007. — № 49, ст. 6043; 2013. — № 30, ч. 1, ст. 4084.
6. Постановление Госкомстата России от 28 октября 2002 г. № 204. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Методологические положения по организации статистического наблюдения за движением иностранных инвестиций в соответствии с руководством по платежному балансу // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2013. — № 30, ч. 1, ст. 4084; 2014. — № 30, ч. 1, ст. 4224.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков : федеральный закон РФ от 23 июня 2013 г. № 251-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 28, ст. 2790; 2014. — № 30, ч. 1, ст. 4219.
9. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/about/rukdocmin/doc20130429_05 (дата обращения: 02.09.2014).
10. Мироненко, А.А. Административно-правовое регулирование иностранных инвестиций в РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Мироненко. — М., 2009. — 23 с.

• ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ •

К.Б. Донцова,
аспирант
кафедры теории государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

K.B. Dontsova,
postgraduate
the department of theory of state and law
of Saratov State Law Academy

К вопросу о необходимости разграничения в общей теории права понятий «юридический процесс» и «юридическая процедура»

Аннотация: в статье раскрываются вопросы общетеоретического разграничения понятий «процесс» и «процедура» в отечественной юриспруденции. Рассматриваются доктринальные концепции широкого и узкого понимания юридического процесса. Обосновывается утверждение о необходимости четкого разграничения понятий юридического процесса и юридической процедуры. Доказывается, что юридический процесс и регламентирующие его виды, соответствующие отрасли процессуального права, имеют иную природу, нежели юридические процедуры, составляющие форму осуществления таких видов правоприменительной деятельности, как государственная регистрация сделок с недвижимостью, нотариальное удостоверение, регистрация юридических лиц, налоговое администрирование и др. Критически оценивается попытка ряда исследователей по расширению объема понятия процессуального права. Отмечается недопустимость упрощенного понимания сходства процедурных и процессуальных норм в виде их единства на практике и теоретического обобщения в рамках одной понятийной конструкции «процессуальное право».

Ключевые слова: система права, процессуальное право, юридический процесс, юридическая процедура.

To the question about the necessity of differentiation in the general theory of law concepts of “legal process” and “legal procedure”

Abstract: the article describes the general theoretical issues of delimitation of the concepts “process” and “procedure” in russian jurisprudence. Discusses the doctrinal concepts of “broad” and “narrow” understanding of the legal process. A statement is substantiated the need for a clear distinction between the notions of legal procedure and legal procedures. It is proved that the legal process and regulating the types of corresponding fields of procedural law are of a different nature than legal procedures, constituting a form of these types of enforcement activities, state registration of transactions with real estate, notarization, registration of legal bodies, tax administration, etc. Critical evaluation of the attempt of some researchers towards extending the notion of procedural rights. It is noted the inadmissibility of a simplified understanding of similarity procedural, and procedural rules in the form of their unity in practice and theoretical generalization within a single conceptual construction of “procedural law”.

Keywords: system of law procedural law, legal process, legal procedure.

107

Одним из центральных вопросов дискуссии вокруг проблемы соотношения материального и процессуального права является понимание самого процессуального права, юридического процесса. Соотношение материального и процессуального в праве базируется на двух достаточно противоположных методологических подходах в юриспруденции, которые условно зачастую определяются как широкая и узкая трактовки природы юридического процесса.

Широкой подход к пониманию процессуального права базируется на исходной методологической установке о его соотношении с материальным правом посредством философских категорий содержания и формы. Узкое понимание процессуальной составляющей в системе права апеллирует к собственной специфике юридической материи, традициям в правовой науке и практике, ссылаясь на недопустимость объединения в рамках одного понятия совершенно разных по своей природе явлений — с одной стороны, процессуальной деятельности в рамках судопроизводства, с другой стороны, юридических процедур, имеющих место в иных видах правоприменительной деятельности.

При всей привлекательности для общей теории права идеи единого общего юридического процесса, вбирающего в себя все виды процессов и процедур в праве, следует все же поддержать точку зрения сторонников узкого понимания юридического процесса. Представляется, что юридический процесс и регламентирующие его виды, соответствующие отрасли процессуального права, имеют иную природу, нежели юридические процедуры, составляющие форму осуществления таких видов правоприменительной деятельности, как государственная регистрация сделок с недвижимостью, нотариальное удостоверение, регистрация юридических лиц, налоговое администрирование и др. Основное отличие между юридическим процессом и юридической процедурой можно свести к трем важнейшим моментам — степень сложности, комплексности как самого их содержания, так и форм юридического выражения (закрепления во вне), субъект осуществления и собственно цель.

Попытка расширения понятия процессуального права неизбежно вызывает ряд трудностей в его четком структурно-содержательном определении в системе права. В качестве негативного последствия широкой трактовки юридического процесса имеет место размывание отраслей процессуального права, растворение их отчасти и в отраслях материально-правового характера. Смещение понятий «процедура» и «процесс», на наш взгляд, обоснованно критикуется в юридической литературе.

Задачей науки теории государства и права, как и любой иной общетеоретической дисциплины в системе ряда частных наук, является не просто обобщение, поиск черт сходства, но, в первую очередь, обнаружение действительного единства сложных системных образований, если оно имеет место в практике. Порой, вольно или невольно, допускаются и такие общетеоретические обобщения, выстраиваются общеправовые модели, которые имеют искусственный характер либо предвосхищают желаемый в будущем результат либо преувеличивают ряд черт сходства, возводя их в абсолют, объявляют единым целым разнородные по назначению и степени сложности юридические явления.

Обратимся к отдельным, наиболее значимым аргументам двух обозначенных подходов к пониманию процессуального права. Так, представители узкого, традиционного понимания юридического процесса, признавая факт существенного влияния материального права на процессуальное, приспособления процессуальных предписаний к материальным нормам права, указывают на неточность упрощенного понимания процессуального права как некой производной формы реализации материального права [1, с. 23–31; 2, с. 261; 3, с. 25; 4, с. 321]. При этом исследователи оправданно указывают на

неточность использования философской парной конструкции «содержание — форма» применительно к оценке соотношения и взаимосвязи материального и процессуального права. Так, Л.А. Грось критически оценивает возможность методологического рассмотрения материального и процессуального права с помощью категорий философии «содержание» и «форма» [5, с. 4]. В качестве основного довода указывается на то обстоятельство, что далеко не все нормы материального права реализуются при участии процессуального права.

В новейшей юридической литературе, посвященной общетеоретическому аспекту рассматриваемой проблемы, к сожалению, порой без должной аргументации все большую популярность приобретает широкая трактовка юридического процесса и, соответственно, процессуального права как неотъемлемой формы осуществления всякой отрасли материального права. Однако самая идея подобного видения юридического процесса получила более обстоятельную разработку еще в 70–80-е гг. прошлого столетия [6–8]. Сторонники широкого понимания включают в состав процессуального права наряду с собственно процессуальными отраслями ряд процедурных норм, в том числе предписания, регулирующие деятельность нотариата, органов регистрации актов гражданского состояния, социального обеспечения и др. Действительно, при сопоставлении процессуально регламентированной деятельности суда и правоприменительной деятельности иных органов государственной власти можно провести определенные параллели и зафиксировать некоторые черты сходства. Однако возникает закономерный вопрос: насколько обнаруженные общие черты позволяют вести речь о тождественности природы рассматриваемых явлений и не нивелируются ли тем самым более важные признаки различия между познаваемыми объектами?

При ответе на данный вопрос позиция представителей узкой трактовки процессуального права заметно выигрывает как в содержательно-теоретическом, так и в сугубо прикладном, научно-практическом плане. Так, А.Т. Боннер отмечал недопустимость упрощенного понимания сходства процедурных и процессуальных норм в виде их единства на практике и теоретического обобщения в рамках одной понятийной конструкции «процессуальное право», а также неточность и неполноту трактовки понимаемого в таком виде процессуального права как формы, производной от материально-правового содержания [1, с. 24].

Подчеркнем, что реализация норм материального права далеко не всегда требует своего оформления в виде определенной процессуальной формы, что весьма характерно для осуществления права в форме добровольного соблюдения, исполнения и использования. Данный факт уже не соответствует императивной философской установке о неразрывности содержания и формы. Кроме того, не вполне верна отсылка сторонников широкого понимания процессуального права и к обстоятельству о потребности реализации части материальных норм в рамках отдельных процедур. В данном случае речь идет уже не о предписаниях, регламентирующих сложную системную процессуальную деятельность специализированного органа государственной власти — суда, а о процедурных нормах, включенных в содержание ряда отраслей материального права, которые не обладают необходимым уровнем системной организации (не объединены в относительно самостоятельные отрасли процессуального права) и в структурно-содержательном плане представляют собой обособленные институты или субинституты права.

Следовательно, в рамках конструкции широкого понимания процессуального права и юридического процесса получают отражение существенно различающиеся по степени сложности и юридической природе явления, что вызывает определенную терминологическую «путаницу», размывает структуру системы российского права, приводит к упрощенному видению проблемы соотношения материального и процессуального права, не позволяет увидеть необходимых различий между юридическим процессом и юридической процедурой, процедурным институтом и процессуальной отраслью права.

Подводя итог вышеизложенному, полагаем более верным в методологическом, теоретическом и практическом аспектах опираться в научном познании на концепцию узкого понимания процессуального права, что способствует отражению действительных закономерностей построения и функционирования системы российского права.

Список литературы:

1. Боннер, А.Т. К. Маркс о соотношении материального права и процесса // Правоведение. — 1978. — № 4. — С. 23–31.
2. Васильев, А.М. Правовые категории. Методические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. — М.: Юрид. лит-ра, 1976. — 264 с.
3. Гукасян, Р.Е. Влияние материально-правовых отношений на форму процесса в исковом производстве // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Вып. 1. — Саратов, 1976. — С. 18–31.
4. Теоретические проблемы хозяйственного права / под ред. В.В. Лаптева. — М.: Наука, 1975. — 414 с.
5. Грось, Л.А. Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л.А. Грось. — Хабаровск, 1999. — 46 с.
6. Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В.М. Горшенев. — М.: Юрид. лит-ра, 1972. — 258 с.
7. Краснов, Н.И. Процессуальные вопросы советского земельного права / Н.И. Краснов, И.А. Иконицкая. — М.: Наука, 1975. — 151 с.
8. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло и В. М. Горшенева. — М.: Юрид. лит-ра, 1976. — 279 с.

Е.Ю. Архипова,
аспирант

кафедры теории государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

Е.Yu. Arkhipova,
graduate student,
Saratov State Law Academy
tgp@ssla.ru

Роль неюрисдикционного процесса в правовой жизни российского общества

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью комплексного исследования роли неюрисдикционного процесса в правовой жизни современного российского общества. Целью статьи является определение понятия неюрисдикционного процесса, анализ его места и значения в современных условиях развития государства и общества с учетом влияния факторов глобализации и регионализации. Достижению указанной цели способствовало использование общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой)

методов. Характерные для всех сфер человеческой жизнедеятельности процессы глобализации и регионализации свойственны и для правовой жизни современного российского общества. Указанные процессы служат причиной появления новых категорий, не имеющих своего теоретико-эмпирического разрешения, к числу которых и относится неюрисдикционный процесс. В статье делается вывод о том, что большое значение для уяснения роли неюрисдикционного процесса в правовой жизни современного российского общества имеет совокупность детерминирующих факторов, ведущим из которых является экономика. Свободное перемещение капиталов, товаров и услуг нуждается в быстром и оперативном урегулировании, поэтому жесткие юридические регламентации становятся просто непригодными. Неюрисдикционный процесс как способ саморегуляции исключает вовлечение в структуру связей жестко регламентированных формально-юридических процедур и бюрократических издержек, поэтому необходимость существования неюрисдикционного процесса и его эффективное функционирование в правовой жизни современного российского общества не вызывает сомнений.

Ключевые слова: правовая жизнь, неюрисдикционный процесс, правовые режимы, законный интерес, субъекты права, саморегуляция, глобализация.

The role of non jurisdictional process in legal life of Russian society

Abstract: relevance of article is caused by importance of complex research of a role of non jurisdictional process in legal life of modern Russian society. The purpose of the present article is definition of concept of not jurisdictional process, the analysis of its place and value in modern conditions of development of the state and society taking into account influence of factors of globalization and regionalization. Achievement of the specified purpose promoted use of such methods as general scientific (dialectic, the analysis, synthesis) and private and scientific (legallistic, comparative and legal). The author draws a conclusion that processes of globalization and regionalization, characteristic for all spheres of human activity, are peculiar and for legal life of modern Russian society. The specified processes bring to life problems in the form of emergence of the new categories which don't have the teoretiko-empirical permission to which number non jurisdictional process belongs. In conclusion of article is drawn that set of the determining factors is importance for explanation of a role of non jurisdictional process in legal, specially the economy. Free movement of the capitals, goods and services needs fast and expeditious settlement therefore rigid legal regulations become simply unsuitable. Non jurisdictional process as a way of self-control excludes involvement in structure of communications of rigidly regulated legallistic procedures and bureaucratic expenses therefore existence of not jurisdictional process and its effective functioning in legal life of modern Russian society doesn't raise doubts.

Keywords: legal life, non jurisdictional process, legal regimes, legal interests, legal subjects, self-regulation, globalization.

Современные тенденции общемирового развития характеризуются возникновением и функционированием нового тренда — глобализационных процессов. Они происходят во всех сферах человеческой жизнедеятельности, в том числе и в правовой жизни современного российского общества. Глобализация и регионализация правовой жизни проявляются в существенном снижении функциональной роли формально-юридических стандартов. Данное обстоятельство ведет к утрате авторитета ценностных установок правовой системы страны.

Особенно ярко отмеченная тенденция проявила себя в международных отношениях, характеризующихся высоким уровнем правотворческой деятельности в различных международных инстанциях, что существенно увеличивает пределы правового информационного поля и количественный потенциал принимаемых нормативных правовых актов. Тем не менее в правовой жизни современной цивилизации наблюдается рост уровня юридического нигилизма. Он создает все необходимые предпосылки для отрицательной внутрискруктурной динамики правовой жизни.

Правовая жизнь — это разновидность жизни социальной. Она представляет собой достаточно емкую и функционально неоднородную категорию. Отражением данного качества выступает неоднозначная и противоречивая понятийная форма выражения рассматриваемого явления в общей теории государства и права. В частности, конструкция правовой жизни включает в свою структуру практически все юридические явления как позитивного, так и негативного порядка [1, с. 14]. Сложность системно-структурной определенности правовой жизни позволяет говорить о ней как о диссипативной открытой системе, или макросистеме [2, с. 117].

Отражением указанных качеств выступают формы движения правовой материи. Они разновекторны: с одной стороны, принимаются меры по борьбе с преступностью, а с другой — высокопоставленные чиновники достаточно регулярно освобождаются от юридической ответственности. Поэтому не всегда заявленные цели механизма правового регулирования дают должный эффект в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, укреплении законности и правопорядка. В связи с этим правовая жизнь нуждается в четком и ясном обозначении границ использования юридических средств.

Правовая жизнь направлена на оптимизацию социально-экономических отношений с целью предупреждения негативных тенденций развития общества и государства. Поэтому правовая жизнь — это основа защиты прав и свобод граждан, повышения уровня правовой культуры общества. Степень материализации правовой жизни влияет на упорядоченность и организованность образа жизни личности и ее юридического бытия, управление процессами правового развития и совершенствования государственного механизма [3, с. 20].

Правовая жизнь отражает приоритеты юридической практики, ориентируя соответствующих субъектов правоотношений на решение стоящих перед обществом проблем. Формальным основанием правовой жизни являются конституционные и общепризнанные международные нормы и принципы права. Они предполагают, что приоритетом в правовой жизни должна быть защита прав и законных интересов граждан. Достижение отмеченной цели невозможно без комплексного решения социально-экономических проблем. Они затрагивают устои правовой жизни страны, экономическое и культурное развитие государства. Поэтому формирование правовой системы в условиях глобализации является для правовой жизни одним из приоритетов.

Именно развитие правовой жизни и правовой системы определяется направлениями правотворческой, правоприменительной деятельности. Единство и взаимодействие правовой жизни и правовой системы открывает широкие перспективы по совершенствованию государственно-правовых форм организации жизнедеятельности общества, что требует эффективного правового регулирования отношений власти и общества.

Действительность настоящего времени такова, что глобальные процессы ставят перед правовой жизнью новые проблемы, которые не имеют своего теоретико-эмпирического разрешения. К числу таких юридических феноменов относится неюрисдикционный процесс. Как правовое явление неюрисдикционный процесс давно известен в практике правовой жизни. Однако степень его использования в различные периоды — эпоха Средневековья

[4, с. 111], в некоторой степени Новое время, советский период [5] — не отличается единообразием. Более того, имеет место негативное отношение к его внедрению в правовую жизнь. Отражением данной тенденции является отсутствие четкости в понимании природы неюрисдикционного процесса.

В правовой жизни российского общества остро стоит вопрос о функциональной стороне неюрисдикционного процесса в различных видах отношений. Этот вопрос приобретает актуальное значение в правовой жизни как одно из важнейших средств обеспечения интересов в разрешении конфликтов.

Приведенные суждения имеют под собой соответствующие основания. В постиндустриальном обществе догматические формально-юридические конструкции утрачивают свою былую оперативность при разрешении юридических казусов. Особенно ярким примером является финансово-хозяйственная сфера правовой жизни, где динамика связей и результатов требуют эффективного обеспечительного механизма с соблюдением всех атрибутов конфиденциальности. Именно быстрота, высокая степень сохранения финансовой тайны и прозрачности операций выдвигают неюрисдикционный процесс в число базовых элементов правовой жизни. Этот процесс в финансово-хозяйственной сфере обеспечивает достижение результата с наименьшими потерями и рисками.

Нормы действующего законодательства позволяют интерпретировать неюрисдикционный процесс как саморегулируемую модель действий субъектов. Такой вид поведения сторон приводит к последовательной смене состояний связей между участниками по обеспечению своего обоснованного интереса. Следует указать, что, хотя данный порядок и не предусмотрен юридическими предписаниями, в силу общих принципов права его фактическое выполнение может порождать права и обязанности у сторон.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства, можно констатировать, что поведение субъектов носителей прав и обязанностей — это содержание неюрисдикционного процесса, а его цель — обеспечение сторонами своего законного интереса. Неюрисдикционный процесс характеризуется стадийностью, а его результатом является сложившееся состояние, отражающее согласование воли субъектов, свободных в выборе формы выражения своего волеизъявления. Как раз свобода вариантов поведения в неюрисдикционном процессе по обеспечению законного интереса указывает на его саморегулируемый характер.

Принципиальное значение для уяснения роли неюрисдикционного процесса в правовой жизни современного российского общества имеют детерминирующие факторы, перечень которых достаточно широк. Однако в условиях глобализации явным лидером выступает экономика, опосредуемая политическими и иными интересами. Свободное перемещение капиталов, товаров, услуг, ресурсов, технологий, характерное для правовой жизни государства, нуждается в их оперативном сопровождении с целью получения желаемого результата. Соответственно, жесткие юридические регламентации нередко выступают фактическим препятствием на пути решения поставленной сторонами задачи.

Ввиду этого не приводится в исполнение концепция трансграничности во взаимоотношениях различных заинтересованных сторон. Указанные

обстоятельства вынуждают участников социально-экономических отношений искать более эффективные формы взаимовыгодного сотрудничества. Следовательно, такие участники правовой жизни, как государства, корпорации, компании все чаще обращаются к нетрадиционным процессуальным формам, в том числе и к неюрисдикционному процессу как способу саморегуляции. Данный тип процесса исключает вовлечение в структуру связей жестко регламентированных формально-юридических процедур и бюрократических издержек.

Таким образом, правовая жизнь современного российского общества выступает сферой реализации неюрисдикционного процесса, существование и эффективное функционирование которого демонстрирует рост уровня развития общества, переход его на более высокую ступень развития.

Список литературы:

1. Малько, А.В. Правовая система и правовая жизнь: проблемы соотношения конкурирующих понятий // Правовая политика и правовая жизнь. — 2014. — № 2. — С. 8–16.
2. Шундилов, К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения / К.В. Шундилов. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 256 с.
3. Синюков, В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. — 2-е изд. — М.: Норма, 2010. — 672 с.
4. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.Н. Корецкого. — М.: Госюриздат, 1961. — 960 с.
5. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. — М.: Юрид. лит., 1976. — 279 с.

С.А. Балаев,
*старший преподаватель
кафедры государственно-правовых
дисциплин Астраханского филиала
Саратовской государственной
юридической академии*

S.A. Balaev,
*senior lecturer
state and legal disciplines of the Astrakhan
branch of the Saratov state law Academy*

Общетеоретическая модель механизма реализации функции налогообложения Российского государства: понятие и основные элементы

Аннотация: в статье обосновывается актуальность общетеоретического исследования вопросов механизма реализации функций государства на примере налогообложения. Отмечается необходимость пересмотра вопроса о формах осуществления функций государства посредством внедрения в понятийные ряды общей теории государства системной категории «механизм реализации функции государства». Отстаивается позиция, согласно которой функция налогообложения имеет полиструктурное содержание, выражающееся в ряде ее подфункций — фискальной, регулирующей, социальной защиты, экологическо-обеспечительной. Предлагаются авторские определения функции налогообложения и механизма ее реализации. Раскрывается структура механизма реализации функции налогообложения Российского государства. Делается вывод о необходимости учета в теории государства и права современной тенденции по углублению и расширению процесса взаимного обеспечения и переплетения функций государства на практике.

Ключевые слова: функции государства, формы осуществления функций государства, функция налогообложения, механизм реализации функции налогообложения.

The general theoretical model of mechanism of realization of the functions of taxation of the Russian state: the concept and basic elements

Abstract: the article substantiates the relevance of the theoretical research questions of the mechanism of realization of state functions by the example of taxation. There is a need for reviewing the forms of implementation of state functions by introducing in the conceptual rows of the General theory of the state system of the category "mechanism of realization of state functions". Advocated the position that the function of taxation has polystyrene content, expressed in the number of its sub-functions — fiscal, regulatory, social protection, environmental security. Authorial definition of the functions of taxation and mechanism for its implementation. Reveals the structure of the implementation mechanism of taxation of the Russian state. The conclusion about the necessity of taking into account in the theory of state and law of the modern trend to deepen and expand the process of mutual support and interlocking functions of the state in practice.

Keywords: state functions, the forms of implementation of state functions, the function of taxation, the mechanism of realization of functions of taxation

Внутригосударственные преобразования (вхождение в состав России новых субъектов) и внешнеполитические события последнего времени вокруг Российской Федерации, усложняющееся экономическое состояние российского общества, международные санкции и нестабильность в развитии соседних стран вновь актуализируют вопросы трансформации налоговой системы государства, пересмотра приоритетов проводимой им налоговой политики, системного общетеоретического анализа быстроменяющегося государственно-правового пространства и механизма функционирования государства в целом.

Значимость функции налогообложения состоит в том, что она является необходимой финансовой предпосылкой существования самого государства, а, соответственно, и реализации всех прочих направлений государственной деятельности. Во взаимосвязи с функцией налогообложения государство реализует всю систему собственной управленческой деятельности — экономическую, социальную, развитие научно-технического прогресса и культуры, экологическую и др.

Однако далеко не все грани многоцелевой сущности функции налогообложения Российского государства привлекли внимание представителей науки общей теории государства и права [1; 2; 3]. В частности, вовсе не изученными являются в рамках общетеоретического подхода вопросы: о самом механизме реализации функций государства; о подфункции социальной защиты системы налогообложения, о средствах и способах защиты и обеспечения прав налогоплательщиков; об экологической направленности установления и реализации функции налогообложения; о доктринальных началах механизма реализации функции налогообложения; о взаимосвязи структуры и содержания функции государства и механизма ее реализации; о соотношении понятий «механизм государства», «механизм осуществления функций государства» и «формы осуществления функций государства».

Не раскрываются в должной мере в общей теории государства и права проблемы конституционных и иных общеправовых гарантий надлежащей реализации функции налогообложения государства, условий и критериев

эффективности механизма ее осуществления на практике, международно-правовой составляющей процесса реализации и совершенствования функции налогообложения.

В современных условиях требует пересмотра вопрос о формах осуществления функций государства посредством внедрения в понятийные ряды общей теории государства системной категории «механизм реализации функции государства», которая в обязательном порядке не только должна отражать юридические и организационные формы ее осуществления, но и в комплексе демонстрировать системные связи отдельной функции государства (например, функции налогообложения) с другими важнейшими направлениями его деятельности — экономическим, экологическим, социальным.

Представляется перспективным развитие общетеоретической модели полиструктурного содержания функции налогообложения через уточнение ее подфункций — фискальной, регулирующей, социальной защиты, экологической и иных. Данные подфункции выступают критериями структурирования самого механизма реализации функции налогообложения.

С учетом изложенного можно предложить уточненное определение функции налогообложения как базового направления деятельности государства, подразделяемого в структурно-содержательном плане на ряд подфункций (фискальную, регулирующую, социальной защиты, обеспечивательно-экологическую и иные), комплексный характер которого предопределяется его координационно-обеспечительными связями со всеми иными функциями государства в качестве их материально-финансовой основы, а также выражается в межотраслевой нормативно-правовой основе его реализации (включая конституционное, административное, налоговое, бюджетное, гражданское, экологическое, уголовное и другие отрасли законодательства), имеющего своими основными задачами обеспечение постоянного повышения эффективности формирования налоговых доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы государства за счет выстраивания оптимальной системы установления и взимания налогов и акцизов, а также сборов, пошлин и платежей, установление баланса частных и публичных интересов в данной области, защиту прав налогоплательщиков, содействие инновационному развитию экономики и финансовой стабильности государственного управления.

В данной дефиниции особо подчеркивается многоцелевой аспект сущности функции налогообложения в современном государстве, акцент ставится на недопустимости узкой трактовки налогообложения как преимущественно финансово-обеспечительного направления деятельности государства с учетом современного уровня развития российского общества.

Механизм же реализации функции налогообложения представляет собой единую систему правовых, организационных и материально-финансовых средств, объединенных в ряд относительно обособленных подсистем с учетом ранее выделенных в содержании данной функции основных подфункций, ядром которой выступают нормативные правовые акты, затрагивающие различные области налогообложения, и установленная в них собственно система правовых и экономических принципов и правил взимания налогов

и акцизов, сборов, пошлин и платежей, а также комплекс юридических процедур, обеспечивающих осуществление налогообложения.

Полагаем целесообразным выделить следующих структурных частей рассматриваемого механизма:

- нормативно-правовой основы налогообложения в качестве центральной подсистемы механизма, имеющей комплексный межотраслевой характер, в который наряду с собственно налоговым законодательством включаются предписания конституционного, административного, бюджетного, земельного, экологического, уголовного права;

- подсистемы правовых и организационных средств фискальной направленности;

- подсистемы регулятивного воздействия, включающей в себя инструменты стимулирования и ограничения отдельных сфер экономической деятельности (например, правовые льготы, льготные налоговые режимы, налоговые кредиты, дополнительные налоговые ограничения в виде повышенной ставки налогообложения, правовые наказания за налоговые правонарушения и т. д.);

- подсистемы осуществления распределительного воздействия в виде комплекса средств по выстраиванию сбалансированного материально-финансового обеспечения федерального центра и регионов, что находит свое выражение в построении системы налогообложения с учетом принципа федерализма и в ее разделении на федеральные, региональные и местные налоги;

- подсистемы правовой и социальной защиты налогоплательщиков, включающей в себя судебные и внесудебные формы защиты, инструменты дифференцированного налогообложения различных категорий налогоплательщиков в целях выравнивания оказываемого на них налогового давления, внутриведомственные формы контроля и надзора за налоговыми органами, прокурорский надзор и др.;

- подсистемы содействия реализации экологической функции государства, содержащей специализированные налоги, льготы, ограничения и изъятия; подсистемы средств юридической ответственности в сфере налогообложения, включая меры конституционной, уголовной, налоговой, административной и дисциплинарной ответственности;

- подсистемы налоговой правовой политики государства, основным содержанием которой выступают планирование, прогнозирование, разработка стратегических концепций и программ дальнейшего совершенствования реализации функции налогообложения; подсистемы средств международного сотрудничества по вопросам унификации систем налогообложения со странами ЕАЭС, обмена опыта с другими государствами в данной сфере, гармонизации налогового законодательства в целях развития международной торговли (международные договоры, межправительственные соглашения, акты органов межгосударственных объединений, резолюции, международные декларации, модельные нормативные правовые акты и т. д.).

В заключение отметим, что каждая из обозначенных подсистем механизма реализации функции налогообложения содержит в органическом единстве правовые и организационные средства, стимулирующие и ограничивающие инструменты принудительного и убеждающего характера, а также находится в

межотраслевых системных связях с иными базовыми функциями Российского государства. Взаимопереплетение, взаимообеспечение функций государства на практике имеют тенденцию к углублению и расширению, что должно найти отражение и в общетеоретическом учении о функциях государства.

Список литературы:

1. Артемина, Е.В. Налоговая функция современного Российского государства : дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Артемина. — Н. Новгород, 2004. — 175 с.
2. Запорожская, Л.В. Налогообложение и взимание налогов как внутренняя функция Российского государства (вопросы теории) : автореф. дис. канд. юрид. наук / Л.В. Запорожская. — Волгоград, 2004. — 26 с.
3. Сайдаманова, А.А. Налоговая функция государства : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Сайдаманова. — М., 2006. — 175 с.

В.В. Храмушин,

*аспирант кафедры арбитражного
процесса Саратовской государственной
юридической академии*

V.V. Khramushin,

*postgraduate student of the chair of the
arbitration process of Saratov State Law
Academy*

Теоретико-правовые основы юрисдикционной формы защиты конституционных прав граждан в арбитражном процессе

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и практические основы юрисдикционной формы защиты прав граждан. Автор исследует именно государственные формы защиты. В работе отмечаются достоинства и недостатки данной формы, перечень и пределы использования различных процессуальных юридических средств и возможностей арбитражных судов. В частности, обосновывается эффективность защиты субъективных конституционных прав в арбитражном судопроизводстве посредством особого рода процессуальной деятельности, включающей в себя среди прочего систему специальных правовых инструментов, направленных на принудительную защиту нарушенных либо оспоренных прав, свобод, законных интересов индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Одновременно отмечается, что указанные правовые инструменты могут быть выработаны и апробированы на национальном уровне или же инкорпорированы из международно-правовой сферы, что позволяет согласовать и скоординировать весь ход отечественного арбитражного судопроизводства, сделав его наиболее оптимальным как с точки зрения доктринальной, так и с прикладных позиций.

Ключевые слова: юрисдикционные формы; третейский суд; конституционные права граждан; защита прав; арбитражный процесс.

The theoretical and legal basis of the jurisdictional form of protection of citizens constitutional rights in the arbitration process

Abstract: in the present article deals with the theoretical and practical bases of jurisdictional form of protection of citizens' rights. The author examines the state is a form of protection. The work marked the advantages and disadvantages of this form, list, and limits the use of various means of legal proceedings and arbitration courts possibilities. In particular, it substantiates the effectiveness of protection of subjective constitutional rights in the arbitration proceedings by a special kind of procedural activity, including inter alia a system of special legal instruments aimed at the forced protection of violated or disputed rights, freedoms and legitimate interests of individual entrepreneurs and legal entities. At the same time it notes that these

legal instruments can be developed and tested at the national level, or incorporated in the international legal sphere, which allows harmonize and coordinate the entire course of the domestic arbitration proceedings, making it the most optimal from the point of view of doctrine, and applied products.

Keywords: jurisdictional forms; arbitration court; the constitutional rights of citizens; protection of rights; arbitration process.

Известно, что юрисдикционная форма защиты конституционных прав, в зависимости от состава и полномочий органов, выступающих в качестве средства защиты, реализуется в двух формах — государственной и негосударственной. Деятельность судов по выработке индивидуальных правовых предписаний, направленная на обеспечение необходимого результата применения правовых норм, обуславливает широкое толкование юрисдикционной судебной защиты.

В рамках широкого подхода судебная защита понимается как взаимосвязь процессуальных норм и организационно-правовых механизмов их реализации. Как отмечает В.А. Терехин, широкое толкование выделяет ряд специфических свойств системы судебной защиты: юрисдикцию суда как особого рода государственную деятельность, осуществляемую органами правосудия; распространение судебной защиты на неопределенный круг правоотношений; соответствие организационно-правовых основ судебной защиты целям и задачам функции восстановления нарушенных прав и принудительного исполнения обязанностей; независимость суда; детальную регламентацию судебной деятельности; взаимосвязь и инстанционность судебных органов; окончательный характер судебных решений при рассмотрении дела по существу; принудительность исполнения обязанности субъекта, установленной судебным решением [1].

Применительно к вопросу о защите конституционных прав граждан в арбитражном процессе необходимо отметить, что для нее характерны не только приведенные выше общие признаки, но и ряд отличительных, присущих только данной форме деятельности, свойств. Полагаем, что к последним относятся: 1) наличие особого объекта правоотношения — определенных конституционными нормами политических, духовных, личных и материальных благ, составляющих интерес субъекта, обратившегося в арбитражный суд за защитой права; 2) специфика Конституции РФ как материально-правового источника субъективных прав и обязанностей участников правоотношения, обжалованного в арбитражном суде; 3) особенности конституционно-правового статуса субъектов арбитражного процесса; 4) специфика правоприменительной деятельности арбитражных судов, связанная с реализацией п. 1 ст. 15 Конституции РФ; 5) особенности исполнения постановлений арбитражного суда по делам о защите прав и свобод человека и гражданина, прямо предусмотренных Конституцией РФ.

Следует также отметить отраслевую нормативно-правовую основу, источником которой является АПК РФ. Юрисдикционная форма защиты конституционных прав граждан в арбитражном суде предусмотрена, например, п. 1 ст. 13 АПК РФ: «Арбитражные суды рассматривают дела на основании Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской

Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, актов органов местного самоуправления».

Аналогичным содержанием наделены положения п. 1 ст. 308.8 АПК РФ о том, что постановления арбитражных судов подлежат отмене, если обжалуемое постановление нарушает права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации.

Результаты рассмотрения научных подходов различных авторов к пониманию категории «государственная юрисдикционная судебная форма защиты прав» являются основой для разработки определения судебной защиты конституционных прав граждан в арбитражном процессе [2].

В аспекте функционально-предметного подхода судебная защита конституционных прав граждан в арбитражном процессе представляет собой урегулированную нормами права деятельность арбитражного суда по обеспечению необходимого результата применения конституционно-правовых норм в части, касающейся регулирования политических, духовных, личных и материальных благ, составляющих интерес субъекта, обратившегося в арбитражный суд.

С позиций организационно-правовой структуры судебная защита конституционных прав граждан в арбитражном процессе представляется в качестве сложного межотраслевого нормативно-правового института, который закрепляет юрисдикцию арбитражного суда, определяет состав, содержание и особенности приемов и методов восстановления нарушенного права и принуждения обязанного субъекта к осуществлению требуемых законом действий, регламентирует систему и внутреннюю организацию судебных органов в соответствии с целями и задачами норм Конституции РФ, регулирует статус судей арбитражного суда, особенности арбитражной процессуальной деятельности, устанавливает другие гарантии эффективности правосудия, осуществляемого по делам, входящим в компетенцию арбитражных судов.

Список литературы:

1. Терехин, В.А. Право личности на судебную защиту и институт судебной защиты: содержание и соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2009. — № 8. — С. 52–60.
2. Филиппов, П.М. Судебная защита и правосудие в СССР / П.М. Филиппов. — Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1987. — 295 с.

Е.П. Татарина,
ассистент кафедры теории и истории
государства и права
Вятского государственного
университета

E.P. Tatarinova,
assistant Department of theory and history
of State and law of Vyatka State University
ep_tatarinova@vyatsu.ru

О правах женщин «обязываться актами» в России XVIII века

Аннотация: актуальность статьи обусловлена распространяющейся тенденцией повышения роли женщин в экономическом обороте через вступление в обязательственные правоотношения. Влияние женщин на модернизационные процессы в современном обществе невозможно изучить в полном объеме без рассмотрения не только эволюции самих обязательственных правоотношений и актов, закрепляющих эту группу гражданских правоотношений, но и особенностей правового регулирования участия женщин в обязательствах в ходе исторического процесса. Цель статьи — проанализировать особенности правового регулирования участия женщин в обязательственных правоотношениях и оформления его в специальных актах, а также степень влияния этого участия на гражданско-правовой статус женщин в целом. Реализация поставленной цели была достигнута посредством применения как общенаучных (диалектический, анализа, синтеза), так и частнонаучных (исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Автор делает вывод о том, что история становления обязательственного права обладает самобытностью, выраженной в совокупности таких принципов, как сословность правового регулирования и идеи равенства. Данные особенности правового регулирования обязательственных правоотношений в России в XVIII в. способствовали формированию достаточно высокого уровня гражданско-правового статуса женщин в целом.

Ключевые слова: обязательственное право, виды обязательств, договоры, гражданско-правовой статус женщин, обязательственные права женщин, акты XVIII в., крепостные акты.

On women's rights "incur liability acts" in Russia in the 18th century

Abstract: the relevance of the article stems from the growing trend of enhancing the role of women in the economic circulation through entry into liability relationship. Influence of women in processes of modernization in the contemporary society cannot be explored in full, without consideration of not just the evolution of obligatory legal relations themselves and acts that perpetuate this group of civil legal relationships, but also peculiarities of legal regulation of the participation of women in the commitments during the historical process. The purpose of the article is to analyse the peculiarities of legal regulation of women's participation in the obligatory legal relations and design it in special acts, as well as the impact of this involvement on the civil legal status of women in General. The realization of this goal has been achieved by application of both General (dialectic, analysis, synthesis) and astnonau nyh methods (historical, formal-legal, comparative law). The author concludes that the history of the obligations has identity expressed in such principles as legal regulation soslovnost and the idea of equality. Data peculiarities of legal regulation of obligatory legal relations in Russia in XVIII century contributed to the formation of a sufficiently high level civil legal status of women in General.

Keywords: contract law, commitments, contracts, civil liability legal status of women, women's rights, acts of the 18th century, the fortress.

Степень развития обязательственного права, закрепляющего динамику правоотношений, отражает как уровень развития общества в целом, так и его экономическую, политическую и социальную структуру. Именно поэтому, задавшись целью проанализировать особенности правового регулирования участия женщин в обязательственных правоотношениях и особенности его оформления в специальных актах XVIII в., можно

определить и степень влияния этого участия на гражданско-правовой статус женщин в целом.

Рассуждая о многозначности термина «обязательство», Г.Ф. Шершеневич приходит к выводу о том, что чаще всего он используется для определения правоотношения. Однако в законодательстве встречаются и иные подходы к пониманию данного термина. Один из таких подходов заключается в понимании «обязательства» как акта, удостоверяющего само существование обязательственного отношения [1, с. 265]. Это свидетельствует о том, что термины «сделка» и «обязательство» еще не были разделены в сознании законодателя в исследуемый период.

В подобном аспекте рассматривает обязательство и просветитель в области права, Илларион Васильев в своей «карманной» книге для женщин. В главе «О правах женщин обязываться актами» [2] предпринимается попытка рассмотрения перечня самых распространенных актов, стороной которых являются женщины. Анализируя сам перечень этих актов, необходимо обратиться к Соборному уложению 1649 г., которое, по мнению М.Н. Лядащевой-Ильичевой, являлось основным источником обязательственного права в России вплоть до начала XIX в. [3, с. 115]. Так, в Соборном уложении под крепостями понимались не только акты, совершаемые крепостным порядком (дарственные, купчие, закладные), но и все письменные обязательства (заемные, наемные, духовные памяти), договоры, «кабалы всякого рода» [4]. Таким образом, выделялось два уровня актов до введения нотариального порядка: акты, совершаемые крепостным порядком, закрепляющие переход вещных прав на недвижимость, и акты явные, вносимые в книгу крепостных дел только для засвидетельствования [5].

Самыми распространенными актами в исследуемый период были купчие крепости. Чаще всего женщины выступали как продавцы земельной собственности, доставшейся им в качестве наследства или приданого. Необходимо отметить тенденцию возрастания участия женщин в обязательствах: в середине XVIII в. женщины стали в два раза чаще, чем в начале века, выступать в качестве продавцов земли, чему, несомненно, способствовали действующие и принятые в тот период законодательные акты — Указ о единонаследии 1731 г., Жалованная грамота дворянству 1785 г. В соответствии с последней покупательницами деревень могли быть как дворянки «природные», так и жены и дочери военных и гражданских штаб- и обер-офицеров, российских кавалеров, за исключением купцов. Интересно, что право покупки деревни было закреплено и за дворянками, вышедшими замуж не за дворянина, что свидетельствует о сохранении дворянского статуса и после такого замужества [6].

Часто предметом сделки становились крепостные крестьяне, продажа которых во второй половине XVIII в. вышла на первое место, взамен выдачи отпускных грамот, которые преобладали в начале века. Отпускные грамоты служили видом соглашения, по которому предоставлялась свобода (воля) холопам; одним из обязательных условий являлось написание грамоты собственноручно владельцем этого холопа или выдача отпускной в судебном порядке. Сложная процедура и послужила причиной предпочтения женщинами продажи крепостных, они были источником быстрого получения

наличных денег и присутствовали в качестве приданого в каждой рядной записи, в отличие от земельных наделов [7, с. 65].

Рассмотрим такую разновидность сделок, как рядные грамоты. С одной стороны, они могли закреплять между сторонами условия по выполнению работ или передачу прав в осуществлении какого-либо промысла за часть полученных доходов и поэтому были близки к купчим. С другой стороны, они могли быть брачными соглашениями, закрепляющими сроки свадьбы, перечень приданого. Следует также отметить тенденцию, по которой женщины, получавшие землю с крестьянами в приданое по рядным грамотам, как правило, редко расставались с нею путем продажи во время брака. Вдовство, как правило, меняло ситуацию и предоставляло свободу в распоряжении имуществом, а иногда и вынуждало расстаться с ним, особенно к концу XVIII в.

К концу XVIII в. женщины, участвовавшие в экономическом обороте, накопили достаточное количество недвижимости, которая могла служить объектом закладных, чтобы самостоятельно занимать денежные средства либо «давать заемные акты» по доверенностям, т. е. «верящим письмам». Заемщиками выступали, как правило, женщины дворянского сословия, причем даже близкие ко двору женщины склонны были жить не по средствам, что отражено в неюридических источниках, упоминается в семейных архивах последствий взысканий по долговым обязательствам. Именно по этой причине уже в 1800 г. в Уставе о банкротах закрепляется право дворянок «обязываться заемными письмами», а также право купчих и мещанок давать векселя. Немаловажным являлось закрепление обязанности залогодержателя закладные и заемные письма с залогом предоставлять для взыскания в определенное присутственное место той губернии, где находилось заложенное имение. Интересно, что в качестве кредитов все же чаще выступали представительницы городских сословий, мещанки и купчихи [8].

Среди актов, используемых женщинами, отмечаются также дарственные и раздельные записи, духовные завещания, выводные и иные договоры и контракты.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить позицию представителей Саратовской школы истории права, в частности С.В. Ворошиловой, утверждающей, что «без выяснения истоков зарождения института особого правового положения женщин в России невозможно создать полноценную концепцию правового положения личности» [9], и М.Н. Лядащевой-Ильичевой, отмечающей «самобытность отечественного обязательственного права, выраженную в объединении принципа сословности с идеей равенства» [10]. Данные особенности правового регулирования обязательственных правоотношений в России в XVIII в. способствовали формированию достаточно высокого уровня гражданско-правового статуса женщин.

Список литературы:

1. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. — М.: Спарк, 1995. — 556 с. (по изданию 1907 г.).
2. Фемида, или Начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России на основании существующих законов // Соч. Иллариона Васильева. — М.: Унив. тип., 1827. — URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view&book_id=21242 (дата обращения: 16.10.2015).

3. Лядашева-Ильичева, М.Н. Общая характеристика Соборного уложения 1649 г. // Право. Законодательство. Личность : сборник науч. трудов. — Саратов, 2008. — Вып. 4. — С. 111–118.
4. Соборное уложение 1649 г. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. Гл. X, ст. 240–259.
5. Татаринова, Е.П. Роль института государственной регистрации права на недвижимое имущество и сделок с ним в становлении обязательственного права в России XVII–XIX века / Е.П. Татаринова, К.В. Шалагинова // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции : сборник статей по материалам XLIII Междунар. заоч. науч.-практ. конференции «Научная дискуссия: вопросы юриспруденции». — № 11. — М.: Интернаука, 2015.
6. Жалованная грамота дворянству 1785 года («Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства») — 1783–1796 годы / В.А. Томсинов. — М.: Зерцало, 2011.
7. Ворошилова, С.В. Юридическая природа приданого в XIX веке // Вестник Поволжской академии государственной службы. — 2011. — № 2. — С. 64–69.
8. Голикова, Н.Б. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма. — М., 1970. — С. 247–248.
9. Ворошилова, С.В. Эволюция правового положения женщин в России в XIX — начале XX в. / С.В. Ворошилова. — Саратов: Саратовский источник, 2011. — 363 с.
10. Лядашева-Ильичева, М.Н. Развитие обязательственного права России XIX — начала XX века : дис. ... канд. юрид. наук / М.Н. Лядашева-Ильичева. — Саратов, 2002. — 170 с.

А.Д. Желонкин,
аспирант
кафедры теории государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

A.D. Zhelonkin,
Postgraduate Student,
Department of Theory of State and Law,
Saratov State Law Academy
zhelonkinad@gmail.ru

К вопросу о понятии и классификации функций современного Российского государства

Аннотация: актуальность статьи обусловлена изменяющейся ролью России в организации и регулировании общественной жизни, изменением набора выполняемых государством функций. Государство активно взаимодействует с гражданским обществом, с другими субъектами политической системы, в связи с чем необходимо определиться с формами такого взаимодействия. Цель статьи — рассмотреть функции Российского государства, взаимодействие его целей, задач и функций между собой, обозначить новые признаки функций государства, описать предъявляемые к ним требования. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. У любого явления есть свои собственные функции, которые обязательно связаны с его назначением. Государство представляет собой сложное социальное явление, его познание возможно лишь через рассмотрение его целей и задач. Цели и задачи во многом схожи, но при этом между ними имеется отличительный признак — цель обладает некоторой неопределенностью, в то время как задача всегда конкретна. Автор пишет о том, что функции государства можно именовать такими лишь в том случае, когда они будут отвечать определенным требованиям (например, эффективность, полнота, системность и др.).

Ключевые слова: функция, функции Российского государства, цель, задачи, признаки функций, требования, предъявляемые к функциям, государство.

On the question of definition and classification of the functions of the modern Russian state

Abstract: the relevance of the article due to the changing role of Russia in the organization and regulation of public life, change the set of functions performed. The government is actively cooperates with civil society with other subjects of the political system, and therefore the need to define the forms of such cooperation. The purpose of article — analyze the different definitions of “function”, identify signs of this phenomenon, consider the function of the Russian state, the interaction of its goals, objectives and functions of each other, designate new signs of “state functions”, and based on them to their own understanding of the definition of “state functions”, describe the requirements to the functions of the state. The implementation of the tasks has been achieved with the help of general scientific (dialectical analysis, synthesis) and private scientific methods (legalistic and comparative law). The authors conclude that any phenomenon has its own features that are necessarily linked with the appointment of a particular phenomenon. One of the phenomena can be called a state, which is a complex social phenomenon and requires knowledge that is possible only through the examination of its goals and objectives. Goals and objectives are very similar, but between them there is a distinctive feature — the goal has some uncertainty, while the task is always concrete. The author writes that the functions of the state can be called only if such is the case when they meet certain requirements (eg, effectiveness, completeness, consistency, and other).

Keywords: function, functions of Russia, purpose, objectives, features of functions, requirements for the function, the state.

В настоящее время остро стоит вопрос о роли Российского государства в организации общественной жизни, о формах его взаимодействия с другими субъектами политической системы, а также с гражданским обществом в целом. Увеличение роли государства связано с происходящими кризисными явлениями. Своевременное вмешательство государства в экономическую сферу предотвратило обвал экономики, способствует ее стабилизации, развитию сельского хозяйства, бизнеса [1]. Государство является незаменимым гарантом социального обеспечения, обеспечения законности и поддержания правопорядка. Можно назвать следующие формы государственного взаимодействия: финансовая поддержка, предоставление льгот, разработка целевых программ и стратегий и т. п. Раскроем характер выполняемых государством функций.

Функция (от лат. исполнение, совершение, осуществление) — внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений, например, функции денег, функции государства в обществе и пр. [2]. Функция в математике и логике — зависимая переменная величина; операция сопоставления каждого элемента некоторого класса вполне определенному элементу другого класса [3].

Функция обязательно связана с назначением определенного явления. Ее выполнение зависит от качественного содержания определенного явления — получает проявление вовне, в процессе динамического воздействия на иные явления и процессы.

Функции объекта наделяются необходимыми признаками:

- связь с качественной определенностью объекта (человек не может по своему желанию изменить назначение объекта, на пример, топор предназначен для того, чтобы им рубить, а не пилить);
- объективность (не зависят от воли человека);

-
- воздействие направлено вовне, т. е. когда один объект выполняет свою функцию, он так или иначе воздействует и на другой объект;
 - результат (чаще всего в будущем);
 - многообразие функций.

Поскольку функции свойственны любому явлению, у государства как одного из самых распространенных социальных явлений также имеются свои функции. Изменение государственных задач повлекло за собой и изменение видов функций государства, появление новых. Вместе с тем объективные изменения претерпевают и цели, задачи государства. Перед современным Российским государством стоят следующие цели: увеличение производительности труда, импортозамещение, снижение инфляции и ряд других. Указанных целей можно достичь путем решения таких задач, как модернизация экономики, повышение качества производимых товаров, создание условий для развития новых предприятий и др. Однако для достижения целей необходимо еще и выполнение определенных функций, что говорит о соотношении и взаимосвязи целей, задач и функций государства.

В связи с постоянно меняющейся обстановкой в мире происходят изменения в социальной, экономической, политической сферах государства, изменяется и роль государства. Соответственно, функции государства — это направления деятельности государства на определенном этапе его исторического развития, в которых отражаются:

1) сущность (особая организация политической власти, отражающая сбалансированные интересы всего общества);

2) назначение (государство осуществляет организацию общественной жизни и обеспечивает стабильность общественного развития на основе согласования многообразных общественно значимых интересов в определенных сферах общественной жизни — признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь, единство экономического пространства и т. п.);

3) содержание (предметно определенная управленческая деятельность по организации общественной жизни в различных сферах общественного взаимодействия);

4) комплексность (выполняется всем государственным механизмом в целом);

5) системность (охватывает все сферы жизни общества: придание внутренним функциям значительного международного аспекта, концентрация в масштабах всей планеты капитала, взаимосвязь внутренней и внешней политики государства, рабочей силы, производственных ресурсов, мировое разделение труда, сближение и слияние культур разных стран и прочее).

Таким образом, своеобразие признаков функций государства состоит в следующем: их основой являются сущностная природа и социальное назначение (организация власти, участие в общественных отношениях и их регулирование); государство — единственный официальный представитель всего населения по решению общих дел; содержание и системные свойства функций зависят от целей и задач, стоящих перед государством в определенный

период времени; выполнение функций осуществляется скоординированными действиями всего государственного механизма; внешнее выражение функций проявляется во всех направлениях устойчиво сложившейся, повторяющейся и объективно необходимой предметной деятельности государства; содержание функций выражается в использовании целого комплекса средств, способов и методов управленческого воздействия по решению различных проблем в зависимости от специфики сферы применения.

Функции государства можно именовать таковыми лишь при условии, что они соответствуют определенным требованиям:

- 1) прозрачность (доведение до населения информации об основных направлениях деятельности государства через СМИ);
- 2) легальность (нормативное закрепление функций);
- 3) динамичность (подвижность функций, связанная с изменением их числа и содержания). Существует множество программ и стратегий по развитию государства, той или иной сферы общественной жизни;
- 4) полнота (точное отражение функцией конкретной сферы жизни общества);
- 5) эффективность (правильность выбора методов и способов осуществления функций);
- 6) результативность (достижение поставленных целей);
- 7) интегрированность (упорядочение внутренних и внешних функций государства, их взаимосвязь и неразрывность, вследствие чего они приобретают мировой масштаб);
- 8) системность (совокупность функций, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность);
- 9) оперативность (своевременность постановки и реализации функций).

На современном этапе развития России можно выделить следующие государственные функции: организаторско-хозяйственную, правотворческую, функцию регулирования межнациональных отношений и ряд других. Рассматривая каждую функцию в отдельности, мы увидим, что цели государства состоят в организации общественной жизни, регулировании общественных отношений с помощью права и создании необходимых условий для его существования, устранении межнациональных конфликтов и мн. др.

Любая деятельность государства связана с правотворчеством, в связи с чем на территории России действует огромное количество нормативных актов [4]. Цель правотворческой функции — организация общественной жизни посредством принятия норм, с помощью которых государство формирует общественные отношения, а также регулирует возникающие спорные ситуации. Функция организации экономических отношений осуществляется на основе и в рамках права. Поскольку государство владеет государственными предприятиями, оно является активным участником экономических отношений, получает прибыль, чем и удовлетворяет свои потребности. Ранее такой функции не было, существовала лишь хозяйственно-организаторская функция. Сегодня главной является организационная составляющая, предоставление определенной свободы действующим на территории страны организациям.

Перечисленные факторы способствовали созданию конкуренции, что привело к возникновению антимонопольной функции государства.

Таким образом, в зависимости от объективных условий государство ставит перед собой те или иные цели в интересах общества. Для достижения целей решаются соответствующие необходимые задачи, а вот конкретные действия, выполняемые для их решения, являются функциями. Классификация функций государства претерпевает изменения, поскольку функции служат средством достижения целей, а цели, как мы ранее сказали, на определенных этапах развития государства разные. Следовательно, понятие и признаки государственных функций еще будут меняться.

Список литературы:

1. Архипова, О.В. Эволюция понятий «функции государства» и «провалы государства» // Вестник Челябинского гос. ун-та. — 2010. — № 6. — С. 57–62.
 2. Кондрашин, И.И. Глоссарий философских терминов / И.И. Кондрашин. — М.: Инфра-М, 2006. — URL: <http://terme.ru/dictionary/195> (дата обращения: 10.01.2016).
 3. Григорьева, Л.М. Понятие функции: К проблеме существования объектов математической теории // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та.— 2007. — № 24. — С. 100–103.
 4. Берова, Д.М. К вопросу об определении понятия функций в уголовном судопроизводстве // Общество и право. — 2013. — № 1. — С. 152–158.
-

• ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ •

Методологический семинар в форме круглого стола на тему: «Гражданская самозащита как актуальная проблема российской юридической науки и практики» (17 ноября 2015 г., г. Саратов)

Н.И. Уздимаева,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Мордовского
государственного университета
им. Н.П. Огарева

N.I. Uzdimaeva,
Candidate of Law, Associate Professor,
associate professor of the Chair of Theory
and History of State and Law of the
Ogarev Mordovia State University
nyzdimaeva@mail.ru

Гражданская самозащита как актуальная проблема российской юридической науки и практики

Аннотация: актуальность статьи обусловлена объективной необходимостью активного использования возможностей самозащиты гражданами России, многообразием ее аспектов и недостаточной разработанностью вопросов методологии ее познания. Цель статьи — проанализировать категориальный статус правовой самозащиты и определить проблемные вопросы методологии ее исследования. Обозначенная цель была достигнута посредством общенаучных и частнонаучных методов и подходов познания. Автор отмечает, что самозащиту как правовую категорию можно трактовать как особую неюрисдикционную форму защиты права (первый аспект), субъективное право граждан (второй аспект), способ проявления правовой активности личности (третий аспект), правовое средство, юридическую гарантию защиты иных прав и свобод (четвертый аспект), комплексный правовой институт (пятый аспект). Методология исследования самозащиты включает в себя как методы, так и методологические подходы к ее исследованию. Наиболее продуктивны, по мнению автора, общие и частные (специальные) методы и подходы. К первым отнесены диалектико-материалистический метод, системный, синергетический, уровневый подходы, прогнозирование, семиотика, герменевтический, аксиологический (ценностный) подходы, критический метод и пр. В ряду частных (специальных) и частноправовых методов особое значение имеют исторический, социологический, психологический, формально-юридический (догматический) и сравнительно-правовой методы.

Ключевые слова: гражданская самозащита, методология исследования, диалектико-материалистический метод, формально-юридический (догматический) метод, исторический метод, социологический метод, сравнительно-правовой метод, психологический метод, синергетический подход, системный подход, аксиологический подход, герменевтический подход, семиотика.

129

Civic self-defense as an actual problem of the russian legal science and practice

Abstract: the article topicality is conditioned by the objective necessity of active use of possibilities of self-defense by citizens of Russia, a variety of aspects of recent and not-sufficient elaboration of the methodology of its cognition. The article aims to analyze the categorical status of legal self-protection and to identify problematic issues of the methodology of her research. Marked goal has been achieved by means of general scientific and private scientific methods and approaches of cognition. The author notes that self-defense as a legal category can be interpreted as a special neoris-dictionay the form of protection of

rights (the first aspect), subjective right of citizens (the second aspect), the legal activity of the personality (third aspect), legal remedy, legal protection of other rights and freedoms (the fourth aspect), the integrated legal institution (a fifth aspect). The research methodology of self-defense includes both the methods and methodological approaches to its study. The most-more productive, according to the author, general and specific (special) methods and approaches. The first is related to dialectical-materialist method, system, mam, tiered approaches, forecasting, semiotics, hermeneutic, axiology-ical (value) approaches the critical method and other private (special) and private-legal methods are of special significance for historical, sociological, psychological, formal-legal (dogmatic) and comparative legal methods.

Keywords: *civil self-defense, research methodology, dialectical materialist method, formal-legal (dogmatic) method, the historical method, the sociological method, comparative legal method, the psychological method, a synergistic approach, system approach, the axiological approach, hermeneutic approach, semiotics.*

Проблема самозащиты граждан не случайно все чаще становится в последнее время объектом научной дискуссии.

Самозащита как неюрисдикционная форма защиты прав граждан выражается в организационно связанных и последовательно осуществляемых мероприятиях по защите нарушенных прав и законных интересов, которые лицо может осуществлять самостоятельно. Самозащита имеет односторонний характер. В ходе самозащиты личность сама отражает то или иное посягательство на ее права и интересы или предотвращает реальную угрозу такого посягательства.

Оговоримся, что право на самозащиту — это такая субъективная возможность личности, которая предоставляется ей, чтобы компенсировать некоторую недостаточную эффективность государственно-властной деятельности по обеспечению и защите субъективных прав и законных интересов. Это не значит, что граждане должны использовать право на самозащиту при отсутствии необходимых к тому поводов и оснований. Защита личности — наипервейшая обязанность государства, ради чего оно, собственно, и создавалось.

Однако государство не может всегда «быть рядом», не способно и не должно охранять каждый шаг личности. В некоторых ситуациях, например, при террористических актах, когда гибнут десятки людей, даже спецслужбы государств не могут предотвратить человеческих жертв, а значит, не могут защитить человека. Конечно, в идеале государство и личность должны объединить свои усилия в деле защиты общих интересов. Но граждане должны иметь возможность для самозащиты.

Самозащита как особое правовое средство есть юридическая гарантия, инструмент, потенциальная или реальная возможность использования которого позволяет активно реализовывать и защищать свои права, свободы, обязанности. Достигается это, в первую очередь, путем нормативной регламентации отношений в сфере самозащиты, поскольку государству выгодно включить резервы гражданского самосознания на реализацию мер, укрепляющих правопорядок.

Правовое регулирование самозащиты должно осуществляться так, чтобы личность действовала исключительно в целях защиты нарушенного права и не нарушала прав других. Например, нельзя разрешать всем и каждому пользоваться нарезным оружием или иным образом расширять содержание самозащиты до бесконечности. Имеющиеся модели самозащиты следует оптими-

зировать в соответствии с общественными потребностями. Целесообразно, на наш взгляд, принять на федеральном уровне специальный закон о самозащите.

Сущностно-содержательная характеристика самозащиты и ее законодательная регламентация до недавнего времени почти не разрабатывались, а потому «белых пятен» и «нерешенных вопросов» здесь еще достаточно. Следовательно, необходимо хотя бы кратко коснуться методологии исследования гражданской самозащиты.

Эффективная с точки зрения конечного результата научная методология предполагает некую мировоззренческую концепцию, базирующуюся на плюрализме методов познания и идеологии их использования. Такая идеология не ограничивается только констатацией факта наличия или отсутствия метода (группы методов) или подхода в познании того или иного правового процесса или явления, но и задает целеполагаемый ориентир, настраивает исследователя на достижение определенного результата. Неправильно избранный метод фактически приводит к отрицательному результату.

Значение методологии, по мнению А.А. Алпатова, заключается в том, что она представляет собой «знание, с помощью которого добывается новое знание» [1, с. 4]. Уточним: методология — наука о способах не только познания, но и преобразования действительности. Современная методология в сфере юриспруденции служит инструментарием, позволяющим изучать новые виды человеческой деятельности, одним из которых является самозащита [2, с. 51].

В последнее время все чаще к элементам научной методологии наряду с методами относят и методологические подходы. Учитывая множественность принципов, приемов и собственно способов, которыми может оперировать современный исследователь, считаем возможным рассматривать подходы в качестве самостоятельного элемента методологии познания, в том числе — познания самозащиты.

Поскольку в самозащите как неюрисдикционной форме защиты нарушенного права на первом месте стоит именно субъективная возможность личности добиваться защиты своих прав без обращения к государству, то и в методологии исследования самозащиты акцент должен быть сделан на самой личности. Феномен человека — главный ориентир.

Диалектико-материалистический метод позволяет вычленить юридический аспект самозащиты из неюридического, не «посягая» при этом на множественность форм, методов и средств правового регулирования. Благодаря ему обеспечивается возможность построения категориальных рядов (например, «охрана — защита — юрисдикционная и неюрисдикционная формы защиты права»), размежевание и конкретизация юридического содержания составляющих их понятий. На этой основе выстраивается статус самозащиты как правовой категории, разграничиваются ее аспекты (обозначены выше).

Диалектико-материалистический метод как учение об общих принципах движения и развития природы, общества и мышления позволяет сочетать материальное и идеальное начала мироздания, показывает взаимную обусловленность интересов людей и избираемых ими форм самозащитной деятельности. Через восхождение от абстрактного к конкретному мы формулируем общие нормы права о самозащите.

Системный подход акцентирует, как известно, внимание на существовании связей между различными элементами целого, которые наполняют это целое особым, не присущим каждой отдельно взятой части содержанием и категориальным статусом. Часть целого при этом должна строиться по тому же принципу, что и все целое, а целое всегда обладает свойствами, присущими составляющим его единицам.

С точки зрения синергетического подхода правовая самозащита рассматривается нами как эффективное средство самоорганизации людей и общества в целом. При внимательном изучении оказывается, что самозащита позволяет выживать отдельной личности, государству, мировому сообществу в целом. Самозащита отделяет людей друг от друга, позволяя им сохранять собственные статус и уникальность, и объединяет их в деле достижения совместных целей.

Уровневый подход сочетает элементы сравнения и системности. Применительно к самозащите он позволяет соотнести возможности, процесс ее реализации в индивидуальном порядке (личностный уровень) и коллективными усилиями (групповой или общественный уровень). В масштабах мирового порядка можно вести речь о государственном и межгосударственном уровнях реализации самозащиты.

Прогнозирование самозащиты есть научное предвидение самозащитного поведения и траектории ее реализации субъектом самозащиты. Прогнозировать при этом необходимо как правомерную самозащиту, так и возможность злоупотребления.

Большое значение в исследовании самозащиты имеет семиотика, ориентированная на достижение коммуникативного взаимодействия субъекта. В семиотике важно установить смысл правовых феноменов (обычно текстовых).

Герменевтический подход акцентирует внимание на фактическом взаимодействии субъектов правового общения, характеристике степени усвоения ими правовой информации для собственного «потребления» и последующей ее передачи другим. Учитывается чувственная избирательность и ментальность субъектов самозащиты. Стоящие в основе герменевтики «жизненный опыт и здравый смысл» должны использоваться в современном обществе для стимулирования самозащитной активности граждан.

Аскиологический (ценностный) подход позволяет познать ценностные трансформации права, прежде всего, с позиции морали, ибо моральная и юридическая стороны человеческой деятельности непосредственно связаны и фактически интегрированы в естественном и позитивном праве [3, с. 430]. В контексте данного метода мы признаем важную ценность самозащиты, можем осуществлять юридическую формализацию моральных основ самозащиты в правовые. Самозащита напрямую связана с такими морально-правовыми идеалами, как свобода, справедливость, безопасность, равенство.

Критический метод используется нами для оценки степени соответствия действующих правовых норм потребностям граждан и общества в целом. Именно критика действующего права позволила оценить состояние правового регулирования самозащиты как недостаточное, хотя, как показывает анализ нормативных документов, правотворческая активность Российского государства в сфере самозащиты в последнее время усилилась.

Исторический метод позволяет при изучении самозащиты уяснить этапы ее нормативно-правовой формализации. Исторические обобщения помогают понять и раскрыть логику правового развития, выработать общие категории. Так, интересен переход от примитивных форм самозащиты, использовавшихся в первобытном обществе, к современным (через анализ самозащитных институтов в периоды рабовладения, Средневековья и пр.), вплоть до признания права на самозащиту не только за гражданином, но и за государством.

Социологический метод использован нами, чтобы изучить закономерности развития самозащиты и для установления и раскрытия социальных факторов, способствующих возникновению и развитию института самозащиты. Названный метод сигнализирует о ценностях и интересах, требующих правовой защиты, и необходимости правового регулирования в определенных сферах. Социологические опросы, проводимые в последнее время, показывают, что в системе личностных ценностей граждане на первое место ставят личную безопасность и безопасность своих близких. Почти 66 % россиян оценивают состояние защищенности своих прав как неудовлетворительное [4].

Продуктивен при исследовании самозащиты психологический метод, позволяющий изучать психологические реакции людей на окружающую их действительность, механизмы волевой рефлексии. Значительное внимание в психологическом методе отводится тем ролям, которые выполняет субъект (*ролевой подход*), исследованию внешних сторон человеческой активности (*бихэвиоризм*) и индивидуальных параметров психологии личности (*психоанализ*).

Формально-юридический (догматический) метод ориентирован на определение юридических понятий, выявление внешних признаков правовых явлений, их отличия друг от друга, установление юридических квалификаций, создание на их базе юридических законодательных (легальных) понятий и определений. Догматический метод позволяет систематизировать законодательство о самозащите, объединить разрозненно действующие в этой сфере нормативные правовые акты, определить их смысл и место в системе права и законодательства.

Сравнительно-правовой метод предполагает, как известно, сопоставление правовых норм, институтов и отношений в одной и той же стране в различные периоды времени или в разных странах в контексте микро- и макро- уровней. Цель сравнительно-правового метода — выявить общее и отличительное, позитивное и негативное как в реализации самозащиты, так и в ее регулировании не только в России, но и за рубежом. Только так продуцируются наиболее эффективные и потому востребованные способы самозащиты.

Список литературы:

1. Алпатов, А.А. О методологических проблемах научного исследования права // Актуальные проблемы российского права. — 2010. — № 4. — С. 4–22.
2. Матузов, Н.И. О методологической ситуации в российском правоведении // Вестник Саратов. гос. академии права. — 2008. — № 3. — С. 51–61.
3. Цыбулевская, О.И. Методология исследования нравственных оснований права // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — Саратов: СЮИ МВД России, 2007. — С. 424–443.

4. Белоусова, М. Права человека как зона разногласий и консенсуса элит и населения РФ [Электронный ресурс] / М. Белоусова. — URL: <http://www.hrights.ru/text/b28/Chapter8%201.htm>.

Выступления

С.Ф. Афанасьев,
*доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского
процесса Саратовской государственной
юридической академии*

S.F. Afanasiev,
*Doctor of Law,
Professor of the Department of Civil
Procedure Saratov State Law Academy*

Самозащита как актуальное политико-правовое явление

Self-defense as the current political and legal phenomenon

При формировании государственной правовой политики законодатели и правотворцы в целом ориентируются на создание традиционных способов и средств регулирования сложных общественных отношений. Последние, как правило, представляют собой некие властные предписания, ориентированные на индивида или неопределенный круг лиц и сочетающиеся с разными мерами психического, физического, организационного и иного воздействия. Весьма редко законодатель, особенно российский, имплементирует в современную правовую ткань и политику элементы, не связанные с работой государственного аппарата, а равно принципами императивности и принуждения.

Можно привести лишь отдельные, немногочисленные примеры использования в отечественном материальном и процессуальном праве такой важной категории, как «самозащита». В частности, в уголовном праве самозащита личности реализуется в силу ст. 37 УК РФ, но, как ни парадоксально, она сфокусирована не на естественной возможности гражданина защищаться от внешнего посягательства, а на обеспечении безопасности субъекта, причиняющего вред. Отсюда высокая коллизийность судебной практики при применении ст. 37 УК РФ, с одной стороны, провозглашающей, что не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, но с другой — указывающей на недопустимость превышения рубежей такой обороны.

Казалось бы, в гражданском праве самозащита должна быть не просто имплицитно внедренной категорией, но целостным и комплексным институтом. Однако, к сожалению, это не так. Статья 12 ГК РФ проводит мысль о том, что среди самых разнообразных законных способов защиты гражданских прав и интересов имеется и самозащита, имманентное содержание которой законодателем не раскрывается. Далее в ст. 14 ГК РФ приведенная мысль дополняется директивой о том, что сами по себе способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, нужных

для его пресечения, что конструктивно делает уголовную и гражданскую самозащиту весьма схожими.

Сказанное подтверждается постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором дополнительно поясняется, что самозащита гражданских прав может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество, а также на имущество правонарушителя, если только самозащита обладает признаками необходимой обороны (ст. 1066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ).

В итоге получается, что в российском уголовном и гражданском законодательстве суть самозащиты остается до конца не выясненной, при этом акцент делается на том, что действия по самозащите признаются законными исключительно в тех случаях, когда лицо находится в границах необходимой обороны (крайней необходимости), которые с точки зрения норм права и судебной практики являются оценочными и зыбкими. Как следствие, чтобы ненамеренно не совершить фактическую или юридическую ошибку, дискреция органов правосудия сегодня нацелена совсем не на охрану лица, прибежавшего к самозащите, что еще раз свидетельствует о высокой востребованности фундаментальных научно-практических исследований в данной области. В противном случае правильное и сбалансированное формирование и развитие правовой политики в Российской Федерации не представляется возможным.

О.И. Цыбулевская,
*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории права
Поволжского института управления
им. П.А. Столыпина —
филиала РАНХиГС*

O.I. Tsybulevskaya,
*Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of theory of law
Volga Institute named after P.A. Stolypin
(RANEPA, branch)*

**К вопросу о методологических основаниях
правовых исследований
On the question of methodological grounds of legal
research**

Юридическая практика требует от теории права постоянного совершенствования методологии.

Представляется верной точка зрения, согласно которой универсальных методов решения задач любого типа не существует. В зависимости от объекта и целей исследования упор может быть сделан на инструментальный или антропологический, аксиологический или другие направления научного поиска. Но только вместе, в комплексе они могут дать целостное представление о том или ином сложном явлении.

Быть методологически вооруженным специалистом — это значит уметь пользоваться максимально возможным количеством методов, разумно

их сочетать, компенсировать недостатки одного достоинствами другого. Пригодного на все случаи единственно правильного метода не существует. Любой метод имеет ограниченную область применения и обнаруживает свою зависимость от свойств объекта.

Так, теоретики классических систем естественного права отмечали существование логических и концептуальных связей между правом и моралью, и вряд ли возможно понять, что такое право, не обращаясь к нравственности. Позитивизм отрицает нравственную ценность права, подменяя ее функциональным значением правовых регуляторов в общественной жизни и не признавая разграничение права, какое оно есть, и права, каким оно, с точки зрения морали, должно быть. Но, даже Г. Харт, крупнейший из позитивистов современности, вынужден признать, что право и мораль регулируют поведение людей по отношению к человеческим ценностям, и уже в силу этого они будут пересекаться, поскольку вынуждены заниматься одними и теми же темами. Эти темы являются естественными условиями человеческого существования, поэтому пересечение права и морали можно рассматривать в качестве уступки теории естественного права. Следует, видимо, согласиться с тем, что право не может быть всецело сведено ни к материальным условиям того общества, которое его порождает, ни к соответствующей системе идей и ценностей. В истории, в реальной жизни ни одно из них не определяет другое, они обычно идут вместе. Поэтому решающая роль принадлежит то одному, то другому. В своем исследовании правовых явлений социальная теория должна делать упор на взаимодействии духа и материи, идей и опыта. Она должна свести воедино все три традиционные школы и создать интегрированную, единую юриспруденцию (Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 57).

Востребован применительно к предмету настоящего исследования методологический потенциал современной герменевтики и феноменологии. Однако центральным методом, объединяющим и интегрирующим многие подходы к проблеме самозащиты, является антропологический, который изучает человека во всей его целостности. Антропологическая установка имманентно содержит в себе ценностный подход.

Аксиологический подход (от греч. *axia* — **ценность** и *logos* — **учение**) — составная часть историко-философского анализа проблемы — особо выделяется среди многообразия подходов к пониманию нравственно-правовых явлений. Основные трудности реализации аксиологического подхода состоят в том, что по способам своего бытия ценности имеют самый сложный, многоуровневый характер. Они существуют и функционируют объективно в практике реальных социальных отношений и субъективно осознаются и переживаются как ценностные категории, нормы, цели и идеалы, которые, в свою очередь, через сознание и духовно-эмоциональное состояние людей и социальных общностей оказывают обратное воздействие на все сферы человеческой жизни.

В новейшей юридической литературе все большее признание находит понимание необходимости философского осмысления правовой проблематики. В полной мере это касается самозащиты — феномена, имеющего нравственно-

правовую природу, исследование которой невозможно осуществить, не опираясь на прочное философское обоснование.

Т.В. Милушева,
*доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
и процесса Поволжского института
управления им. П.А. Столыпина —
филиала РАНХиГС при Президенте РФ*

T.V. Milusheva,
*Doctor of Law, Associate Professor,
Head of Department of Civil Law and
Procedure Volga Institute
named after P.A. Stolypin
(RANEPA, branch)*

Гражданская самозащита: антропологическое измерение **Civic self-defense: the anthropological aspect**

Исследование проблем гражданской самозащиты требует междисциплинарного подхода. Как верно подмечено, для юридических исследований, ориентированных на современные требования к науке и научному знанию, методологическая состоятельность выступает условием научной корректности, теоретической обоснованности результатов.

Весьма оправданным, на наш взгляд, является использование методологического ресурса антропологии права, исходящей из социокультурной обусловленности права и всей правовой реальности, в органической связи с человеком, конструирующим правовую реальность и воспроизводящим ее своей ментальной и поведенческой активностью.

Человеческое измерение института самозащиты в контексте культуры российского общества позволит ответить на вопрос о том, почему право на самозащиту недостаточно востребовано российскими гражданами; а процесс самозащиты законных прав концентрируется в основном в неформальной сфере (проявляется через крайне опасные формы: голодовка, членовредительство, самосожжение и др.).

Правовая культура — явление конкретно-историческое. Формирующийся современный юридический культурный пласт выступает преемником предыдущего, продолжающего воздействовать (позитивно или негативно) на носителей правовой культуры и в целом на государственно-правовые и общественные процессы в последующее историческое время.

На фоне кризисных явлений в экономике, коррумпированности властных структур, избирательного применения закона снижается авторитет и легитимность государства, усиливается правовой нигилизм, множатся правовой скептицизм, правовая пассивность, созревают протестные и антагонистические настроения по отношению к существующей политико-правовой реальности.

Необходимо также учитывать особенности российской ментальности, которая является одновременно и результатом и предпосылкой культуры, своего рода «инструментом», осуществляющим «обработку» представлений о юридической действительности, формируя правосознание с теми или иными национальными

особенностями: фетишизацией власти, патернализмом, уравнительностью и коллективизмом, стремлением избежать ответственности.

Ментальность создает «скрытые социокультурные барьеры», в определенной мере тормозит формирование гражданского общества в России, препятствует появлению инициативной, ответственной личности, осознанно выражающей свою гражданскую позицию, в том числе и через реализацию права на самозащиту.

Таким образом, неэффективность функционирования института самозащиты служит показателем асинхронности развития политических, правовых и социальных процессов: право на самозащиту регламентировано, а социальные, политические и культурные условия его реализации в полной мере не сложились.

Необходимы совместные усилия государства и гражданского общества, направленные на развитие институтов демократии, повышение уровня правовой и нравственной культуры, ответственности, инициативности личности, активное участие ее в управлении общественными (государственными) делами. Только самоорганизованное, цивилизованное гражданское общество может привести Россию к правовому государству, в котором права и свободы человека и гражданина станут действительно ценностью.

Б.Б. Сулейманов,

*кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
государства и права Всероссийского
государственного университета
юстиции (Северо-Кавказский
институт, г. Махачкала)*

B.B. Suleymanov,

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Theory of
State and Law of the All-Russian State
University of Justice
(North-Caucasus Institute, Makhachkala)*

Самозащита (некоторые вопросы теории и методологии)

Self-defense (some questions of the theory and methodology)

«Самозащита» относится к числу правовых терминов, используемых достаточно широко. Будучи по своему характеру комплексным, т. е. относящимся к различным отраслям права, этот термин не вполне устоялся как категория права. При этом в отраслевых законодательствах имеются признаваемые всеми и доведенные до совершенства конструкции, которые имеют близкие к самозащите смысл и содержание, например, ст. 37 УК РФ. Одновременно в гражданском законодательстве самозащита приводится в перечне способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), с чем согласны не все исследователи. Поэтому представленная автором тема доклада более чем актуальна. На наш взгляд, в докладе предпринята попытка синтезировать все отраслевые и иные проявления самозащиты в рамках одной научной теории. Судя по тексту доклада и другим опубликованным работам, проанализировано множество нормативных правовых актов различного характера, изучены существующие в доктрине подходы к самозащите.

Анализ существующих определений метода, а также обозначение сфер его применения (например, наука, практическая деятельность) представляются убедительными. Логичными являются и выводы о соотношении метода и научных подходов. Интересным можно признать и выбранный подход (ориентир) — феномен человека.

Если судить по содержанию доклада, автор старался применить почти все методы научного познания, выделяя лишь метод материалистической диалектики, поскольку он «наиболее продуктивен».

Однако имеются и такие моменты, которые нуждаются в конкретизации и дополнительном обосновании.

Так, на наш взгляд, в государственно-образованном обществе, в котором человек, его права являются безусловными ценностями, основными могут быть признаны юрисдикционные формы защиты. Самозащиту целесообразно отнести к числу дополнительных форм. Особенно этот вывод касается защиты личности при помощи уголовно-правовых и административно-правовых средств. При этом необходимо указать возможные случаи, обстоятельства, условия, при наличии которых эффективнее применить меры самозащиты. Очевидно, преимуществами самозащиты могут быть признаны оперативность, отсутствие каких-либо формальных процедур и др.

Важен и анализ возможных последствий, которые могут наступить при злоупотреблении правом на самозащиту, ее превышении или чрезмерном распространении. В частности, это умаление авторитета судебной власти, выступающей основным гарантом прав и свобод человека. В целом же попытку автора обозначить проблему самозащиты можно признать серьезным вкладом в формирование теории правовой самозащиты.

П.А. Давыдов,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин Астраханского
филиала Саратовской государственной
юридической академии*

P.A. Davydov,
*Candidate of Law,
assistant professor of public law disciplines
of the Astrakhan branch of the Saratov
State Academy of Law*

Выступление

**К вопросу о разработке механизмов
ограничения самозащиты
On the question of the development
to limit of self-defense mechanisms**

139

Под самозащитой в праве понимается инициативное, самостоятельное действие лица по недопущению нарушения его субъективного права и, как следствие, предполагаемое воздействие по уменьшению последствий указанного нарушения. Иначе говоря, как в уголовном, так и в гражданском праве, это защита прав определенного лица самостоятельно, без обращения в компетентные органы власти.

Современное состояние российской судебной системы все больше заставляет задуматься о необходимости разработки, с одной стороны, механизмов, ограничивающих самозащиту, а с другой стороны — правовых институтов, которые бы заставили наконец-то правоприменительные органы более правильно применять их на практике.

На протяжении всей истории развития права мы видим стремление государства ограничить пределы допустимой самозащиты. В этом есть логика, ведь в 1990-е гг., вследствие определенных обстоятельств в нашей стране использовался негативный принцип самозащиты прав, что привело к разгулу преступности. Таким образом, говоря о самозащите, мы должны четко понимать ее допустимые правовые пределы, в контексте же построения правового государства этот институт должен быть строго лимитирован правом, и только правом.

Кроме того, указанный подход к пониманию самозащиты должен быть четко и более логично определен как в ГК РФ, так и в УК РФ, т. е. государство должно, с одной стороны, гарантировать наличие этого института, а с другой стороны — законом обязать «правоприменителей» всех уровней уважать и соблюдать права лиц на применение указанной формы защиты права исключительно в предусмотренных законом случаях.

Без наличия высокопрофессиональных юристов в правоприменительных органах решение вопроса функционирования института самозащиты в Российской Федерации невозможно. Это подтверждается сегодняшней ситуацией, связанной с реализацией на практике права лица на самозащиту его прав. Ведь лиц, применивших самозащиту своих прав, чаще всего привлекают к уголовной ответственности в связи с тем, что их обвиняют в превышении пределов необходимой обороны и заставляют самих доказывать свою невиновность. Хотелось бы отметить, что без наличия развитого, современного института самозащиты прав построение гражданского общества и правового государства невозможно.

В.В. Елистратова,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии*

V.V. Elistratova,
*Candidate of Law, Associate Professor
Department of Foreign Languages
Saratov State Law Academy*

Использование методологического инструментария в исследовании категории гражданской самозащиты

The use of methodological tools in the study of the category of civil self-defense

Рассмотрение гражданской самозащиты как актуальной проблемы российской юридической науки и практики в методологическом аспекте раскрывает широкий потенциал методологических возможностей в про-

цессе познания. Автор доклада справедливо утверждает, что эффективная с точки зрения конечного результата научная методология как учение о методах познания и преобразования действительности предполагает некую мировоззренческую концепцию, основанную на плюрализме этих методов и идеологии их использования.

Методология исследования указанной проблемы направлена на определение оптимального пути ее изучения с достижением конкретных научных результатов, обогащающих существующее знание о гражданской самозащите в системе правовой защиты. Изучение проблемы гражданской самозащиты представляет особый интерес в двух важных аспектах: в качестве правового института и как формы защиты субъективных прав.

Использование широкого арсенала методологических инструментов и приемов способствует более глубокому комплексному познанию исследуемого объекта. При этом действительно большое значение имеет активно-преобразовательная мировоззренческая позиция исследователя, на которую указывает докладчик. Важно представлять, каким образом в ходе применения того или иного подхода происходит выстраивание последовательных шагов для достижения целей исследования.

При достаточном разнообразии представленных в докладе методологических приемов целесообразно выделить необходимость использования междисциплинарного подхода, который позволит учесть знания различных наук с целью определения места самостоятельного института гражданской самозащиты в системе правоохраны и защиты права, расширяя представление об исследуемом объекте. Данный подход будет, несомненно, полезен, например, при формировании категориального аппарата, а также при определении средств, способов и гарантий самозащиты.

Методологические инструменты и приемы призваны стать действенным системообразующим ориентиром формирования мировоззренческой позиции исследователя на пути познания истины. Использование методологического инструментария способствует выявлению механизма реализации права на самозащиту, взаимосвязи его элементов, а также общих закономерностей становления и развития данной правовой категории.

Д.Н. Палагин,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры публичного права
Поволжского кооперативного
института (филиала) Российского
университета кооперации*

D.N. Palagin,
*Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Public
Law of the Volga Cooperative Institute
(branch) of the Russian University of
Cooperation*

Проблемы реализации права на самозащиту Problems of realization of the right to self-defense

Самозащита как один из способов защиты гражданских прав имеет на практике определенные сложности реализации, связанные с правильностью понимания ее содержания, условий и пределов применения.

Так, анализируя положения гражданского законодательства, нормы ч. 2 ст. 45 Конституции РФ о возможности защиты своих прав и свобод способами, не запрещенными законом, правовые позиции Верховного Суда РФ, изложенные в п. 10 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», о том, что самозащита гражданских прав может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество, а также может заключаться в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны или совершена в состоянии крайней необходимости, следует признать, что, определяя общие правила поведения при самозащите, законодатель и правоприменитель не определяют конкретных механизмов ее реализации, предусматривая только ее пределы.

Такая ситуация во многом объясняется тем, что многообразие возникающих на практике случаев, связанных с нарушением гражданских прав либо с угрозой их нарушения, не позволяют законодательно предусмотреть конкретных механизмов реализации самозащиты, которые были бы универсальными для применения, поэтому законодатель предоставляет субъектам гражданского права возможность реализовывать право на самозащиту любым дозволенным законом способом, в пределах, необходимых для пресечения нарушения права.

Следовательно, реализация такого способа в широком смысле может быть какой угодно при условии, что она осуществляется в установленных законом пределах.

Учитывая значительный объем дозволенного поведения при защите гражданских прав путем самозащиты, следует отметить проблему крайне редкого использования участниками гражданских правоотношений данного способа защиты. Об этом свидетельствует постоянно возрастающее количество обращений граждан и юридических лиц в судебные и иные государственные органы за защитой их прав. Причем такого рода обращения не представляют собой особой сложности при их разрешении с точки зрения права и не требуют привлечения лиц, обладающих специальными познаниями, или компетентных органов для дачи заключений. В большинстве своем они могли бы быть разрешены в краткие сроки самостоятельно, без обращения к правоприменителю.

Кроме того, большинство граждан вообще не знают о таком способе защиты гражданских прав и нередко, используя его, не подразумевают о том, что защищают свои права предусмотренным законом способом. Как правило, на практике самозащита выражается в совершении действий до нарушения права, когда лицо принимает меры, призванные не допустить нарушения его гражданских прав.

Как писал В.И. Синайский, принципиально широкое применение внесудебной защиты желательно, при том, однако, непременном условии, чтобы такой самозащитой не нарушался социальный мир, в охрану которого создана судебная защита.

Таким образом, являясь древнейшим способом защиты гражданских прав, самозащита не получила массового применения, и ее потенциальные субъекты по-прежнему прибегают за защитой своих прав к нецелесообразному содействию судебных и иных государственных органов.

Е.М. Хохлова,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры правовых дисциплин
Мордовского государственного
университета им. Н.П. Огарева*

E.M. Khokhlova,
*Candidate of Law, assistant professor
of legal disciplines of Mordovia State
University named by N.P. Ogareva*

Субъективное право и право на самозащиту **Subjective right and the right to defend itself**

Понятие субъективного права уже сложилось в науке и представляет собой *гарантируемые законом вид и меру возможного или дозволенного поведения лица*. Право же на самозащиту означает возможность субъекта в случае нарушения его прав, свобод или законных интересов осуществлять самостоятельные действия, направленные на предотвращение или устранение нарушения, восстановление нарушенных прав.

Субъективное право обладает определенной внутренней структурой: право поведения, право требования, право притязания, право пользования. Данные возможности представляют взаимосвязи внутренней системы самого права на самозащиту.

Право поведения — возможность беспрепятственно осуществлять любую разрешенную или допускаемую государством деятельность по самозащите нарушенных прав. Право требования в праве на самозащиту означает возможность требовать от других лиц создания условий для применения мер соответствующей самозащиты. Право притязания в самозащите представляет собой возможность в случае появления препятствий к самозащите обращаться к государству с заявлением об устранении таковых и государственной защите. Право пользования в праве на самозащиту представляет возможность воспользоваться «иммунитетом неприкосновенности» за самостоятельную правозащитную деятельность, не превышающую установленных законом пределов.

Таким образом, использование сравнительно-правового метода позволяет выявить, что право на самозащиту отождествляется в правовой науке со способами и средствами реализации самозащиты, а также установить, что правовая самозащита, имея необходимые признаки соответствия, является самостоятельным субъективным правом.

А.Н. Зрячкин,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства
и права Саратовской государственной
юридической академии

О.В. Яроховец,
студентка Юридического института
правового администрирования
Саратовской государственной
юридической академии

A.N. Zryachkin,
*Candidate of Law Associate Professor,
Associate Professor of Theory of State and
Law of the Saratov State Academy of Law*

O.V. Yarohovets,
*Student of Law Institute
of Legal Administration
Saratov State Law Academy*

К вопросу о понятии самозащиты российских граждан To the question about the concept of self-defense of Russian citizens

Обращение к проблеме гражданской самозащиты в Российской Федерации считаем актуальным и своевременным. Согласимся с докладчиком в том, что для решения любого правового вопроса важна методологическая основа, необходимая и достаточная для доктринального осмысления ситуации. Система средств, приемов и способов исследования самозащиты гражданина раскрывается докладчиком достаточно подробно.

Вместе с тем представляется, что многие аспекты самозащиты личности тесно связаны с проблемами правосознания, общей и правовой культуры населения. Более того, эти явления непосредственно свидетельствуют о том, насколько самозащита способна приблизить или отдалить от реальности идеалы и принципы правового государства.

Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев не раз упрекал россиян в юридическом нигилизме, особо подчеркивая, что «подобным уровнем пренебрежения к праву не может «похвастаться» ни одна другая европейская страна. И это явление уходит в нашу седую древность» (Российская газета. 2008. 24 января).

Полагаем, что чем ниже уровень правосознания и правовой культуры населения, тем больше вероятность того, что институт самозащиты вообще не будет функционировать. В такой ситуации уважение к закону, стремление неукоснительно соблюдать и исполнять его требования будет снижаться. Справедливо и обратное утверждение: чем более развито правосознание, чем выше юридическая культура общества и его граждан, тем больше шансов с помощью самозащиты преодолеть юридический нигилизм.

Интересными представляются и суждения докладчика, касающиеся определения самозащиты, в частности, предложение включить в ее состав отстаивание прав и свобод не только непосредственного субъекта, но и интересов его близких. Полагаем, что в таком случае указанная категория будет трактоваться излишне широко, что грозит смешением с другими терминами.

Предлагаем в связи с этим провести разграничение между понятием «самозащита личности», раскрывая его как деятельность человека и гражданина

по отстаиванию собственных возможностей и интересов, и термином «представительская защита», допускающим возможность помощи других лиц при осуществлении представительства отдельных категорий граждан (несовершеннолетних, недееспособных и т. д.).

Отмеченные моменты свидетельствуют лишь о том, что работа, представленная для обсуждения, вызывает безусловный интерес, имеет большое теоретико-методологическое значение и объективно необходима не только для науки, но и для юридической практики.

Т.В. Касаева,
*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Саратовского
социально-экономического института —
филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова*

T.V. Kasayeva,
*Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and
History of State and Law of the Saratov
Socio-Economic Institute, a branch of RG
named after GV Plekhanov*

Защита прав и свобод человека органами власти

Protection of human rights and freedoms by the authorities

Вопросы самозащиты не стояли бы столь остро, если бы реализовывалась в полной мере одна из главных функций правового государства — охрана интересов человека, защита и восстановление его прав. Очевидно, что для реализации этой функции государство должно обладать набором достаточно эффективных приемов и средств деятельности.

В современной России права и свободы граждан пока так и не стали для государства высшей ценностью. Анализ законодательства Российской Федерации показывает, что права человека упоминаются в его нормах с завидным постоянством, а законы об органах власти всех уровней изобилуют нормами о защите прав человека. И, тем не менее, следует признать, что в нынешней правовой системе нормативное регулирование правозащитной функции государственных органов осуществляется слабо: граждане, как правило, плохо информированы о своих правах относительно обращения в органы власти, а также об обязанностях чиновников. Последние порой умышленно скрывают подобную информацию.

Для создания многозначной, многофункциональной системы защиты прав и свобод целесообразно:

1. Принять федеральный закон об основах правозащитной деятельности государственной власти в Российской Федерации. В таком законе можно было бы определить роль государства и степень его ответственности за правовую защищенность граждан, стратегию законодательной и исполнительной власти в этой сфере на период перехода к рынку. Помимо прочего, закон снял бы разногласия по этим вопросам, которые сейчас весьма существенны и осязательны под воздействием рыночных отношений.

2. Назрела необходимость в создании отлаженного механизма взаимодействия государственных и негосударственных структур — субъектов, осуществляющих правозащитные функции, с созданием специального координирующего органа. Пока такая система не сложилась, механизм защиты прав и свобод граждан будет продолжать «пробуксовывать».

3. Важно усилить борьбу с коррупцией — аморальным феноменом, на противодействие которому и направлен институт самозащиты граждан. По данным центра «Трансперенси Интернешнл — Р» (Международное движение по противодействию коррупции), представившего ежегодный доклад «Индекс восприятия коррупции», в 2014 г. Россия опустилась на шесть позиций и заняла по данному показателю 136-е место из 175, поделив его с Нигерией, Ливаном, Кыргызстаном, Ираном и Камеруном, получив 27 баллов против 26 в 2013 г. (URL: <http://www.transparency.org.ru>).

Значительную роль в противодействии коррупции должно сыграть дальнейшее упрочение принципа открытости власти. Отдельные шаги в данном направлении предпринимаются. Так, Правительство РФ поручило Министерству труда разработать проект закона, согласно которому в России будет создан «реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия». В этот документ могут быть внесены данные о государственных служащих всех уровней, муниципальных служащих, таможенниках, работниках Центробанка, МВД, Генпрокуратуры, Следственного комитета. Реестр призван сыграть профилактическую роль в деле борьбы с коррупцией, т. к. содержит в себе фактор риска для репутации потенциального коррупционера. Создание такого документа будет способствовать реализации принципа открытости власти в отношении должностных лиц, уволенных за коррупционное поведение, и, в конечном итоге, обеспечению правовой защищенности личности.

С.А. Мельников,
*аспирант кафедры теории государства
и права Саратовской государственной
юридической академии*

S.A. Melnikov,
*Postgraduate Student of the Department of
Theory of State and Law of the Saratov
State Law Academy*

Самозащита как индивидуальная форма реализации права Self-defense as an individual form of law implementation

В общем понимании реализация права представляет собой действия субъектов права, направленные на воплощение правовых предписаний в жизнь. Одним из таких действий является право на самозащиту.

Реализация права воплощается посредством индивидуальной и коллективной формы реализации права. Под индивидуальной формой реализации права предлагается понимать активную или пассивную деятельность субъекта

права путем совершения правомерных действий по реализации своих прав и обязанностей. Коллективная форма реализации права представляет собой правомерные действия вступивших между собой в правоотношение субъектов права для реализации своих прав и обязанностей. Данная форма подразумевает такие отношения, при которых результат реализации права достигается исключительно путем вступивших между собой в правоотношение нескольких субъектов права.

Под самозащитой понимаются правомерные действия субъекта права, направленные на защиту своих прав и свобод или восстановление уже нарушенных прав и свобод. В юридической литературе самозащита рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле самозащита включает любые действия, направленные на защиту или восстановление своих прав и свобод, в том числе обращение в судебные и иные инстанции, а также действия необходимой обороны и т. д. В узком понимании самозащита представляет собой исключительно самостоятельные правомерные действия субъекта права по пресечению попытки нарушения его прав и свобод.

Самозащита находит свое выражение в рамках как гражданского, так и уголовного права.

Так, самозащита в гражданском праве предусмотрена ст. 12 ГК РФ. Рассматривая самозащиту в рамках гражданско-правовых отношений, можно выделить несколько подходов. Согласно первому подходу самозащита представляет собой правомерные действия субъектов права, направленные на защиту своих гражданских прав исключительно во внедоговорных отношениях. Второй подход ограничивает сферу применения самозащиты договорными отношениями.

В рамках уголовного права самозащита выражается в тождественном понятии «необходимая оборона», которая гарантирована ст. 37 УК РФ. Под необходимой обороной понимаются правомерные действия по защите личности и прав лица, обороняющегося от других лиц, путем причинения вреда посягающему лицу.

Как правовая категория необходимая оборона имеет отличия от схожих институтов. Во-первых, посягательство должно быть начавшимся, но не окончившимся. Во-вторых, действия по необходимой обороне должны быть своевременными, т. е. должны быть совершены от момента начала посягательства и до его окончания. В-третьих, последствия от необходимой обороны должны быть соразмерны как уже причиненному ущербу, так и возможному причинению вреда.

Таким образом, рассматривая самозащиту как самостоятельные (без помощи иных субъектов права) правомерные действия по реализации права лица на защиту своих прав, свобод и интересов, можно заключить, что она является индивидуальной формой реализации права. Субъектами реализации самозащиты как индивидуальной формы реализации права могут выступать исключительно граждане.

Е.В. Колесников,
доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного
и международного права Саратовской
государственной юридической академии

E.V. Kolesnikov,
Doctor of Law,
Professor of the Department of
Constitutional and International law
Federal State Budget Educational
Establishment of Saratov State Law
Academy

Ю.В. Ермолаева,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
конституционного и международного
права Саратовской государственной
юридической академии

Y.V. Ermolaeva,
Candidate of Law, educator of the
Department of Constitutional and
International law Federal State Budget
Educational Establishment of Saratov State
Law Academy

Рецензия на монографию:
Остапович, И.Ю. Конституционный Совет
Республики Казахстан: вопросы теории и
практики : монография. — 2-е изд., доп. и
перераб. — Усть-Каменогорск, 2015. — 259 с.
(Казахстанско-американский свободный
университет; проект «Интеллектуальное
наследие»).

Автор рецензируемой монографии — Игорь Юрьевич Остапович, кандидат юридических наук, доцент Горно-Алтайского госуниверситета. Он проявил инициативу и посвятил исследование теории и практике конституционного надзора в соседнем и дружественном россиянам государстве — Республике Казахстан.

Монография выполнена на актуальную тему, поскольку сегодня деятельность органов конституционного контроля и надзора приобретает особую значимость. Именно они вносят огромный вклад в укрепление конституционного строя, реализацию прав и свобод человека и гражданина, обеспечение нормальной жизнедеятельности общества и государства.

Структура работы включает пять глав, объединяющих девять параграфов, введение, заключение, список использованных нормативно-правовых и литературных источников и приложения.

Выпущенная в вузовском издательстве г. Усть-Каменогорска (Республика Казахстан), книга отличается хорошим полиграфическим оформлением и имеет немалый для нашего времени тираж — 1000 экземпляров.

Результаты проведенного И.Ю. Остаповичем исследования получены на основе объективного и критического анализа многочисленных актов конституционного и текущего законодательства Казахстана, Белоруссии, Франции и ряда других стран.

Первая глава посвящена общетеоретическим вопросам специализированного конституционного контроля. Обоснованно охарактеризованы категории

конституционного контроля и надзора, указано на специфику деятельности контролирующих и надзорных органов.

Положительным является подробное рассмотрение моделей конституционной юстиции в зарубежных странах — особенно во Франции, где уже несколько десятилетий активно действует Конституционный Совет (с. 23, 61, 65, 67 и др.).

Во второй главе показана история правовой охраны Конституции Казахстана, охарактеризованы статус и некоторые решения Конституционного суда, действовавшего в 1992–1995 гг. (с. 36–46). Кратко сказано о причинах его упразднения и создания в 1995 г. Конституционного Совета РК (с. 47–48).

В третьей главе при рассмотрении правового статуса Конституционного Совета и его роли в осуществлении охраны национальной Конституции автор обоснованно высказывается о неоправданном сужении конституционного надзора в сфере реальной ответственности высших должностных лиц государства (с. 62–63). Обращается внимание на специфику природы нормативных постановлений Конституционного Совета. Согласно Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. они являются источником действующего права, что придает им большой вес в правовой системе (с. 74).

Ценными являются предложения по совершенствованию деятельности анализируемого института. Так, предлагается сочетать предварительный контроль с последующим конституционным контролем, предоставить Конституционному Совету право рассматривать по инициативе Президента конституционность всех нормативных актов, в том числе законов, вступивших в силу (с. 68–70). Затронута важная и не теряющая остроты проблема исполнения решений органов конституционного контроля, сделаны предложения об изменении текущего законодательства (с. 81, 82). Это весьма актуально и для Российской Федерации, в которой также отсутствует целостный и эффективный механизм исполнения решений Конституционного Суда РФ.

В главе 4 проанализированы правоприменительная практика Конституционного Совета, влияние на развитие законодательства, что позволяет оценить его деятельность в общегосударственном масштабе.

Глава 5 посвящена роли Конституционного Совета в обеспечении единства судебной практики (с. 129–146).

В то же время рецензируемая работа не лишена недостатков. Так, достаточно поверхностно проведено различие между органами конституционного контроля и конституционного надзора. Не аргументировано положение о том, что надзорному органу должно предоставляться право по собственной инициативе возбуждать процедуру проверки нормативных актов (с. 23).

Недостаточно внимания уделено такому важному полномочию органов конституционного контроля и надзора, как толкование основных норм (с. 72). На наш взгляд, помимо вопроса об уяснении и понимании терминов

и понятий следовало рассмотреть пределы и способы такой интерпретации при осуществлении конституционных задач и функций.

На с. 76–77 лишь мимоходом затронут вопрос о пересмотре Конституционным Советом Казахстана собственных решений, однако позиция автора по данному вопросу не вполне ясна. Не было бы лишним и углубленное рассмотрение процедурно-процессуальных аспектов работы данного органа.

Целесообразно также расширить весьма лаконичное заключение (с. 147–149) и представить в нем не частные, а общие выводы по всему проведенному исследованию.

Несмотря на высказанные замечания, работа имеет несомненную теоретическую и практическую значимость. Рецензируемая монография предназначена для всех, кто интересуется политико-правовой проблематикой Казахстана, государств СНГ, сравнительным правоведением. Она расширяет смысловое содержание конституционализма и послужит основой для дальнейших размышлений о практике современного государственного строительства (и не только в Казахстане).